

**Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского**

Арзамасский филиал ННГУ

**Историки об учителе.
Научно-биографический сборник к
90-летию профессора
Евгения Васильевича Кузнецова**

**Арзамас
Арзамасский филиал ННГУ
2021**

УДК 930
ББК 63.3(2)-я434
И90

Печатается по решению ученого совета Арзамасского филиала ННГУ
(протокол № 11 от 30.09.2021)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В. А. ЕВСЕЕВ
(Ивановский государственный университет)

доктор исторических наук, доцент Л. В. СОФРОНОВА
(Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина)

Составители:

доктор исторических наук, доцент В. А. СОМОВ
кандидат исторических наук, доцент С. А. ЗОТОВ
доктор исторических наук, доцент А. Р. ПАНОВ

**И90 Историки об учителе. Научно-биографический сборник
к 90-летию профессора Евгения Васильевича Кузнецова /**
сост. В. А. Сомов, С. А. Зотов, А. Р. Панов; Арзамасский филиал
ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. – 194 с.
ISBN 978-5-6046140-4-4

Сборник приурочен к 90-летию доктора исторических наук, профессора Евгения Васильевича Кузнецова и содержит связанные с его творческой деятельностью автобиографические материалы в отражении воспоминаний его учеников и коллег, а также две работы самого Е. В. Кузнецова – переиздание монографии «Рождение России» и не публиковавшаяся ранее статья «Как мы преподавали историю».

УДК 930
ББК 63.3(2)-я434

ISBN 978-5-6046140-4-4

© Арзамасский филиал ННГУ, 2021

Содержание

<i>От составителей</i>	4
<i>Толстова Н. Н. О юбиларе. Штрихи к 90-летию</i>	7
<i>Добровольская И. Г., Гвановская И. П. О документах личного фонда Е. В. Кузнецова</i>	10
<i>Белохвостов А. Н. Наша работа продолжается</i>	13
<i>Воронкова Г. В. К 90-летию Евгения Васильевича Кузнецова</i>	16
<i>Егоров Г. В. Заметки к юбилею Е. В. Кузнецова</i>	18
<i>Зотов С. А. Евгений Васильевич Кузнецов</i>	21
<i>Колобов О. А. Слово об учителе</i>	25
<i>Костина С. В. Невероятный труженик</i>	26
<i>Кузнецов А. А. Личные мемории и почти историографические размышления в связи со здравицей Евгению Васильевичу Кузнецову</i>	27
<i>Лукоянов В. В. Глубокий знаток своего предмета</i>	37
<i>Максимов С. В. Незаурядная личность: несколько слов о профессоре Е. В. Кузнецове</i>	40
<i>Меженин В. М. «Труды и дни» профессора Е. В. Кузнецова</i>	46
<i>Морохин А. В. О Е. В. Кузнецове</i>	60
<i>Романовская В. Б. К юбилею Кузнецова Евгения Васильевича</i>	64
<i>Саберов Р. А. «Хоть тело бrenно, но молода душа»</i>	67
<i>Сагателян Г. Ш. Воспоминания о Е. В. Кузнецове</i>	68
<i>Синицын М. О. С благодарностью о Е. В. Кузнецове</i>	72
<i>Сомов В. А. Мой Кузнецов</i>	74
<i>Сорокина Т. Б., Щелокова Н. В., Яблонская О. В. Научный руководитель – Е. В. Кузнецов</i>	80
<i>Панов А. Р., Третьякова М. В. Евгений Васильевич Кузнецов и сообщество арзамасских историков</i>	82
<i>Струкова М. И. К 90-летию Е. В. Кузнецова. Воспоминания</i>	86
<i>Титков Е. П. Профессор Е. В. Кузнецов в моей жизни</i>	90
<i>Шиженский Р. В. Дорогой учитель</i>	100
<i>Кузнецов Е. В. Как мы преподавали историю</i>	105
<i>Кузнецов Е. В. Рождение России</i>	113

От составителей

9 октября 2021 года нижегородскому ученому, профессору-историку Евгению Васильевичу Кузнецову исполняется 90 лет!

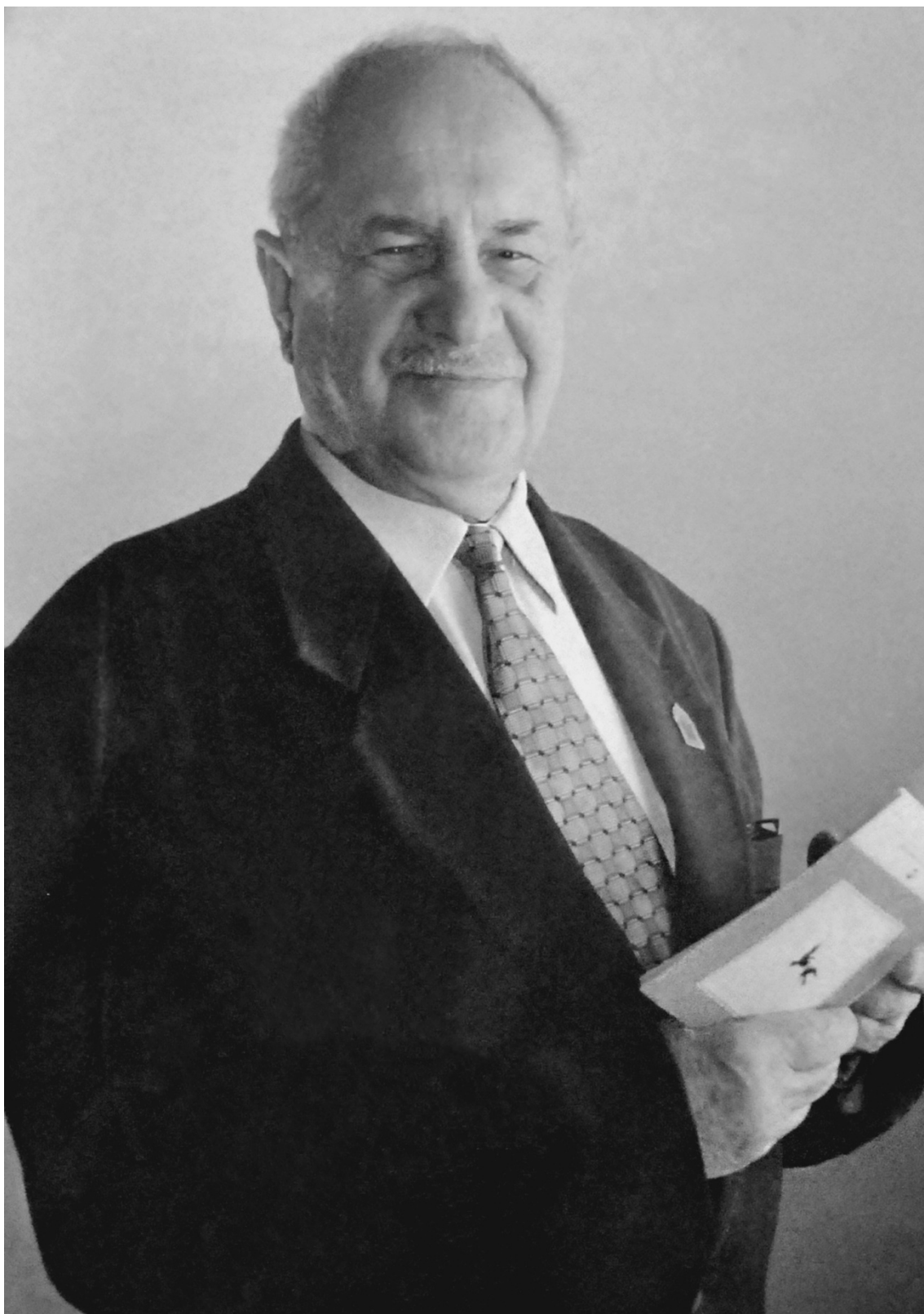
Это знаменательное событие для его коллег, учеников, единомышленников. И все они, кто откликнулся на предложение поделиться своими эмоциями и памятными моментами, жизненными обстоятельствами, научными достижениями и личными переживаниями, связанными с участием в их судьбе Евгения Васильевича, данной публикацией отдали дань уважения и признания своему Учителю. Каждый автор, вспоминая эпизоды собственной жизни, связанные с Евгением Васильевичем Кузнецовым, пишет об «эпохе», и, по сути, – о себе, о своем месте в историко-культурной традиции Нижнего Новгорода и области. Такое вклад в развитие нижегородской историографии, безусловно, накладывает на авторов особую ответственность.

К сожалению, не все его коллеги, друзья, ученики смогли сегодня разделить искреннюю радость по этому поводу – кого-то уже нет с нами, ну а кто-то посчитал для себя излишним делиться своими воспоминаниями о юбиляре, отделившись от него по разным причинам объективного (и не очень) характера. Тем ценнее эти, пусть не многочисленные, но искренние и душевные, нетривиальные и дружеские суждения нижегородских историков об их учителе, друге и коллеге – профессоре Евгении Васильевиче Кузнецове.

Сборник задумывался при участии одного из самых близких юбиляру учеников и коллег – Радислава Вячеславовича Кауркина. К сожалению, реализация идеи проходит без него и без его текста о Евгении Васильевиче Кузнецове. Так уж получилось, что Радислав ушёл из жизни в год 90-летия своего Учителя. Но можно быть уверенным, что он незримо присутствует, дружески критикует и одобряет скромные попытки завершить задуманное.

В сборнике представлены автобиографические материалы, связанные с творческой деятельностью Евгения Васильевича Кузнецова в отражении воспоминаний его учеников, многие из которых стали его коллегами и друзьями. Главная идея этого сборника – своевременная дань уважения и восхищения талантом ученого, настолько дефицитного, насколько и необходимого в наше непростое время. В сборник также включены неопубликованная ранее статья Евгения Ва-

сильевича Кузнецова «Как мы преподавали историю» и одна из его научных работ – «Рождение России».

Евгений Васильевич Кузнецов

О юбиларе. Штрихи к 90-летию

Толстова Надежда Николаевна, к.и.н.

Евгений Васильевич Кузнецов родился 9 октября 1931 г. в г. Бор Горьковской области в семье служащих (отец – работник бухгалтерии в учреждениях МВД, мать – учительница начальных классов). В 1932 г. семья переехала в г. Горький. Здесь Кузнецов с серебряной медалью окончил среднюю школу и поступил на историческое отделение открытого в 1946 г. историко-филологического факультета Горьковского университета. В то время историков готовили две кафедры: истории СССР и всеобщей истории. Вторую кафедру возглавлял член-корреспондент АН СССР С. И. Архангельский – первый декан факультета. Он и профессор Н. П. Соколов были сторонниками углубленной подготовки студентов к творческой работе в той или иной отрасли исторических знаний, особенно по зарубежной истории. Таким студентом показал себя и Кузнецов, что признавали и сокурсники.

В 1955 г. он с отличием окончил отделение истории историко-филологического факультета и поступил в аспирантуру по кафедре всеобщей истории к С. И. Архангельскому, крупному специалисту по истории средневековой Англии. Этот период (средневековье) и эта страна (Англия) стали для Евгения Васильевича на долгие годы одним из основных предметов его научных интересов, поисков и увлечений. Солидная общеисторическая подготовка и знание иностранных языков (он владел в те годы английским, немецким, латинским, позднее добавился французский) давали возможность свободно читать первоисточники и работы зарубежных авторов по интересовавшим его сюжетам средневековой Англии. Кузнецов досрочно закончил аспирантуру, защитил успешно в 1959 г. диссертацию и был оставлен на кафедре всеобщей истории.

После смерти в 1958 г. С. И. Архангельского в течение десяти с лишним лет кафедру возглавлял профессор Н. П. Соколов, специалист по средневековой Венеции, медиевист, организовавший коллектив, в том числе – Е. В. Кузнецова, на изучение развития атеистической мысли в Западной Европе. Ни у кого в университете и на факультете не было сомнений в том, что после Н. П. Соколова кафедру всеобщей истории должен возглавить Е. В. Кузнецов. Эту должность он исполнял в 1969–1976 годах, одновременно на два срока (1971–

1981) утверждался деканом историко-филологического факультета и работал над докторской диссертацией «Движение лоллардов в Англии конца XIV – XVII вв.», которую защитил в 1973 г. Как специалист по всеобщей истории Е. В. Кузнецов, помимо двух диссертаций, является автором около 60-и англоведческих работ, в том числе – переводов с английского и латинского языков документов разного происхождения и вида (в 1973 г. переведена и прокомментирована монография известного деятеля средневековой Англии Томаса Мора «История Ричарда III», позднее в научный оборот им были введены переведенные летописи, петиции, проповеди и другие источники); Евгений Васильевич подготовил и издал серию межвузовских сборников «Англия в XIV–XVII вв. Проблемы генезиса капитализма».

Изучая общественное движение и классовую борьбу в Англии и в других европейских странах, Кузнецов вполне логично выделил еще один аспект своих изысканий – религиозный, и стал специалистом по истории религии и атеизма, и не только в Англии, но и в России, в том числе и в Нижегородском крае.

Не оставляя английскую тематику, с 1976 по 2010 годы Кузнецов занимался проблемами истории России: в 1976–1984 годы – возглавляя, ставшую в 1974 г. самостоятельной, кафедру дореволюционной России (тогда она называлась по-другому) в Горьковском университете; в 1984–1995 годы – руководя кафедрой истории России в пединституте им. М. Горького (ныне педагогический университет им. К. Минина); в 1995–2010 годы – работая профессором аналогичной кафедры Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара. Евгений Васильевич – автор нескольких монографий, среди них – «Этногенез восточных славян: исторические очерки» (книга выдержала два издания). На основе обширной источниковой базы и работ зарубежных авторов он прослеживает путь миграции русов от восточных берегов Средиземного до западных берегов Балтийского морей. Отметим монографию «Рождение России (исторические судьбы русских земель после нашествия Батыя» (2004), а также работу о нижегородском епископе Дамаскине (в миру – Дмитрий Ефимович Семенов-Руднев). Евгений Васильевич был руководителем авторского коллектива хрестоматии «Нижегородское Поволжье в документах, цифрах, рассказах, мнениях» (1992 г., переиздана в 2008 г.). В исследованиях по российской проблематике, оперируя огромным фактическим материалом, Кузнецов подчеркивал общее и

особенное в дореволюционной, особенно средневековой, истории России, ее место в европейском «сообществе».

С 2011 года по состоянию здоровья (ослеп) Кузнецов прекратил преподавательскую деятельность, ушел на пенсию, но не перестал заниматься научной работой, диктуя тексты, консультируя начинающих исследователей; продиктованные на диктофон его школьные воспоминания о военных годах опубликованы; подготовил документы своего личного архива к передаче на государственное хранение в ГОПАНО.

О документах личного фонда Е. В. Кузнецова

Добровольская Татьяна Геннадьевна

Гвановская Ирина Павловна

В Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области (ГОПАНО) хранится личный фонд № Р-7866 – Кузнецов Евгений Васильевич (1931 г.р.), доктор исторических наук, профессор, председатель областного добровольного русского патриотического общества «Отчизна». Это самый первый личный фонд, созданный в нашем архиве в 1997 году. А в настоящее время в архиве хранится более 80 личных фондов.

Е. В. Кузнецов принадлежит к числу тех личных фондосдатчиков, которые понимают ценность документов и сдают в архив только наиболее значимые из них. В настоящее время в фонде № Р-7866 хранится более 590 дел за период 1904–2018 гг. Они характеризуют Евгения Васильевича как разностороннего ученого-историка с мировым именем, специалиста в области всеобщей истории, истории России, этнической демографии, истории религии и атеизма, как талантливого преподавателя, общественного деятеля, русского патриота, исключительно честного человека.

В фонде отложились документы творческой научной и педагогической деятельности Е. В. Кузнецова (докторская диссертация, межвузовские сборники под его редакцией, монографии и другие научные работы, очерки, статьи, тексты выступлений на научных конференциях, тексты лекций и методических пособий для студентов, материалы к ним, рецензии и отзывы на труды ученых-историков и др.). Имеются статьи с интервью Евгения Васильевича в печати, его биографические воспоминания.

Документы фонда представляют научные интересы Е. В. Кузнецова: история средневековой Англии, древняя история славян и русов, краеведение, история свободомыслия и атеизма в Западной Европе и России и др. Читая бесконечные тексты хроник, перелистывая исторические памятники и документы по истории Англии, Евгений Васильевич хотел найти совершенно новое, то, чего не было в английской историографии, стремился к тому, чтобы результаты были новы, обогащали научную среду совершенно другой страны. И до сих пор он гордится тем, что кое-что нашел и написал.

Кроме научной деятельности в документах фонда достаточно широко освещена активная гражданская позиция Евгения Васильевича (руководство Нижегородским областным добровольным русским патриотическим обществом «Отчизна», участие в III съезде международного общественного объединения «Славянский Собор» и др.).

Документы к биографии, педагогической и общественной деятельности Евгения Васильевича представлены почетными грамотами и благодарственными письмами, программами научных конференций, приглашениями на различные мероприятия, поздравлениями.

В фонд также вошли дарственные надписи ученых на подаренных Е. В. Кузнецову изданиях, переписка Евгения Васильевича с разными лицами и организациями, собранные документы, фотографии, документы о нем и др.

Межвузовский сборник научных трудов АГПИ им. А. П. Гайдара «Исследования по истории Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время» предваряют статьи «Словами неучеными об ученом» и «С благодарностью к учителю», посвященные научно-педагогической деятельности Е. В. Кузнецова. Человеческое отношение к жизни своих студентов, отеческая забота о них – наиболее существенные черты преподавательской деятельности Евгения Васильевича. Он много времени уделял бытовым вопросам жизни студентов, живо интересовался их внеучебной деятельностью. Ученики Евгения Васильевича на всю жизнь запомнили его высказывания: «Из небольших наблюдений складываются великие открытия» и др.

Большую ценность представляют хранящиеся в фонде биографические воспоминания Е. В. Кузнецова, в том числе о его военном детстве. Обладая феноменальной памятью и талантом хорошего рассказчика, Евгений Васильевич описывает в них не только личную жизнь, но и пытается через призму своих собственных восприятий показать те изменения, которые переживала русская интеллигенция во второй половине XX столетия.

Е. В. Кузнецов – человек, живущий очень скромно, который никогда не хотел что-то накопить, но очень любил делиться. Его любимая пословица: «Все, что спрятал – то пропало, все, что отдал – твое...». Отсюда его патриотизм – стремление активно служить Отчизне, русскому народу и добрым людям.

Коллектив ГОПАНО поздравляет Евгения Васильевича с замечательным юбилеем и желает ему крепкого здоровья, бодрости духа,

хорошего настроения на долгие годы и надеется на пополнение его личного архивного фонда новыми документами.

Наша работа продолжается

Белохвостов Андрей Николаевич, к.и.н.

С Е. В. Кузнецовым я познакомился в 1996 году, когда поступил учиться в Арзамасский педагогический институт. История не являлась моим любимым предметом в школе, однако лекции профессора Кузнецова полностью изменили первоначальное настроение. Огромная эрудиция, четкая логика и последовательность в раскрытии любой темы, а также «свободная» манера подачи материала полностью захватывали мое внимание. На занятиях Евгения Васильевича история уже не воспринималась скучной и простой дисциплиной, связанной с бессмысленным запоминанием однообразных фактов. Наоборот, история теперь казалась бесконечно увлекательным и сложным миром, познание которого может доставить истинную радость каждому любознательному человеку. При этом меня удивляло, что многие факты, приводимые на лекциях, было трудно найти в учебниках и даже в специальных научных публикациях, поскольку очень часто Евгений Васильевич делился со студентами результатами собственных научных поисков и размышлений.

В последующие годы, лично беседуя с Е. В. Кузнецовым, я убедился, насколько широки его научные интересы. Редкий ученый способен достичь такой глубины и объема познаний разных периодов всемирной и отечественной истории. К настоящему времени главным направлением исторических изысканий Евгения Васильевича являются вопросы ранней истории восточных славян, происхождения русского народа и Русского государства. В этой области он сформулировал и обосновал множество интересных и неожиданных гипотез, пока еще не получивших известности в историографии. Не сомневаюсь, что рано или поздно заслуги Е. В. Кузнецова в исследовании древнего периода русской истории получат высочайшую оценку российского научного сообщества.

Все, кто знаком с Е. В. Кузнецовым, знают его особое отношение к родной стране и русскому народу. Еще в студенческий период я заметил, что русская тема постоянно его волновала. В те годы многие опасались открыто высказываться в защиту собственного народа и тем более участвовать в работе организаций патриотической направ-

ленности. Однако Евгений Васильевич не мог оставаться равнодушным к судьбам России в переломный исторический момент.

Как любой русский интеллигент, неравнодушный к судьбе своего народа, Е. В. Кузнецов с большой тревогой и сожалением смотрит на события в соседней Украине. Являясь убежденным сторонником единства трех ветвей русского этноса, он очень обеспокоен положением миллионов русских соотечественников в соседней республике. В свое время именно Евгений Васильевич рассказывал мне о Новороссии и о том, как эти богатейшие русские земли вопреки воле местных жителей были переданы В. И. Лениным в состав Украины. Решение кремлевского руководства было обосновано необходимостью увеличения промышленной базы Украины, ведь без Харькова, Донбасса, Кривого Рога и Одессы республика осталась бы исключительно крестьянской территорией. Помню, как 2014 году, в момент подготовки референдума о воссоединении Крыма с Россией, Евгений Васильевич совершенно точно предсказал дальнейшие действия Кремля в украинском вопросе. В ответ на мое предположение о вероятном запуске Москвой «проекта Новороссия», он спрогнозировал совершенно другой сценарий: Российская Федерация присоединит Крым и на этом остановится. По прошествии 7 лет вынужден признать правоту Е. В. Кузнецова.

Мне посчастливилось более двадцати лет общаться с Евгением Васильевичем. Даже представить трудно, сколько раз он приходил мне на помощь в разных жизненных обстоятельствах. Иногда, услышав слова благодарности, он говорит: «Мы, русские люди, должны помогать друг другу». Конечно, Евгений Васильевич готов помогать не только русским. Ему совершенно не свойственно национальное высокомерие. Более того, он является настоящим знатоком в области этнографии. Уникальные сведения о многих народах Российской Федерации я как раз и узнал на лекциях Евгения Васильевича, прочитанных в Арзамасском педагогическом институте (спецкурс «Народонаселение РФ»). Этнография настолько меня увлекла, что спустя какое-то время по примеру своего учителя я также стал вести похожий этнографический курс.

В заключение отмечу, что по совету Евгения Васильевича мною ведется работа над циклом статей, посвященных истории древних славян и русов, в которых с учетом новых данных развиваются основные научные идеи и концепции профессора, впервые изложенные

им еще в середине 90-х годов XX века. Совсем недавно мы обсуждали содержание второй статьи из этого цикла. Наша работа продолжается.

К 90-летию Евгения Васильевича Кузнецова

Воронкова Галина Вадимовна, к.и.н.

В труде разгадка долголетия.

С. Н. Сергеев-Ценский

У каждого свой путь –
И доля бед, и доля счастья.
В былое заглянуть
Дано, когда года промчатся.
И выбрали свой путь
Вы без надежд и без сомнений;
А что зажглось вдали –
Крылось в тумане...

Всё было: долгий труд
И книжный мир ночей бессонных...
Наука всех наук
Была капризной, даже вздорной.
И были на пути
Успех, предательство, утраты...
Стал мир совсем иным,
Не тем, чем был он...

Учитель, знайте, всё – не зря!
Минует ночь, взойдёт заря,
Вам будет радость и любовь
Детей, друзей, учеников.
Сквозь боль ошибок и препон –
Был труден, но прекрасен он –
Да, это Ваш путь!

С Евгением Васильевичем Кузнецовым я познакомилась при поступлении на истфил ГГУ в 1971 году. Мне, тогда ещё очень молодой и наивной девочке, всё там казалось великолепным и недостижимым. Но декан, вручавший студенческие билеты всему нашему курсу, оказался совсем не таким важным, как я могла себе представить, скорее даже весёлым и ироничным. И это замечательное чувство юмора –

когда мягкого, когда резкого — я потом стала воспринимать как нечто естественное, присущее настоящему учёному, интеллигентному человеку.

Потом были годы учёбы, многое раскрывалось с необычной стороны, и я начинала понимать, что должность Евгения Васильевича — очень трудная, подчас требующая смелых, даже дерзких решений. Но как лектор, преподаватель — он однозначно был великолепен. И дело не в степени и звании, а в таланте и блестящем владении научным материалом. Шутка ли — на одинаково высоком уровне читать историю европейского средневековья и средневековья африканского! А был ещё изумительный по своей глубине и смелости (в семидесятые-то годы) спецкурс «История свободомыслия», который впервые открыл мне Библию и глубины средневековой философии. Наверное, это и было началом моего пути к православию, хотя тогда я этого ещё не осознавала.

Евгений Васильевич был одним из немногих, кто поверил в меня после окончания вуза. За время трёхлетней работы в лаборатории микрофильмов я нередко выполняла разные поручения, связанные с обработкой научных текстов, а затем и с преподавательской работой. А потом была аспирантура по кафедре новой и новейшей истории, а Евгений Васильевич стал моим научным руководителем, выбрав для меня довольно сложную тему по истории английской Ост-Индской компании. В самые трудные моменты работы над диссертацией и подготовки к защите Евгений Васильевич всегда морально поддерживал меня, хотя ему самому это могло обернуться большими проблемами. Поддержал он меня и тогда, когда я перешла на работу в педагогический вуз и на новом месте не сразу обрела признание коллег.

Около 20 лет назад жизненные обстоятельства разлучили меня с Евгением Васильевичем, но я всегда с уважением и благодарностью помнила о нём. Да, у каждого из нас свой путь. Ваш путь, дорогой Евгений Васильевич, был очень непростым, но Вы всегда держались достойно.

Дай Бог Вам здоровья, добра и любви близких!

Заметки к юбилею Е. В. Кузнецова

Егоров Геннадий Валентинович, к.и.н.

Впервые имя Евгения Васильевича Кузнецова я услышал еще студентом. Кажется, курсе на первом, или втором. Тогда преподаватели во время лекций часто упоминали тех, кто участвовал в становлении историко-филологического факультета, кто формировал традиции и определял направления научных исследований. Наиболее часто звучали имена Сергея Ивановича Архангельского и Николая Петровича Соколова. Доводилось слышать и о «временах Кузнецова», когда требования к научным работам предъявлялись куда более серьезные, нежели сегодня.

Уже будучи аспирантом, мне приходилось слышать разные, порой полярные оценки личности Евгения Васильевича. Много говорилось о его жестком стиле руководства факультетом в период деканства, резких и даже обидных высказываниях в адрес коллег. Но при этом никто не подвергал сомнению его профессионализм историка.

Судьба свела нас в 1994 году. Мною была подготовлена диссертация, и в качестве рецензента научный руководитель – Колобов Олег Алексеевич – предложил Евгения Васильевича Кузнецова, доктора исторических наук, профессора Нижегородского педагогического института. На тот момент у них были сложные отношения, как я узнал позднее. Возможно, отчасти это отразилось на резкости некоторых первоначальных оценок отзыва на мою диссертацию.

Олег Алексеевич договорился о встрече, и я решил снять возникшие недоразумения. Это касалось некоторых замечаний, которые мне казались не вполне справедливыми. В процессе самой защиты довольно трудно защищать свою позицию, если претензии высказаны человеком уровня Евгения Васильевича, чей авторитет может перевесить все аргументы вместе взятые.

Первая наша встреча и знакомство твердо врезались в память. Робко, в почтительном полупоклоне я заглянул на кафедру. «Мне бы Евгения Васильевича Кузнецова. Я – Егоров». «А, Егоров, заходи давай», – произнес невысокий мужчина лет 60-ти. Он сказал несколько слов. Но главное было не то, что сказал профессор – формально это было деликатно и даже вежливо – а как! Хорошо помню выражение

его лица. Он стоял в пол-оборота, с лица не сходила насмешливо-пренебрежительная улыбка.

О. А. Колобов предупреждал о непростом характере моего визита. «Аспирант должен слушать и кланяться!» – звучало в голове напутствие научного руководителя. Сухой разговор стал оживленнее после бутылки заранее захваченного коньяка. Напутствия учителя были забыты. «Ты что, ругаешь Томаса Мора, он же святой?» – спросил Е. В. Кузнецов. «Он – католический святой. Мы – православные», – сказал я. Ответ, видимо, понравился, беседа стала непринужденнее.

Я старался держать дистанцию и проявлять должное уважение, понимая разницу «весовых категорий» с моим оппонентом. Подобный стиль общения с Евгением Васильевичем остался и впоследствии.

Отзыв на диссертацию в части формулировок был несколько скорректирован. Хотя положительное заключение было дано Евгением Васильевичем и с критическими пассажами, защита прошла удачно и закончилась единогласным голосованием.

Последующее общение с Евгением Васильевичем было связано с работой в диссертационном совете, где в течение ряда лет мне пришлось исполнять обязанности ученого секретаря. Убедиться в профессиональных навыках профессора Е. В. Кузнецова мне приходилось неоднократно. Прочитав несколько его работ по истории средневековой Англии, я был восхищен искусством работы с источниками, их анализом и интерпретацией. Обращение к проблемам ранней отечественной истории показало, что Евгений Васильевич прекрасно владеет искусством выстраивания гипотез, которые порой могут казаться парадоксальными и идти вразрез с общепринятой точкой зрения. Но при этом они, безусловно, интересны и позволяют взглянуть на проблему с неожиданной стороны.

Говорить о серьезных вещах с иронией является признаком высокого интеллекта и большой эрудиции. Профессор Евгений Васильевич Кузнецов обладает ими в полной мере. Выступления многих современных ученых с кандидатскими и докторскими степенями в настоящее время отличаются не только менторским тоном, занудными речами, обилием иностранных малопонятных слов и выражений, но и серьезным выражением лица.

Слушая их, вспоминается крылатое выражение барона Мюнхгаузена из замечательного фильма М. А. Захарова «Тот самый Мюнх-

гаузен»: «Серьезное выражение лица еще не есть признак ума. Улыбайтесь, господа!». Евгений Васильевич мне напоминает иногда того самого Мюнхгаузена, который каким-то странным образом оказался в нашем не совсем романтическом и героическом настоящем. Здоровья и долголетия Вам, дорогой Евгений Васильевич!

Евгений Васильевич Кузнецов

Зотов Сергей Александрович, к.и.н.

Навсегда в моей памяти останутся события солнечного и теплого дня конца октября 1999 года, точнее – ощущение небывалого душевного подъёма, вызванного прикосновением к возвышенному, пережитого чувства сопричастности к этому возвышенному. В этот день в 9.00 мой научный руководитель проф. Евгений Васильевич Кузнецов назначил мне встречу у входа в главную библиотеку нашей страны – Российскую государственную библиотеку – для ознакомления с её фондами по теме предстоящей кандидатской диссертации. За несколько недель до этого дня я был зачислен в очную аспирантуру Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара, который окончил годом ранее, и один учебный год (1998–1999) работал учителем истории в одной из сельских школ недалеко от родного мне Арзамаса. Тогдашние руководители педагогического института, ректор Е. П. Титков и проректор Г. Ш. Сагателян, которые курировали возрождённое ими историческое образование в вузе и лично подбирали кадры для будущего исторического факультета, открытого в январе 2000 года, определили меня в число аспирантов Евгения Васильевича. Тематика научной деятельности моих коллег (О. В. Губановой, Т. Б. Меркуловой, Н. В. Щелоковой), как я узнал, в том числе после знакомства с опубликованными ими статьями в научных сборниках АГПИ, была посвящена средневековой Англии.

В мои студенческие годы Евгений Васильевич предстал как блистательный лектор, правда, на нашем – первом в педагогическом институте потоке студентов-историков (1993 года поступления) – он читал не основные курсы отечественной и зарубежной истории, как на последующих потоках, а только два спецкурса, посвящённые народонаселению России и исторической критике Библии, которые мы слушали, затаив дыхание. На зачёте по одному из спецкурсов он показал мастер-класс, как нам было им объявлено – наша группа сдаёт «зачёт наоборот»: вопрос задавал студент, а преподаватель как можно полнее на него отвечал. Этот педагогический приём позже я практиковал в преподавательской деятельности, но не часто и только со студентами-заочниками. Поэтому поступление в аспирантуру к удив-

тельному в профессиональном отношении специалисту из Нижнего Новгорода было для меня, провинциального школьного учителя и недавнего выпускника, подарком судьбы и огромной честью.

При первом же разговоре с шефом в сентябре 1999 года, когда я стал дополнительно к преподаванию в школе работать ассистентом на кафедре всемирной истории под руководством доц. М. В. Третьяковой, моей научной темой был определён один из сюжетов английского средневековья, связанный с парламентскими процедурами. Около месяца я штудировал в домашних условиях микрофильмы, переданные научным руководителем, но неожиданно и быстро работа в этом направлении остановилась. Как позже мне рассказывал Евгений Васильевич, источником новой темы моего диссертационного исследования стали его личные юношеские размышления над творчеством выдающегося представителя Викторианской Британии Томаса Карлейля, в частности, над его трёхтомным трудом о Французской революции конца XVIII столетия, прочитанного по рекомендации мамы Евгения Васильевича, Заслуженного учителя РСФСР. Поэтому поездка в главное книгохранилище России для сбора необходимых материалов стала логичным шагом в освоении нового научного направления.

Итак, в назначенный день у входа в Ленинку мы встретились. После прохождения регистрации и оформления читательского билета Евгений Васильевич, перед тем как удалиться для научной работы в зал с микрофильмами, любезно провёл экскурсию по главным залам библиотеки и дал мне единственное задание на весь рабочий день: после беглого ознакомления с каталогом изучить материалы о Томасе Карлейле, содержащиеся в русскоязычных и иноязычных энциклопедиях, выставленных в открытом доступе в основном читальном зале. Выполнение этой простой, как мне показалось вначале, работы затянулось до самого вечера. Но по мере анализа различных по году издания и языкам справочных источников у меня стало формироваться определённое личное и по сей день восторженное отношение к публицистике и историческим трудам видного британца. Мне даже, стало казаться, удалось получить первые значимые научные результаты. В частности, в первых советских энциклопедических изданиях отсутствовала статья о знаменитом мыслителе, а последующие издания, в которых появились статьи о нём, содержали частично ошибочные сведения о жизни и творчестве Карлейля. В конце дня при встре-

че с шефом я поделился с ним этим скромным, но ощутимым для меня результатом работы. После похвалы, с присущим ему чувством юмора Евгений Васильевич отметил мою стойкость, что я смог не заснуть, работая весь день в тишине громадного читального зала с настольной зеленой лампой. Однако главный сюрприз того запомнившегося октябрьского дня ждал меня вечером. Он объявил, что нас домой к себе на ужин пригласил его московский коллега проф. И. Н. Осинковский, крупнейший в нашей стране, как позже узнал, специалист по Томасу Мору. Второй с советских времен научной темой этого известного медиевиста, как мне объяснил Евгений Васильевич, было творчество Томаса Карлейля, и встреча расценивалась как возможность получения высоко компетентной научной консультации для поиска и формулирования проблемы кандидатской диссертации. Кроме того, Игорь Николаевич в своей громадной уникальной личной библиотеке (которая после его смерти передана, как мне известно, в Государственную социально-политическую библиотеку) имел тридцати-томное собрание сочинений Томаса Карлейля, которого в полном объёме на тот момент не имела ни одна из ведущих российских библиотек Москвы и Санкт-Петербурга, в которых мне при непосредственной поддержке руководства АГПИ и деканата исторического факультета посчастливилось неоднократно поработать за аспирантские и последующие годы трудовой деятельности. Прозорливые задумки Евгения Васильевича в итоге оправдались, правда, не сразу. Беседа такого уровня и с такими учёными (своеобразный «хай тейбл» для меня) длилась недолго, мне нужно было успеть на ночной поезд в Арзамас, и, казалось, не имела научного результата, Игорь Николаевич не оказал ожидаемой подробной консультации. Однако, проф. И. Н. Осинковский спустя три года после той беседы принял участие в защите моей кандидатской диссертации в Нижегородском университете в июне 2002 года в качестве второго оппонента. Позже Игорь Николаевич разрешил мне сфотографировать часть необходимых для написания одной из моих статей томов из собрания сочинений Карлейля. Однако главным для меня оказалось то неформальное общение, начавшееся с Евгением Васильевичем тем незабываемым октябрьским вечером, в котором я состою по сей день, правда, несколько прерванное известной пандемией. Во время многочисленных бесед в Арзамасе, а после выхода глубокоуважаемого профессора на пенсию у него дома в Нижнем Новгороде, за знаменитым круглым кухонным

столом, в кругу друзей, коллег и учеников или наедине у меня снова возникает не передаваемый одной фразой тот спектр чувств и переживаний, впервые испытанных в конце октября 1999 года в столице: гордость за Россию и русский народ, подлинный патриотизм и любовь к «отеческим гробам», интеллектуальное напряжение и научное вдохновение, сопереживание окружающим людям и поддержка их в личной и деловой жизни. Хочется надеяться на дальнейшее живое общение с глубоко почитаемым Евгением Васильевичем, как можно дольше и как можно чаще.

Слово об учителе

Колобов Олег Алексеевич, д.и.н.

Имя великого русского ученого, историка–медиевиста, длительное время руководившего историческим факультетом Горьковского/Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского хорошо известно в России и за рубежом. Действуя весьма активно, Евгений Васильевич основал ведущую научную историческую школу, укрепил гуманитарные факультеты ННГУ, Нижегородского педагогического университета, Арзамасского педагогического института, равняясь на ведущие российские и зарубежные вузы, будучи признанным авторитетом фундаментального гуманитарного знания.

Горжусь тем, что работал много лет под его непосредственным руководством, и, как многие другие студенты, получил весомую поддержку в своем нелегком преподавательском труде, как и многие другие служители фундаментального знания.

Кузнецову Евгению Васильевичу – Слава!

Олег Алексеевич Колобов – выпускник заочного отделения исторического факультета ГГУ.

Невероятный труженик

*Костина Светлана Валерьевна,
выпускница истфила АГПИ 1999 г.*

Евгений Васильевич Кузнецов – уникальная фигура исторической школы города Нижнего Новгорода. Он – невероятный труженик, интересный собеседник, потрясающий рассказчик, лектор. В каждом из высших учебных заведений, которым посчастливилось сотрудничать с ученым, он оставил о себе значительный след и добрую память.

Незабываемые впечатления от знакомства и общения с Евгением Васильевичем остались и у меня. В 1995 год издательство Арзамасского пединститута выпустило монографию Евгения Васильевича «Этногенез восточных славян». Именно в этом году автор и появился в АГПИ им. А. П. Гайдара. В это время интерес к древнейшему периоду русской истории в институте был очень высок, собралась команда настоящих профессионалов. Эта тема увлекла и меня. После одной из лекций в начале декабря, на которой я, как мне указали потом, задавала слишком много вопросов, мой маршрут движения домой совпал с маршрутом Евгения Васильевича. Мы обсудили несколько теорий происхождения славян, норманнскую теорию, маршруты движения народов в период так называемого «великого переселения». Как же прекрасен был Евгений Васильевич! И как повезло мне! Ведь он, подняв палочку, упавшую с дерева, фактически вычертил на снегу карту Европы и Азии. С этого момента началось наше дружеское общение.

И пусть после окончания института мы видимся не так часто, как хотелось бы, каждая встреча по своей яркости и эмоциональности не уступает первой. И сегодня, встречая такую почтенную дату и испытывая сложности со здоровьем, Евгений Васильевич не утратил работоспособности, остроты ума и радости жизни!!!

**Личные мемории и почти историографические
размышления в связи со здравицей
Евгению Васильевичу Кузнецову**

Кузнецов Андрей Александрович, д.и.н.

Посчитал за высокую честь приглашение участвовать в этой юбилейной книге, посвящённой Мэтру, Профессору, Исторiku ЕВГЕНИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ КУЗНЕЦОВУ. Правда, сразу возникли сомнения, а что могу сказать такого оригинального, самобытного по сравнению с его учениками, коллегами, испытывшими его влияние. Ведь я не был его студентом, не слушал его курсов, не сдавал ему экзаменов и зачётов. Тем не менее, поразмыслив, вспомнив пересечения и разговоры с Евгением Васильевичем, общения по телефону, впечатления от его докладов на конференциях, решился представить опыт своего с ним «диалога» (иногда заочного или опосредованного). Диалога, помещенного в контекст своих представлений о развитии истории исторической науки в Нижнем Новгороде/Горьком и России, постижения истории России, коммуникативных связей...

Эти строки сплетаются в своеобразный эго-текст, где главной фигурой является не автор, а его визави. И этот рассказ не об отношениях юбиляра с «мемуаристом», а – о влиянии на становление традиции изучения истории Древней Руси и средневековой России в Нижегородских университетах¹.

Евгений Васильевич Кузнецов вызывал мой интерес с того момента, когда я о нём услышал (так уж получилось). В последующие наши встречи, беседы я всегда сознавал (и сознаю) ту дистанцию, которая нас разделяет. При самых разных оценках его людьми – справедливых и не очень, хвалебных и критических – он для пишущего эти строки великий, сложный и простой; он – носитель и продолжатель традиции, заложенной отцами-основателями исторической науки и высшего исторического образования в Горьком/Нижнем Новгороде. Он – важный человек, сыгравший главную роль в научном становлении моего научного руководителя, а значит, и в формировании того направления, в котором я веду свои штудии. Готовя этот текст, я

¹ Здесь опускаются беседы с Е. В. Кузнецовым о его учителях и старших коллегах С. И. Архангельском, Н. П. Соколове, С. В. Фрязинове. Хотя осталось в памяти, как он, когда мы оказались на похоронах на Бугровском кладбище, счёл необходимым отвести меня к могилам С. И. Архангельского и Н. П. Соколова, рассказать о них.

открыл для себя следующее. Евгений Васильевич Кузнецов сопровождал меня на всём протяжении моего становления и развития как историка.

Летом 1987 года я поступал на Исторический факультет Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Документы принимал относительно молодой человек с сединой (сейчас я по возрасту старше его тогдашнего). Принимал несколько трепетно, а потом деликатно спросил, не сын ли я профессора Кузнецова. Я ответил, что у меня отец Кузнецов работает доцентом в мединституте. Градус трепетности собеседника снизился, и он объяснил, что спрашивал о крупном историке Кузнецове, у которого сын – мой тёзка. Речь шла о профессоре Евгении Васильевиче Кузнецове, который за три года до этого покинул Университет и перешёл на работу в пединститут.

Потом были вступительные экзамены. Когда вывесили список оценок за сочинения, то обнаружилась лишь одна «пятёрка» («отлично») – у Кузнецова А. Е. Поскольку я – Кузнецов А. А., стал искать себя в списках под со своими инициалами. Не нашёл. Направился к столу истфака в Приёмной комиссии. Там сидел тот же человек, что принял меня за сына профессора Е. В. Кузнецова. Я поведал ему о ситуации. Он энергично и живо уверил меня, что среди поступающих на Истфак только один Кузнецов Андрей, значит, в списке опечатка. Кто-то из технического персонала тоже принял меня за сына профессора Кузнецова и машинально изменил мой инициал отчества. Поздравив меня с отличной оценкой, зам. секретаря Приёмной комиссии по Историческому факультету, сказал, что сейчас эту ошибку исправить нельзя. Она, де, занесена в компьютер. А если я сдам «обществоведение» на высокий балл и поступлю на Истфак, то там, в соответствии с подлинниками документов, всё и исправится.

Я поступил на Истфак, однако в списках группы, вывешиваемых на щитах расписания, я оставался А.Е. – инертность и неповоротливость тогдашней компьютерной базы. После первого курса я ушёл служить в Советскую Армию из Университета как А.Е., им и вернулся в университетские аудитории и пробыл таковым до IV-го курса. Тогда-то я пошёл в деканат, и его сотрудники решили эту трудоёмкую задачу. Прервал ложную генеалогию.

Такая невольная связь с Е. В. Кузнецовым, которого тогда я не знал и не видел, подстёгивала интерес к нему. Подогревался он и

горькой славой Е. В. Кузнецова как «изгнанника» с Alma Mater. Старшекурсники в ходах и переходах ИФФ горько делились, кто из тогдашних преподавателей «повинен» в уходе Е. В. Кузнецова. Он, вообще, был этакой фигурой умолчания, о которой много и потаённо говорили в «замке ИФ» (там были ещё и филологи). Мой научный руководитель – доцент Валерий Павлович Макарихин (тот самый, энергичный человек с сединой, что принимал мои документы в 1987 г.) – открытый человек, душа-нараспашку на кафедре с почтением (не считаясь с моим студенческим статусом) говорил о Евгении Васильевиче, ругал, не называя имён, тех, кто «ушёл» великого историка. На лекциях по истории СССР (средневековой России) В. П. Макарихин в повествовании о XIV веке упоминал свою художественную книгу «Дикое поле» и подчёркивал, что Послесловие к ней написал САМ КУЗНЕЦОВ (всё это было прочитано). Преподаватель Николай Филиппович Филатов на лекции по истории СССР (России) весной 1988 г. уделил несколько минут филиппикам в адрес тех, кто за глаза критиковал Е. В. Кузнецова, студентов, которые поддерживают таких критиканов. Когда я демобилизовался и вернулся, то первую часть «Истории Средних веков» у нас читал грозный и блистательно-стильный В. В. Лукоянов, специально приглашавшийся из пединститута. Один из моих однокурсников на занятии спросил его, что не профессор ли Кузнецов является самым крупным медиевистом Горьковской области, просил дать оценку его вклада в науку. Это сейчас понимаешь, в какую непростую ситуацию был поставлен В. В. Лукоянов, приглашённый в Университет читать курс, который там когда-то вёл его Учитель. Он красиво вышел из неё, объяснил, кто такой профессор Кузнецов, чем он ценен для науки, для горьковской исторической науки. В его рассказе Е. В. Кузнецов был связан с именами С. И. Архангельского и Н. П. Соколова. Эти и другие поводы всё время делали присутствие, пусть и незримое, Е. В. Кузнецова на факультете его родного Университета.

К середине 1990-х гг. страсти по руководству на Историческом факультете утихли, острота притупилась, и Евгений Васильевич Кузнецов стал появляться в здании на Ульянова, 2. Его приглашали участвовать в конференциях, он входил в состав Диссертационного совета по истории, оппонировал диссертации. Тогда-то и произошло моё зримое «обретение» Е. В. Кузнецова. Идущий по третьему этажу Истфака, заложив руки за спину на уровне поясницы, чуть подвола-

кивая ногу, он окидывает взглядом большую рекреацию. Во взгляде – хитрый прищур, а на губах – усмешка. Это потом уже станет понятно, что за прищуром с лукавинкой угадывается слабевшее зрение.

Приходя на Исторический факультет, Е. В. Кузнецов всегда останавливался на кафедре историографии и источниковедения, которой руководил уже защитивший докторскую диссертацию Валерий Павлович Макарихин, в судьбе которого Е. В. Кузнецов сыграл весомую роль (об этом ниже). Или на кафедре современной отечественной истории, которой руководил перешедший в Университет доктор исторических наук Владимир Иванович Белоус. Он в разговорах с Евгением Васильевичем упоминал (для меня), что писал у того дипломную работу по англо-голландским отношениям и даже освоил староголландский язык, и за подтверждением обращался к своему наставнику. Тот, кивая с лукавинкой во взгляде, давал понять, что это так, что это весьма непросто. Во время этих визитов Е. В. Кузнецова и велись беседы, участником или слушателем которых довелось бывать автору этих строк.

Готовя кандидатскую диссертацию, посвящённую владимирско-новгородским отношениям в XII–XIII вв., я посещал защиты своих коллег. Особенно яркими и запоминавшимися были защиты, где оппонировал Е. В. Кузнецов или выступал. Хлёсткий стиль, сарказм, усугублявший недостатки, лёгкая ирония, когда говорилось о достоинствах работы, и искусство интонации, которая могла менять оценки смысла. Последнее – это авторская черта Е. В. Кузнецова. Его отзывы на научные работы коллег были написаны так, что голосом, исполнением, техникой чтения им можно было придать тот или иной смысл. При этом жёсткая увязанность графики текста Е. В. Кузнецова с его манерой озвучивания создаёт эффект живого звучания его статей, записей при чтении.

Я тогда думал, что буду просить, чтобы Е. В. Кузнецов стал одним из оппонентов на защите моей диссертации. Так и вышло. Валерий Павлович Макарихин поддержал мою просьбу. Евгений Васильевич Кузнецов стал оппонентом моей кандидатской диссертации, посвящённой политическим отношениям Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества в XII–XIII вв. Прежде чем согласиться оппонировать, Евгений Васильевич задал мне несколько вопросов, проверяющих мою квалификацию. Вопросы эти носили отчасти риторический характер и уже подразумевали ответ. Из них я запомнил два.

Первый касался того, что представляла собой Древняя Русь с наступлением раздробленности в XII – первой трети XIII в., перестала ли она существовать и распалась на отдельные государственные образования. Для меня на тот момент вопрос был не принципиален, и я много не думал о нём. Но высказанная мной версия оказалась близка к взглядам Е. В. Кузнецова. Он считает, что Древняя Русь из раннефеодального относительно централизованного государства трансформировалась в (кон)федерацию политических образований, что распад единого государства пошёл уже после Батыева нашествия. Такой концепт является важным, когда в историографии Древней Руси эпохи политической раздробленности ему противостоит тезис о фатальной необратимости фрагментации Древнерусского государства в столетие, предшествующее нахождению монголов.

Смотря сейчас на собственные изыскания, задумался над тем, а не проявился ли этот разговор – неосознанно для пишущего эти строки – при выборе темы докторской диссертации при поступлении в докторантуру. Первоначально она звучала «Идеология единства в политической практике раздробленной Руси». Её разработка началась с изучения владими́ро-суздальской «части», и я понял, что привычная политическая история Залесской земли есть исследовательская *terra incognita*, а потому сузил проблематику. Её постижение начал с политической биографии основателя Нижнего Новгорода владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича (1188–1238). Неожиданно она разрослась до квалификационного текста докторской диссертации. И эта тема вплоть до 2021 г. является важной в моём поиске, и новой гранью последних лет является проверка того самого тезиса Е. В. Кузнецова о сохранении раздробленной Русью централизовавших и скреплявших факторов. Кстати, и биография князя Георгия (Юрия) Всеволодовича является частью своеобразного полупутливого наказа Е. В. Кузнецова создать жизнеописание «птенцов гнезда» Великого Всеволода (1154–1212)...

Второй вопрос касался объяснения лидерства в среде Рюриковичей князей Северо-Восточной Руси в домонгольское время. По мнению Е. В. Кузнецова, оно крылось в феномене «младшего сына» Владимира Мономаха – Юрия (Долгорукого) и его «младшего сына» – Всеволода Большое Гнездо. Он и давал им родовое старшинство над ровесниками племянниками. Не во всём соглашаясь в такой трактовке, я нашёл подтверждения ей.

Обсуждение этих и других вопросов, начавшихся с просьбы об оппонировании моей кандидатской диссертации, проходило в период до самой её защиты. И он оказался весьма беспокойным и проблемным для меня. Причина тому заключалась в грозном – на грани справедливого разгрома – отзыве Е. В. Кузнецова. Я в октябре 1996 г. получил несколько листов машинописного текста из его рук в прихожей его дома. Там же прочитал, растерялся из-за убойности замечаний, но всё же сохранил силы, чтобы отказаться от участливого предложения оппонента смягчить или убрать резкие замечания (видимо, реакция читалась на моём лице и меня пожалели). Затем я прошёл от дома Евгения Васильевича до площади Горького. Там на скамейке в сквере я достал из портфеля отзыв и спокойно-отстранённо перечитал его, вспомнил оппонентские отзывы Е. В. Кузнецова на диссертации коллег. И решил, что и «мой» отзыв не выбивается из этого ряда, что надо защищаться. И я защитился.

Осмысление той критики Е. В. Кузнецова длится и по сей день, напоминая долгую работу над ошибками и болезненное извлечение критических стрел, оно влияет на природу моих исследований. В качестве примера укажу на замечание мэтра: историография проблемы в диссертации более напоминает аннотированную библиографию. И потом, работая со студентами в ходе написания ими курсовых и дипломных работ, я всё время стараюсь, чтобы историография не носила «этикетного» характера. Готовя отзывы на диссертации коллег, обращаю внимание на роль историографии в изучении поставленной проблемы.

Преодоление этого огреха привело меня к собственному решению проблемы встраивания историографии в «тело» исследования – громоздкой методики критической историографии. Кроме этого, мысль Е. В. Кузнецова позволила понять, что историография ценна не тем, что тот или иной историк следовал той или иной философской схеме, методологии, но – открытием новых фактов, предложением новых их интерпретаций и верификацией их как диалогом с исследователями минувших поколений. Прийти к этим выводам позволили те беседы с Е. В. Кузнецовым, в ходе которых он последовательно и методично обосновывал следование заветам Н. П. Соколова и С. И. Архангельского. Согласно им и Е. В. Кузнецову, у историков есть своя, собственная методология исследования (понятно, что этот тезис был впитан патриархами нижегородского (горьковского) исторических

высшего образования и науки из предшествующей мировой исторической науки). Кстати, укорял меня Е. В. Кузнецов и за то, что в кандидатской диссертации мной во главу угла была поставлена идея, на которую, подобно каркасу, я привешивал удобные мне факты или нужным образом интерпретировал их. А ведь более продуктивным для историка является обратная методическая последовательность: источниковедение – факты – их интерпретация – и, возможно, концепция. Так просто и доходчиво Е. В. Кузнецов объяснил «московский» (приоритет исследовательской идеи) и «петербургский/ленинградский» (приоритет факта и фактографии) исследовательские подходы. Такое общение стало одним из факторов моего движения в сторону эмпирики к моменту написания докторской диссертации.

Насильственно обрываю мемории об историографических уроках Е. В. Кузнецова на сюжете о локальном методе С. И. Архангельского. К началу XXI в. текст С. И. Архангельского, написанный в 1927/1928 гг., оказался редкостью. Прочитав наконец-то статью, я пришёл к выводу, что многие горьковские/нижегородские исследователи либо весьма поверхностно ознакомились с ней, либо произвольно подтянули под нужды нижегородского краеведения (в утрированном виде: «глубокое изучение нижегородского локуса даст новые данные, что позволит переписать историю России»). Последнее существенно обедняло методологический вклад С. И. Архангельского, который позволил ему самому совершить «взлёт от нижегородской истории к вершинам мировой науки» (перефразированная формулировка В. Т. Илларионова, с которым довелось общаться и Е. В. Кузнецову). В связи с такой ситуацией я обратился к Е. В. Кузнецову с просьбой объяснить суть локального метода. Он раскрыл его следующим образом: делается подробное, с опорой на тщательное изучение источников, исследование локуса в определённых хронологических рамках; затем результаты этих штудий помещаются в ряд подобным образом других изученных локусов; после составления репрезентативной выборки проводится синтез выводов и интерпретаций и получается новое знание о прошлом... Опираясь на такую трактовку Е. В. Кузнецовым наследия С. И. Архангельского, я недавно рискнул предложить его применение для изучения истории раздробленной Руси в домонгольское время.

Говоря о Е. В. Кузнецове, важно применить к нему популярный ныне историографический термин «актор». Он – делатель нижегородской исторической науки, продолжатель дела своих учителей и старших товарищей. Его личная позиция, его деяния в качестве администратора определили вектор развития нижегородской исторической традиции.

Автору этих строк приходилось слышать от критиков Е. В. Кузнецова разного эмоционального градуса упрёки по поводу того, что в 1976 г. тот принял решение возглавить кафедру истории СССР, аргументы и обвинения «не смог», «не сумел»... Однако до этого мне удалось *Audiatur et altera pars*. Этой стороной был сам Е. В. Кузнецов. И его суждения по данному вопросу не были спровоцированы какой-либо дискуссией и напоминали мысли вслух (большинство из них были прописаны в его воспоминаниях «Одна жизнь менялась на другую»). Обладая ими, я смог выработать собственное видение этого сложного события в жизни и истории *Alma Mater*.

Готовя этот текст, поймал себя ещё на одной мысли. Критика такого важного шага Е. В. Кузнецова проистекала из сложившегося во второй трети XX в. убеждения о глубокой специализации в исторической науке. Мол-де занимаясь одной локально-цивилизационной проблематикой, почти что невозможно перейти к другой. Однако помещение этого поступка Е. В. Кузнецова в «долгую» историографическую перспективу позволяет оценить его не так однозначно. Учителя Е. В. Кузнецова – С. И. Архангельского – формировались в Московском университете под влиянием В. О. Ключевского (история России) и П. Г. Виноградова (всеобщая история) и с равной долей успешности вели исследования в областях отечественной и всеобщей истории. Подобное можно сказать и в отношении признанного англоведа С. И. Архангельского, половина трудов которого посвящено истории России. И штудии Е. В. Кузнецова по истории России (русы-руги, Александр Невский, предшественник Нижнего Новгорода, история XIV в., епископ Дамаскин (Руднев), движение Нестора Махно и др.), сделанные на достаточно профессиональном уровне, вписываются в данную традицию совмещения разных направлений исследований.

Не вдаваясь в детали, отмечу, что исходным толчком, импульсом к «перестройке» Е. В. Кузнецовым на Историко-филологическом факультете стал внешний фактор, связанный с преследованием дисси-

дентского движения. После выдавливания вместе с ним ряда исследователей истории России XIX в. и возникла потребность усиления направления отечественной истории. Е. В. Кузнецов сделал в этом ставку на исследование средневековой истории России (до XVII–XVIII вв.). С этим было связано кадровое решение Е. В. Кузнецовым пригласить на кафедру истории России тех, кого тогда в советской исторической науке называли «феодалами». Среди них был и наставник пишущего эти строки – Валерий Павлович Макарихин. С его и Е. В. Кузнецова слов можно составить представление, как готовился тот самый переход Е. В. Кузнецова на кафедру истории СССР.

Студент Валерий Макарихин писал курсовую и выпускную дипломную работы, посвящённые русским средневековым ересям, под руководством профессора Е. В. Кузнецова. В 1973 г. Макарихин с отличием окончил Историко-филологический факультет, но не имел возможности продолжить исследования. В ту пору на кафедре истории СССР доминирующим было направление по истории России XIX в. И тогда Е. В. Кузнецов посодействовал, чтобы В. П. Макарихин поступил в аспирантуру по титульной кафедре истории КПСС. А когда представилась возможность, Е. В. Кузнецов перевёл В. П. Макарихина на кафедру истории СССР, дабы тот изучал русскую средневековую историю. Извилистый путь В. П. Макарихина в науку показателен в том смысле, что опровергает мнение о непродуманности и спонтанности решения Е. В. Кузнецова в 1976 г. К нему он внутренне готовился загодя. И, наверное, утверждение медививальной истории Руси-России на Историко-филологическом факультете госуниверситета шло вместе (а не вместо) с развитием направления исследований России века XIX-го, если бы не тот пресловутый внешний фактор...

История эта имела продолжение в учениках В. П. Макарихина. Д. Ю. Кривцов (политическая история XIV–XVI вв. и истории Русской Православной церкви), Н. Н. Грибов (археология славяно-русского заселения Нижегородского Поволжья), А. В. Морохин (история церковного Раскола, XVII в.), Ю. В. Мигунов (история арзамасского поместного дворянства), А. А. Давыдова (история XVI–XVII вв.), автор этих строк (здесь приведены только ученики-«феодалы» В. П. Макарихина и их «феодальные» темы исследований) – как школа В. П. Макарихина – составили заметное явление в историографии средневековой России. Получилось так, что решение Е. В.

Кузнецова от 1976 г. немало поспособствовало формированию целого направления в нижегородской исторической науке.

Е. В. Кузнецов не обделял своим вниманием и уже состоявшегося в науке, защитившего докторскую диссертацию и обзаведшегося сонмом учеников В. П. Макарихина. В трудные 1990-е гг. Е. В. Кузнецов своими участием и докладами по трактовке истории Смутного времени поддержал начин В. П. Макарихина по организации и проведении конференции «Мининские чтения». Им суждено было вырасти до самого крупного вне академических институций Москвы и Санкт-Петербурга научного форума по истории Смуты и её преодоления. С учётом наработок в области природы и формирования научных школ в исторической науке надо отметить, что их признаками сейчас в равной степени являются и преемственность в тематике и методологии, и своеобразная «генеалогическая» преемственность. И по этому критерию можно сказать, что плеяда учеников В. П. Макарихина, занимающаяся исследованиями российской средневековой истории, восходит к решению Е. В. Кузнецова 35-летней давности. И всё это подтверждает ответ Евгения Васильевича Кузнецова одному из авторов коллективного текста, подготовленного к очередному юбилею Истфила Нижегородского госуниверситета (сказанного в моём присутствии). Этот автор поспешил выступить судьёй в своём споре с Е. В. Кузнецовым. Тот же после знакомства со статьёй, где он пристрастно и эмоционально горячо критиковался, мудро сказал оппоненту: «Ведь будут ещё юбилеи Истфила. И неизвестно, что напишут про вас, и как оценят меня».

Вот и подходит замечательный 90-летний юбилей Е. В. Кузнецова, к которому я даю свои суждения о роли и значении глубокоуважаемого Евгения Васильевича в истории нижегородского исторического знания и в моей судьбе.

С Днём Рождения, дорогой Евгений Васильевич!

Глубокий знаток своего предмета

Лукоянов Валерий Витальевич, к.и.н.

Моя первая встреча с Евгением Васильевичем состоялась в сентябре далекого 1967 года. Я, тогда только что поступивший, студент 1 курса историко-филологического факультета ГГУ имени Н. И. Лобачевского, увидел молодого, энергичного с редкой бородкой преподавателя, выступавшего, среди прочих, с напутствиями первокурсникам. Более близкое знакомство состоялось уже в 1969 году, когда Евгений Васильевич возглавил кафедру всеобщей истории, а я, разрываемый до этого между отечественной и зарубежной историей, наконец-то, определился со своей будущей специализацией по зарубежной истории. Моим научным руководителем стала Елена Дмитриевна Воробьева, специалист по истории Англии позднего Средневековья. Мне разрешено было присутствовать на некоторых открытых заседаниях кафедры, посвященных тем или иным научным проблемам, в том числе и с приглашением столичных профессоров. Именно здесь проявился яркий организаторский и научный талант Евгения Васильевича, его умение привлекать для совместной работы ведущих специалистов в области всеобщей истории. Я впервые слушал выступления на кафедре А. Д. Люблинской, Ю. Л. Бессмертного и других крупных специалистов. Кстати, и сам Евгений Васильевич принимал самое активное участие в этих дискуссиях, выступлениях и обсуждениях. Должен сказать, что научный стиль этих дискуссий научил меня, тогда еще простого студента, очень многому. Евгений Васильевич даже предлагал мне своё научное руководство дипломной работой, но я остался с Еленой Дмитриевной.

В 1973 году Е. В. Кузнецов защитил докторскую диссертацию на тему «Движение лоллардов в Англии конца XIV-XV вв.». Не буду рассказывать обо всех перипетиях, связанных с опубликованием его монографии под докторскую диссертацию, да и с самой защитой. Хотя в нашей студенческой среде в полголоса все это обсуждалось.

В 1974 году, после службы в Советской Армии, я пришел на работу в качестве ассистента на кафедру всеобщей истории Горьковского педагогического института имени М. Горького, и мои научные интересы вновь оказались связаны с родным университетом. Под руководством Е. В. Кузнецова там регулярно проводились научные

конференции памяти члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского, учителя Евгения Васильевича. Он активно инициировал проведение этих конференций, издание научных сборников по истории средневековой Англии, главным редактором которых он являлся. Должен сказать, что для того времени это значительно поднимало и укрепляло научный статус исторического факультета университета, да и не только его. Для нас, молодых преподавателей-англоведов, это была уникальная возможность участвовать в научной жизни страны. Евгений Васильевич активно привлекал для участия в этой работе многочисленных специалистов из ведущих ВУЗов Советского Союза. К тому же он с 1971 года возглавил исторический факультет ГГУ и плодотворно сочетал работу организатора и учёного. Под его десятилетним руководством исторический факультет занял достойное место в университете, руководство которого до этого не очень «жаловало» гуманитариев. Могу твёрдо сказать об этом, ибо всё это происходило на моих глазах. В 1976 году Евгений Васильевич, в силу необходимости, возглавил кафедру отечественной истории факультета. Его научный талант позволил найти новую тему научных изысканий, связанную с этногенезом славян. Здесь сказалась его широкая научная эрудиция и способность найти пограничные сюжеты западноевропейской и отечественной истории.

В 1984 году судьба снова свела меня с Евгением Васильевичем, на сей раз в новом качестве – коллеги по работе. Он возглавил кафедру истории России педагогического института. Не буду рассказывать всего того, что предшествовало его переходу. Помню, как мы беседовали с ним на эти темы, гуляя по бульвару вдоль стены Кремля. Я тогда был секретарем партбюро исторического факультета, а руководство парткома пединститута неоднозначно отнеслось к его переводу из университета в пединститут.

С приходом Евгения Васильевича наш исторический факультет приобрёл очень много нового и полезного. Скажу только о том, что к нам вместе с ним перешли Чтения памяти С. И. Архангельского и издания научных сборников по истории Англии. Споры с университетом по поводу приоритетов, в конечном счёте, разрешились следующим образом – мы стали проводить Архангельские чтения, а им остались Чтения памяти Н. П. Соколова. Кстати, традиция Чтений памяти С. И. Архангельского по сей день существует и плодотворно развивается силами нашей кафедры и её заведующей Анны Васильевны Ха-

зиной, приобретая новый уровень и качество. Вслед за Евгением Васильевичем на нашу кафедру из университета пришли В. М. Строгеецкий и В. М. Марченко. Последний сменил на посту заведующего кафедрой всеобщей истории Н. И. Смоленского, перешедшего на работу в Министерство просвещения РСФСР.

Моя совместная работа с Е. В. Кузнецовым в институте продолжалась до 1994 года. За эти годы Евгений Васильевич воспитал целую плеяду молодых учёных-историков нашего ВУЗа. Среди них назову Лидию Владимировну Софронову, написавшую кандидатскую диссертацию под его руководством, ныне доктора исторических наук, известного исследователя по истории западноевропейской Реформации, плодотворного научного руководителя новой волны молодых преподавателей нашей кафедры; Г. В. Воронкову, Т. Г. Минееву, В. Б. Романовскую и др.

В 1995 году Евгений Васильевич перешел на работу профессором вновь созданного исторического факультета Арзамасского педагогического института имени А. П. Гайдара. И здесь работа свела нас снова. Так как на новом факультете не хватало своих специалистов по всеобщей истории, то я некоторое время читал лекции по истории Средних веков в Арзамасе.

В заключение, могу с полным основанием сказать, что моя студенческая и профессиональная карьера были неразрывно связаны с Евгением Васильевичем Кузнецовым. Студенческие годы оставили воспоминания о нём как о блестящем лекторе, глубоком знатоке своего предмета, талантливом организаторе работы исторического факультета университета. Совместная работа с ним в качестве коллеги лишь подтвердила и усилила эти впечатления. Желаю Евгению Васильевичу доброго здоровья на долгие годы, внимания его многочисленных воспитанников и учеников!

Незаурядная личность: несколько слов о профессоре

Е. В. Кузнецове

Максимов Сергей Владимирович, к.и.н.

Стояла осень 1982 года. На рабфаке Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского занятия с будущими историками вел Борис Иванович Гудков. Это был полноватый мужчина в очках, с бородой, увлеченно читавший слушателям курс истории СССР.

Экскурсия в кремль

На одном из занятий Гудков объявил, что с нами (а я был тогда слушателем этих курсов) проведет экскурсию и расскажет о нижегородском кремле замечательный человек и большой знаток местных достопримечательностей. В указанное время на площади Минина перед центральными воротами нижегородского кремля собралась небольшая группа рабфаковцев, возглавляемая доцентом Гудковым. Постояли, поразговаривали, подождали, пока, наконец, не подошел лектор.

Это был немолодой уже человек интеллигентного вида. Его лицо украшала небольшая бородка, на голове красовался черный берет, на которые в те времена была мода у университетских профессоров. Группа проследовала в кремль, и началась экскурсия. Лектор говорил уверенно, рассказывал много и интересно. Было видно, что этому человеку для вдохновения не требовалось поминутно заглядывать в конспект. Он прекрасно ориентировался в архитектуре кремля, в исторических датах, периодах, и мы – рабфаковцы 1982 года набора – даже не заметили, как быстро пролетело время. Лектор раскланялся, пожелал всего хорошего Борису Ивановичу и ушел.

Яркое впечатление

Кажется, уже после этой встречи я узнал, что нашим экскурсоводом был нижегородский историк, профессор Евгений Васильевич Кузнецов. Мы плохо тогда ориентировались в кадровом составе историко-филологического факультета ГГУ, но об этом человеке слышали даже мы. Даже нам, неопытным людям, было понятно, что Евгений Кузнецов – незаурядная личность. Опыт нашего общения в кремле был краток, но впечатление осталось сильным. Можно ска-

зять, авансом мы подарили ему наши симпатии, и ждали начала первого курса, чтобы наши ожидания подтвердились.

И вот мы стали полноценными студентами. Нам выдали зачетки и студенческие билеты, объединили с теми, кто поступил после школы, разделили на две группы и... отправили на картошку. Лишь после этого ритуального мероприятия, без которого колхозная экономика не справлялась со своей главной задачей, мы вернулись на факультет и сели за парты.

Первая и последняя лекция

В один из дней в нашу аудиторию вошел, не глядя по сторонам, профессор Кузнецов. Студенты замерли (по крайней мере, они должны были замереть – так правильной по сюжету). Сейчас, когда я в курсе того, что вскоре случилось, мне кажется, что, рассказывая нам о славянских древностях, Кузнецов был несколько подавлен. Но, может быть, это всего лишь ложное воспоминание.

Было видно, что наш лектор испытывает проблемы со зрением, но почему-то не носит очки. Профессор изредка подносил к глазам четвертушки листа – так называемые карточки, как мы потом узнали – быстро в них что-то смотрел одним глазом, делал записи на доске и продолжал рассказ. Я помню, как он говорил нам о миграции древних славян, о том, что между венетами и Венецией есть историческая связь и так далее.

Услышанное было новым, необычным и очень интересным. Но больше профессора Кузнецова в университете я не видел, и лекций нашему курсу он больше не читал. Через некоторое время мы узнали, что Кузнецов уволился и перешел на работу в Горьковский педагогический институт. Так студенты истфака Горьковского университета лишились возможности слушать этого парадоксального человека.

Наследие профессора Кузнецова

Следующие пять лет моей учебы в вузе прошли без Кузнецова. Если я и встречал этого человека, то только изредка на улице, спешащим на занятия в другой вуз и к другим студентам. Историко-филологический факультет, на котором я тогда учился, был местом довольно любопытным. Там работали интересные, увлеченные люди. Многие из них, как я потом узнал, были учениками Кузнецова, отмеченные им в студенческие годы, взятые в аспирантуру, принятые на работу.

В подвальной части здания, рядом с буфетом и библиотекой, располагалось несколько комнат. Это была вотчина археологов. Там стояла не до конца собранная из кусочков большая античная ваза. Чувствовалось, что раньше здесь кипела какая-то другая жизнь, но сейчас она приостановилась, немного захла. Чувствовалось, что факультет переживал когда-то лучшие времена, а сейчас как будто приходил в упадок. Терялась оригинальность. Начинался какой-то новый этап – более рациональный, может быть, более формальный. О том прошлом, на которое указывали археологические артефакты из подвала, на факультете, пока я там учился, никто не вспоминал.

На стене возле лестницы, ведущей со второго на третий этаж, была сделана большая художественная роспись. Не то чтобы это было слишком оригинальное произведение искусства, но фигуры древнерусских дружинников производили впечатление на студентов и создавали нужную атмосферу. Глядя на историческое панно, все понимали, какую науку пришли покорять, и какие музы витают под этими потолками.

Мне всегда хотелось, чтобы какой-нибудь знающий человек рассказал нам, студентам, о вазе, стоявшей в подвале, о необычной росписи на стене и, вообще, о том, как жил факультет пять, десять, двадцать лет назад. Единственным свидетелем прошлого на истфаке были портреты его корифеев, висевшие в одной из аудиторий, но они многозначительно молчали.

Лишь много лет спустя из уст самого Евгения Кузнецова мне довелось кое-что узнать о том времени, когда на факультете главенствовали такие люди, как Архангельский или Соколов, и когда позже, с 1971 по 1981 год, Евгений Васильевич был его деканом. От него я услышал о том, как творчески работали кафедры, как создавались научные лаборатории, как привлекались с их помощью к науке студенты и о том, как по инициативе декана Кузнецова стена над лестницей обрела свой необычный вид.

Арзамасский период

По окончании университета я вернулся в свой родной Арзамас, и уже через год судьба забросила меня в Арзамасский педагогический институт. Здесь тоже работали ученики Кузнецова, и в начале 1990-х им пришла в голову светлая мысль открыть исторический факультет на арзамасской земле. И вот когда это произошло, я снова встретился с Кузнецовым.

Проректор и завкафедрой истории Гарик Сагателян – тогда у нас была одна-единственная кафедра – вызвал меня и попросил встретить Евгения Васильевича на вокзале, поселить в общежитии и вообще «присмотреть» до следующего дня, пока не начнутся занятия.

Дело было зимой. Я без труда узнал знакомую фигуру, подошёл, назвал, кто я, пошутил, что Евгений Васильевич бросил нас когда-то после первой же лекции, и мы отправились в общежитие.

Ужин на улице Нагорной

Дальше произошло чудо, и Евгений Кузнецов оказался у меня в гостях, в недавно построенном институтском доме на улице Нагорной. Мы сидели за столом и вели беседу. Вернее, в основном, говорил Евгений Васильевич, а я его слушал. Это самое удачное сочетание в беседе, когда один человек – крупный знаток своей темы и склонен к монологу, а другой полупрофан и больше настроен слушать, чем говорить.

В то время, а это был 1995 год, Кузнецов подготовил к изданию книгу об этногенезе славян и Руси. В моей личной библиотеке есть такая книга с дарственной надписью автора, чем я несказанно горжусь. Если бы вам довелось её полистать, вы бы увидели, что вся она испещрена моими подчёркиваниями.

Я несколько раз внимательно перечитывал исследование Кузнецова. Если бы я был специалистом в этом вопросе, равным по уровню автору текста, я бы, конечно, нашел больше слов для его поддержки. Но мои знания об этногенезе славян и русов близки к нулю. Поэтому, пользуясь случаем, скажу, что даже при беглом взгляде на 13 условно-печатных листов книги Кузнецова «Славяне и русы: очерки по истории этногенеза (IV–IX вв.)» видно, какую кропотливую историко-лингвистическую работу проделал автор, какой обширный объем информации исследовал и какие оригинальные выводы представил.

Мейнстрим исторической науки в вопросе об этногенезе Руси движется в противоположную от исследований Кузнецова сторону. Но пока его книга не получит серьезную научную критику со стороны авторитетных оппонентов, все его версии и гипотезы являются актуальными. В связи с этим хотелось бы предложить Евгению Васильевичу переиздать «Славян и русов» в каком-нибудь крупном центральном издательстве.

«Звезда» исторического отделения

Вернёмся, однако, к Арзамасскому пединституту. Я проработал в нем на должности замдекана истфила до 2000 года. Все это время Евгений Васильевич был нашим сотрудником и нашей главной «звездой». Мы не устраивали конкурсов, но и без них было понятно, что он и самый маститый учёный, и самый блестящий лектор, и самый большой эрудит. Ему были подвластны любые стихии. Не случайно, что на факультете профессор Кузнецов читал историографию на 5 курсе и выдающийся спецкурс «Критика Библии» на 3-м.

Кузнецов принимал экзамен по смешанной методе: оценку получал студент, пришедший на экзамен с полным набором конспектов по всем вопросам курса, и членораздельно ответивший на устный вопрос. После экзаменов мы часто засиживались в деканате. В 90-е годы политическая жизнь в стране была ключом, и много из того, что происходило, нужно было осмыслить или, по крайней мере, обговорить. На деканатских «посиделках» в кабинете Юрия Курдина я впервые узнал, что в новейшую постсоветскую эпоху (впрочем, может, это были годы позднего СССР) профессор Кузнецов баллотировался в депутаты.

Война учеников

В 1999-2000 учебном году я видел, как Евгений Васильевич проявлял житейскую мудрость и демонстрировал стоические черты характера. В это время наш провинциальный педагогический крейсер под именем А. П. Гайдара слишком далеко заплыл в воды внутриорганизационной демократии. Два ученика профессора Кузнецова пытались тогда баллотироваться на должность ректора. Вернее говоря, один пытался публично и преуспел в этом деле (с нашей, то есть электоральной, помощью, в том числе), другой же сильно переживал и ничего не делал. Организаторских талантов у него было побольше, но, как говорят в народе, к ректорскому креслу его не пускал «пятый пункт». Будучи армянином по происхождению, он справедливо полагал, что русский дух скорее испарится, чем выберет «инородца» в начальники.

Как бы там ни было, но пока готовились и проходили выборы, два бывших однокашника, друживших семьями, поссорились и разошлись по разным углам ринга. Представляю, как трудно было Евгению Васильевичу «лабиринтировать» между арзамасской Сциллой и Харибдой. Не знаю точно, но подозреваю, что каждая из этих «химер»

пыталась привлечь его на свою сторону. В ответ профессор Кузнецов демонстрировал философическое начало и здоровый русский оптимизм. Он не позволил втянуть себя в интригу, никого не считал правым и виноватым, читал свой любимый спецкурс студентам, пил с нами чай в деканате и привносил своим присутствием стабильность, которой нам так тогда не хватало.

Разговоры на кухне

Лично для меня ректорские выборы 1999 года закончились плачевно. В следующем году я уволился из пединститута и больше никогда там не работал. Мое общение с Евгением Васильевичем прервалось на несколько лет, а возобновилось уже полностью в неформальной обстановке. К этому времени он тоже завершил отношения с арзамасским историческим образованием. Я приезжал к нему домой в Нижний Новгород, мы садились на кухне и я вновь и вновь окунался в наш разговор, сценарий которого оставался неизменным с самой первой встречи – Евгений Васильевич говорил, а я его внимательно слушал.

Трудное признание

Напоследок мне остается сказать самое трудное. Я должен признаться, почему однажды прекратил ездить к Кузнецову. С момента нашей последней встречи прошло больше месяца, когда в случайном разговоре мне вдруг сказали, что Евгений Васильевич умер. Это была абсолютная неправда, но сказанная с такой убежденностью, что трудно было не поверить. А когда все выяснилось, прошло уже несколько месяцев. И тут в моей голове проснулись детские страхи: я подумал, что не смогу объяснить, почему много месяцев не звоню и не появляюсь. Не рассказывать же о реальной причине? Неудобно! Глупо, конечно, но именно так все и было. И вот сейчас, пользуясь случаем, я поздравляю Евгения Васильевича с юбилеем и прошу у него прощения за все свои вольные и невольные прегрешения.

«Труды и дни» профессора Е. В. Кузнецова

Меженин Валентин Михайлович, к.и.н.

Дайте, дайте без искусства
Проявить живые чувства
В дружном трепете сердец
И, восторгом пламенея,
В день почетный юбилея
Обновить его венец.

Афанасий Фет

Феномен старости, пожалуй – волнующий человеческое сознание сюжет. Для благодетельствованных судьбой старость неминуема как этап увядания и свойственного ему созерцания – для людей, сделавших в свое время жизненным выбором добрую славу, которая, как известно, на весах истины лучше богатства, вещного, разумеется. Онтогенез понятия «старость» имеет долгую и противоречивую историю. Это целостный пункт человеческого бытия, изучаемый с античных времен в контексте космического движения в целом. Для Эпикура главным в старости были блага доброй памяти о прошлом. Мудрый Платон считал старость аналогом закрытия физических очей, когда открывались духовные.

Красноречивый Цицерон видел в старости нечто, не всегда однозначно воспринимаемое нами. Это не седина в висках и не количество и глубина морщин на лице, а нечто, что надо заслужить своими деяниями в проживаемой жизни. Это нечто – уважение. Отсюда вытекает простая житейская истина. Если вы хотите жить долго, значит вы хотите стать старым, а далее совсем понятно – значит вы должны добиться уважения и, понятно, не сединами и морщинами. Продолжительность жизни – божий дар – на всем протяжении истории рос от среднего значения 25–30 лет в рабовладельческую эпоху до значительных воспринимаемых с благоговением цифр наших дней. Опираясь на западноевропейскими источниками, Ю. Л. Бессмертный считал, что в странах Западной Европы старость наступала между 50 и 60 годами. Рыцари в этом возрасте освобождались от обязательной службы с сохранением феода. Большинство московских великих князей (XIV–XVI вв.) умирало в возрасте от 30 до 50 лет. Долгожителем был

разве Иван III (1440–1505 гг.), управляя страной последние годы чисто номинально. Согласно археологическим данным, средний возраст смерти на территории средневековой Руси был в интервале 32–43 года. Для Западной Европы этот синхрон лежит в пределах 30–35 лет. Специалисты-демографы на российском материале заключили, что среднестатистический человек, вышедший на 50–60-летний жизненный рубеж, в XVI веке – это лицо, достигшее преклонного возраста, после которого приходила немощь и резкое снижение трудоспособности.

Агиография в области лиц, посвятивших себя служению духу, дает удивительные примеры. Читаем в Житиях преподобных: «Начат телом изнемогати, и же душою крепкий». Кирилл Белозерский прожил 90 лет, Макарий Желтоводский – 95, Лазарь Муромский – 105, Павел Обнорский – 112. Это о них в летописи Чухломского Амвросиевского Городецкого монастыря (Кострома, 1859) записано: «Живя лета в довольно добром воздержании и трудах, состаресе возрастом».

Простит меня юбиляр, по-настоящему иноческая цифра возраста которого приближается к достопочтенной «90». Простит за рассуждения, начатые с очень далекой от повестки дня позиции. В добрых чувствах подходил к делу с благожелательных примеров. Да и за дерзость обращения к рассуждению о возрасте. Теперь с уважением и почтением называю имя, которое прорывалось через философские сентенции, примеры из агиографии и некоторые строчки монахов-писарей. Кузнецов Евгений Васильевич. 9 октября 2021 года грядет его 90-летие. Почтения достоин не только сам юбиляр, но, как оказалось, и сама цифра 90. В ней скрыто много загадок, прикоснуться к которым, значит тут же прикоснуться к науке – поводырю Евгения Васильевича по жизни.

Цифра эта – действительно из патриаршего ряда. Восточнославянское числительное девяносто составляет одну из самых интригующих загадок этимологии. Ни у западных, ни у южных славян его нет. В ряду 50, 60, 70, 80 естественным продолжением могло быть только девяност. Однако, по неясным причинам это естественное, ожидаемое продолжение было утрачено, а его место заняло другое слово – девяносто. В старославянских источниках встречается только закономерная форма ДЕВАТЬ ДЕСАТЬ.

И все-таки – 90. Не отступая от доброй традиции, будем говорить о достоинствах юбиляра, разумея в первую голову реализован-

ные им за более чем шесть десятилетий заложенные в нем потенции ученого, помноженные на непрестанный труд, давший зримые и «сладкие» плоды. Его научное (печатное) наследие – свидетельство широты исторического кругозора и разработки проблем широкого спектра в исторической науке. Его интересы и результаты их реализации остались в истории средневековой Англии, древней истории славян, этнической демографии и краеведении, в истории религии и атеизма. Универсализм в науке – следствие данного природой таланта, подкрепленного недюжинными качествами мастерового от науки и здоровым честолюбием.

Можно заполнить много страниц нашего текста перечислением названий научных работ Евгения Васильевича. Читая биографии больших ученых, мы видим количество, определяемое сотнями названий разного уровня и достоинства. В этом смысле у юбиляра полный порядок – его планка зафиксирована на гроссмейстерской высоте: около трехсот наименований (статьи, монографии, пособия, хрестоматии, научные сборники, дискуссии в центральных журналах, участие в международных научных конференциях, переводы с латинского и английского языков, редактирование научных изданий и т.д.).

Только этот формальный показатель обеспечил ему место в первой когорте советских медиевистов, прежде всего англоведов. В историографических подвалах работ по Англии обязательно присутствуют ссылки на труды Кузнецова, а некоторые его утверждения и позиции стали предметом полемики на страницах ведущих исторических изданий. Он – автор около шестидесяти англоведческих работ, осуществляя научное кураторство над рядом занимающихся Англией специалистов из Вузов российских городов. Он – ответственный редактор и организатор серии тематических научных сборников. Этот путь он начал с защищённой в 1959 г. кандидатской диссертации (досрочно) и докторской в сорокалетнем возрасте в 1973 г. Венцом творческих и организаторских усилий юбиляра на ниве английских исследований стало создание признанной в России нижегородско-арзамасской школы в указанном историческом направлении. Этот факт опубликован в материалах Арзамасского пединститута в 2016 г. по случаю 85-летия профессора Кузнецова С. А. Зотовым. Начался же этот путь 61 год назад, когда выпускник истфака Евгений стал аспирантом член-корра АН СССР Сергея Ивановича Архангельского, провидчески обозначившего научную жилу, принесшую через годы

благодатные плоды. Возможности Е. В. Кузнецова и достигнутые результаты позволили второму учителю Кузнецова проф. Николаю Петровичу Соколову в разговоре с пишущим эти строки заявить, что в г. Горьком только один историк может стать член-корр. Было это в 70-е годы прошлого века и относилось, понятно, к этому конкретному периоду. В продолжение разговора он посетовал, что Е. В. занимается лишними делами (административные, общественные и пр.), Соколов был тверд и категоричен в суждениях относительно преданности одному делу. С благодарностью вспомним мудрого учителя и воздадим должное ему и одновременно выскажем свое мнение по этому поводу. Эта сторона деятельности маститого уже ученого Кузнецова, как показала жизнь, стала составляющей в состоявшемся симбиозе неординарной личности, в котором естественно слились научные достижения ученого Кузнецова с его деятельностью как руководителя и воспитателя молодежи с выполнением функций ответственного гражданина. К этому сюжету мы постараемся вернуться, не уходя сейчас от линии Кузнецова-ученого, отдавшего значительную часть себя служению науке. Нисколько не опасаясь высокого напряжения пафоса в этой обыденной фразе.

Смысл творчества в науке определяется, разумеется, не просто числом, но и искусством умения (почти как у Суворова). Под умением мы понимаем здесь буквально остающиеся следы от научных изысканий, которые могут быть прочитаны и явлены в виде признания и одобрения или же в форме несогласия и отторжения. Доказывая это утверждение, обратимся к некоторой конкретике – реакции научного сообщества на ряд научных выводов Е. В. Кузнецова. Ограничимся двумя примерами. Докторская диссертация «Движение лоллардов в Англии (конец XIV – XV вв.)». Ее защите предшествовало обсуждение монографии на кафедре в мае 1971 г. С заключением выступал Н. П. Соколов. В нашей памяти, – часто на всю жизнь, – остаются какие-то факты и события, образы. В мою память врезались слова Соколова с трибуны 310 аудитории: «Я читал эту работу с самоотречением, с каким же самоотречением ее надо было писать». Конечно, эта фраза не была внесена в протокол заседания кафедры лаборантом Ириной Александровной Веселиковой, но она была самой подходящей для монографии характеристикой. Меня кто-то может и заподозрить в несовершенстве памяти, но из этой ситуации легко выйти. Нужно прочесть в книжке «Средние века» № 38 за 1974 г., начиная со

страницы 239, рецензию Натальи Ивановны Басовской. В монографии Е. В. Кузнецова, опубликованной в Ученых записках ГГУ им. Н. И. Лобачевского в 1971 году, проблема лоллардизма, едва только затронутая мэтрами отечественной медиевистики Д. М. Петрушевским и Е. А. Косминским, была выведена Кузнецовым на уровень серьезного и всестороннего исследования. Кстати, рецензент упрекнул Кузнецова за то, что он не упомянул в своей монографии фамилию Петрушевского (его «Книгу для чтения по истории»). Не будем вторгаться в детали принципов историографического подхода автора монографии.

Внутренняя «кухня» рецензии предметной конкретикой и обращением к сложной ткани социального расклада в английском обществе, объяснением учения Виклифа, определением тонких градаций догматических установок в движении «шептунов» вновь отправляют нас к словам, ранее сказанным проф. Соколовым. Опираясь на приводимые Евгением Васильевичем постулаты, Басовская утверждает, что он в своих выводах пошел вразрез с зарубежными исследователями. Это касается сближения бюргерской и крестьянской ереси в особое самостоятельное движение и вопроса о высокой степени организации заговорщиков и вообще левой линии в лоллардизме. Главное же в выводе Басовской то, что логикой анализа сложных для восприятия источников Е. В. Кузнецов определил направление будущих споров и исследований в этой важной и принципиальной проблематике. Этот вывод солидаризируется с заявлением епископа Катберта Танстолла из Лондона, назвавшего лютеранство ребенком виклифской ереси. Очевидно, что Евгений Васильевич изрядно «постирал эти детские пеленки» в преддверии грядущей вскорости европейской Реформации.

Последовало второе издание монографии о лоллардах – исторической проблемы, которую Кузнецов с благословения С. И. Архангельского застолбил еще в 50-е годы прошлого века. В 2011 г. она была опубликована в Арзамасе с серьезным дополнением источниковой базы – комплексных массивов регистров церковных диоцезов Англии, расширивших социальную базу виклифизма и опровергнувших мнение английских исследователей, полагавших, что движение лоллардов «опростонародилось». Это издание монографии также было отмечено рецензией В. А. Евсеева в «Средних веках» № 73 за 2012 год, повторившей отмеченные ранее новаторские достоинства иссле-

дования с долей сомнения рецензента в справедливости решительного утверждения автора, что движение лоллардов рубежа XIV–XV веков было не только чисто конфессиональным, но и социально-политическим. Отсюда и наличие сомнения у рецензента в наличии у лоллардов революционной программы, направленной на ликвидацию феодального строя. Другими словами, в рецензии проводится мысль о наличии у автора монографии стихийно-объективной истины о признании классовой борьбы как неперемennого атрибута в теории, а отсюда и проявления революционности: работа писалась 40 лет назад, и на ней лежит печать своего времени. Басовская, кстати, в свое время не сделала такой оговорки. Нам скорее хотелось бы увидеть некоторые возражения Наталье Ивановне у В. А. Евсеева по части согласия или возражения по тонким догматическим и вероисповедным моментам воззрений евангелического доктора. Например, по позиции пресуществления и идейных точек зачаточной Реформации.

Мы говорим в должной быть торжественной речи в связи с юбилеем и соответствующими требованиями к ней о сугубо внутренних моментах творческой лаборатории по причине необходимости определения важности понимания исследовательского кредо юбиляра, в котором решающим было исповедуемое им твердое правило – *Ad fontes* (к источникам). Этот принцип не допускает возможности уходить от истины ради отчеканенных временем теоретических догм. История Англии как научное направление возникло в двух нижегородских вузах в начале 30-х годов XX века и усилиями Кузнецова с сотоварищи утвердилось во второй половине века, претендуя на определение ее как самостоятельной школы.

Другим самостоятельным сюжетом, заданным в историографии Евгением Васильевичем, стала поистине почти детективная история знаковой фигуры на английском троне – Ричарда III, последнего из Йорков, сюжета, развитие которого в дальнейшем привело его к результату, который осмелимся обозначить как «Горьковский историк против английской королевы». Скорее наоборот, так как Елизавета II хронологически уже значительно позднее после выхода перевода и комментариев Кузнецова («Истории Ричарда III Томаса Мора, Москва: Наука, 1973 г.»), а именно в 2015 г. в Лондоне, после торжественного захоронения найденных останков Ричарда III со всеми достойными короля почестями в кафедральном соборе вынесла вердикт в затянувшемся споре о личности «горбуна». Она назвала этот акт важ-

ным национальным и международным событием, а Ричард III, погибший в тридцать два года в битве при Босворте в 1485 г., отныне будет покоем с миром в городе Лестер, в самом сердце Англии. Все могут короли.

Все было бы просто, если бы не работала одна набившая оскомину истина: «Не происхождение украшает человека, а человек происхождение. Не пристало в юбилейном материале отвлекаться от цели, но «казус Ричарда III», к которому проф. Кузнецов имеет отношение, оправдывает нас. Смысл коллизии по поводу исторических личностей, сейчас на суде английский король, в важности для истории некоторых персон. Проблема с Ричардом обозначилась сразу же после прихода на трон Тюдоров. Традиционная версия в оценке этого короля строилась на основе «Шекспировских исторических хроник». Ричард стал символом тирании, убийцей племянников, братоубийцей, виновником смерти жены и кровосмесителем. Да к тому же горб и отсохшая левая рука соответственно дополняли нелицеприятный во всех отношениях портрет. Томас Мор не пожалел черной краски в изображении этого короля,

В 2014 г. вышла статья доцента РГГУ В. Д. Браун «Образ Ричарда в информационном пространстве отечественной историографии». Она проследила весь ход процесса реабилитации Ричарда III, закончившийся апофеозом его перезахоронения. Борьба ричардианцев и антиричардианцев – увлекательный и поучительный исторический феномен, в котором переплелись верность гуманистическим традициям, ненависть к монархизму как выражению нарушения человеческих прав, разнополюсные политические пристрастия, работа морализаторских тенденций, обновленный подход к источникам, смешение литературного и исторического, обвинение Мора в его приверженности к утопическому социализму. Евгений Васильевич встал на сторону Мора: «Томас Мор достоверен, это не литературное, а историческое произведение, имеющее литературную ценность». Браун, возражая, приписывает Морю создание нравоучительной драмы о вреде тирании, а Кузнецову – консервацию образа Ричарда в моровском исполнении. Мало того, продолжает она, Кузнецов пошел дальше: «Историки нового времени немало потрудились, чтобы снять с исторического портрета Ричарда III густую черную краску, какой покрыли его современники. Но их усилия оказались бессильны перед логикой фактов (горб, высохшая левая рука, политические убийства,

кровавый переворот). Кузнецов сумел добавить два новых пункта – нарушение нормального функционирования государственного аппарата и установление военного режима».

Заметим, что кажутся странными по крайней мере два постулата реабилитантов. Первый из них объясняется приверженностью сторонников Мора к устоявшейся практике исторической науки не менять отношения к достоверности источников. И якобы по этой причине Мор автоматически выводится из зоны критики. Второй довод лежит рядом – ритуальный пиетет, едва ли не благоговейное отношение к историческим взглядам автора «Утопии». Приводится еще один общегуманитарный довод обелителей Ричарда. Довод вполне в духе современных общедемократических ценностей, вторгающихся и в науку, к сожалению: «С оттепелью в СССР не произошло никакого смягчения Образа Ричарда III, разумеется, во всех названных позициях». В последнем пункте Е. Д. Браун видит досадное для нас отставание от Запада, где дело полного оправдания Ричарда завершилось успешно, о чем королева и доложила всему миру. Для нас в приводимой Браун всей перипетии борьбы за «светлый» образ английского короля принципиальным является признание Кузнецова, пожалуй, главным защитником моровской традиции.

Не берусь за расстановку приоритетов в определении причин успехов Кузнецова в науке, о некоторых было уже сказано. Но на одно его завидное качество, формирующее стиль работы, обязательно скажу. Это отношение ко времени. Есть мудрое наизидание относительно рационального пользования этой субстанцией – тканью, из которой сделана жизнь. Он умеет распоряжаться этим бесценным даром. Он «умудрился» в параллель проделанной гигантской работе в науке оставить заметный след в области практической деятельности на административном поприще, требующей отрывать от драгоценной ткани заметные куски. Это – трудоемкое деканство на историко-филологическом факультете (1971–1981 гг.), совпадающее, кстати, с серьезными результатами в науке. Организация учебного процесса с введением оптимальной для студентов специализации, организация деятельности целого ряда специальных учебных кабинетов, оригинальная форма контроля за успеваемостью, заботы о библиотечном факультетском фонде, оформление факультетского пространства с приглашением специалистов-художников, постоянный хуже пожара ремонт от крыши до подвала, одна из лучших в университете худо-

жественная самодеятельность, успешные ССО в области и в далекой Якутии, постоянные контакты со студентами через открытый постоянный их доступ в деканский кабинет, постоянное функционирование методического семинара преподавателей, создание благожелательного и архиполезного контакта со второй половинкой коллектива – филологической, оставившее благодатные следы от научных контактов и замечательных вечеров по случаю «святых» советских праздников. Кузнецов вывел факультет в системе существовавшего соревнования по сумме известных показателей в передовые. А, в каком не помню точно году, он стал лучшим в университете. Кто не считает деканский хлеб, выпеченный с серьезными временными затратами, бесспорной обузой, пусть постоит с десятков лет у этой печки. Скорее всего, об этом думал Соколов, беспокоясь о научной будущности талантливой исследователя с очевидными высокими перспективами.

И все же закончу разговор о времени. Признаюсь, что, зная Евгения Васильевича полвека с учетом установившихся контактов, не могу сказать, что такое для Кузнецова свободное время. Свободное время... Что это такое? Это как свободная Россия? От чего? Скорее всего, он следовал правилу известной капиталистической акулы Генри Форда, оставившего нам неплохой завет: «Когда у человека много свободного времени, он немного достигнет». Один маленький, но назидательный пример из личной копилки общения с ценителем времени. Майская демонстрация, декан Кузнецов при факультете. Праздничное настроение, гремит музыка, портреты и транспаранты благополучно отправлены. По заведенной годами традиции мы, группа молодых и не очень преподавателей, шумно занимаем стол в знакомом нам на Комсомольской площади кафе «Уют». И вот уже прошла первая – за Труд, Мир, Май. На подходе вторая. Вдруг Кузнецов встает и начинает прощаться с компанией, вознамерившейся продолжать банкет во славу Светлого праздника. «Мне пора, я задолжал науке» – сказал он совсем не праздничные слова. Из нас никто даже не подумал о Генри Форде. Мы, конечно, продолжили, день для нас был потерян, разумеется. Понятно, не по тому, что Евгений Васильевич ушел, но потому, что мы продолжили, а он в свободное (для нас) время переводил документ из провинциального английского монастыря.

В его карьере были периоды, которые можно назвать как укусы разъяренной необходимости, не повлиявшие на заданный ритм преж-

де всего научной работы и главное на результаты и организационные предприятия, направленные на службу главному делу жизни. Это касается перехода на заведование кафедрой Истории СССР феодального и капиталистического периодов на своем факультете в ГГУ (1976–1984 гг.), перехода на руководство кафедрой в пединститут (1984–1995 гг.) имени М. Горького. С 1995 по 2010 год – он профессор Арзамасского педагогического института, положив много трудов и энергии на организацию научной работы (с очевидными результатами), воспитав там и давши дорогу в научную жизнь целому ряду молодых преподавателей, обеспечивая престиж главной кузнице педагогических кадров в нашей области.

Учебно-педагогическая деятельность профессора Кузнецова – это особая грань его таланта, которым природа и тщательная подготовка обеспечили ему положение «*primus inter pares*». Удивительная способность сложное подать доступным языком, простое сделать значительным и облечь его в четкие и воспринимаемые формы, увлечь слушателя логикой – частью сотворчества с аудиторией, покорить ее четкостью и простотой мысли и заморозить искусством простой для восприятия манерой изложения. Приходят на ум слова какого-то маститого признанного педагога из великих: «Не должно быть пороков в речи тех, кто воспитывает». Лекции Кузнецова – иллюстрация к этим словам. Это качество профессора покорило десятки поколений выпускников (здесь выпуск с дипломом – и поколение). Обратимся к «*vox populi*». Каждый, написавший свои воспоминания о годах учебы, преподаватель в вышедшем несколько лет назад сборнике на факультете не преминул назвать Кузнецова, оставившего след яркой манерой лектора и высоким мастерством. Добавлю еще один незатейливый пример, который не выбросишь из строки как слово из песни. Лет тридцать, может более тому назад, спускаясь в тоннель на Московском вокзале, столкнулся со студентом, закончившим факультет лет за семь до нашей случайной встречи. Я, к удивлению, вспомнил его имя и окликнул. Он же, спеша на свою ветлужскую электричку, только и спросил меня: «Как там Кузнецов?». Здесь все правда, кроме одного. Он мог быть и не из Ветлуги, а из Семенова, например.

Е. В. Кузнецов – прирожденный лидер по жизни, всегда притягивая к себе людей, организуя пространство деятельности мотивацией, четко обозначенной целью и видимой перспективой. В разного

рода жизненных и общественно-значимых ситуациях он с цепкостью шахматного игрока умеет видеть во всех деталях целостную картину выполняемой в данной ситуации задачи. Это может быть общефакультетское мероприятие, организация научной конференции, формирование научного сборника, проведение общественной акции, хлопоты по поводу чествования товарища, поддержка таланта. Однажды меня поразила маленькая деталь. В созданный им неформальный коллектив для написания Хрестоматии Нижегородского края я оказался включенным странным образом. Он вдруг вспомнил, что у меня есть книга американского исследователя-путешественника «По Сибири» Дж. Кеннана, которую я купил в Питере в букамагазине на улице Герцена. Во-первых, в ней есть прекрасные слова о красоте Нижнего – «царственно поставленного города». Удивило не то, что он помнил о словах удивленного американца, но о нахождении этой книжки у меня. Для меня это и сейчас тайна. И это не все. За принесенную книгу я был включен в состав членов редколлегии хрестоматии, что и смущает меня поныне. В общем привычным и понятным стало видеть Евгения Васильевича тамадой во всех делах, а уж в застольных – непременно. Он всегда в такого рода мероприятиях выступает в качестве непрекаемого «master bibendi».

Важным качеством человека, облеченного полномочиями и возможностью влиять на других людей по законам субординации, обязательно является справедливость. Сложная эта штука часто воспринимается на индивидуально-эмоциональном уровне в обрамлении обид и субъективных всплесков. На уровне действия этой тонкой материи могут возникать обиды, даже неприязнь. Мера этой категории всегда определяется только на личном опыте. Сказал о заветлужском студенте и убедился в добром чувстве человека. Однажды в областной больнице им. Семашко тоже встретил бывшую выпускницу факультета, получившую после окончания вуза направление на работу в школу – Женю Шапиро, как всегда жизнерадостную и энергичную. Она была обижена на Евгения Васильевича, так как полагала, что за активное участие в факультетской художественной самодеятельности была вполне достойна остаться для дальнейшей работы в г. Горьком, а не ехать в школу Шахунского района. А может был прав Государственный план по распределению и исполнявший его декан? Я сам тоже прошел испытание на оселке справедливости Евгения Васильевича. На III курсе в 1964 г. он читал нам курс «Истории стран Азии и

Африки в средние века», как и всегда интересно. Яркие детали из лекций помню и сейчас. Например, многие «краски» восстания Маздака в Иране. Неожиданно для меня я освобождаюсь от экзамена за работу на практических занятиях и скорее всего за сделанный доклад по книге «История последних политических переворотов в государстве великого Могола» Франсуа Бернье (это средневековая Индия). После я приобрел эту книгу в личное пользование, и она напоминает мне о приятном факте студенческой поры. Это справедливо? Не знаю. Весной 1976 г. на заседании кафедры обсуждалась моя диссертация, которая не была готова к защите. Заведующий кафедрой Е. В. Кузнецов выносит решительный вердикт: «В случае неготовности работы к осени я не буду рекомендован к переизбранию на должность старшего преподавателя, т.е. лишаясь работы». Мое минорное настроение после заседания пытался со свойственной мягкостью и интеллигентностью сгладить подошедший в фойе доцент Григорий Матвеевич Гендель. Справедливым было решение кафедры, читай Кузнецова? Справедливым. Так я считал даже тогда. Бывает, что неисповедимы пути в науке.

Человек с твердой личной жизненной позицией, как правило, имеет оппонентов и отстаивает свои взгляды на многие проблемы общественного бытия и высказывает свое отношение к персонам, фактам, текущим событиям. Допускаем, что Евгений Васильевич не всегда, не всем удобен своими поступками, высказываниями и проявлением гражданского понимания некоторых явлений. Активная позиция по ряду ситуаций – выражение искреннего и сложившегося отношения к действительности. Все это легко объясняется обращением к приличествующему в данном случае красноречивому примеру. В Древней Греции не пассивный человек, занимавшийся политикой (от греч. *politas*), так как город есть полис, считался полноценным гражданином. Занятие политикой до такой степени считалось обязательным и само собою разумеющимся делом для гражданина, что человек, не питавший интереса к политике, а занимавшийся своими личными делами, назывался словом «идиот» – понятие противоположное гражданину.

90-летний Е. В. Кузнецов сохранил все свои убеждения неизменными и отвечающими его критериям, сложившимся в годы напряженной научной и общественно-административной деятельности. В первую очередь это касается трепетного и преданного отношения к

науке, которая не может упрекнуть его в измене, подбора исполнителей и вариантов движения по стезе Клио, ранжирования масштаба и уровней проблематики исследований (личных и учеников), видения и оценок возможных перемен в ближайшей перспективе. По причине серьезного недуга он оказался отлученным от чтения и письменного стола, но не от самой науки, не прерывая общения и контактов с рядом своих воспитанников, особенно с арзамасцами. Редкие встречи на его маленькой кухне с расписанной некогда Ф. В. Васильевым одной стеной, ставшей привычной реликвией, день его рождения непременно и естественно превращают в семинар. Привычные мужские разговоры, как утвердилось в обыденном сознании, здесь никогда не были уместными. Евгений Васильевич может вспомнить, что такой-то товарищ (сидящий за столом) должен написать много лет назад заброшенную статью, о которой сам товарищ уже забыл. Во время, к стыду редких, моих телефонных звонков от него, кроме краткой и четкой информации о здоровье, обязательно услышишь оценку какой-нибудь общественно-политической проблемы или важного текущего события. Для него, – как в былые годы, так и сейчас, – не существует мелких бытовых или ничтожно значащих проблем повседневья, как и раньше он образец бережного отношения ко времени. Его стоицизм вызывает одновременно и уважение, и чувство бережного признания.

Дорогой Евгений Васильевич! В день Девяностолетия вместе с сердечными проявлениями сохранения здоровья обращаю к Вам слова признания за содержание Ваших уроков: реализм в оценке объективных потребностей и принятие их с должным пониманием и с завидной снисходительностью, трезвость в оценке людей и свое следование «ratio» в делах больших и полезных, прозорливость, которую Вы показали в вышедших в 2008 г. «Мемуарах русского историка», особенно в предчувствии перемены нашей жизни на другую. Трепетное чувство ностальгии вызвали их страницы о годах детства и юности, о предвоенных годах г. Горького со щекочущей атмосферой утраченного советского бытия и многих деталей, обращающих память к знаменательному и лежащему на русскую душу «Лето господне» Ивана Шмелева.

Заканчиваю личные воспоминания о Евгении Васильевиче Кузнецове в канун его достославного девяностолетия, используя приобретенные знания о научном и творческом пути и впечатления от лич-

ных контактов в течение нескольких десятилетий, опуская, естественно, массу возможных и доступных мне выходов на эту личность, ограничусь следующим соображением. Горьковская историческая школа за последнее столетие делегировала в русско-советскую науку в ее средневековом отделе три фигуры общепризнанного уровня: Сергей Иванович Архангельский, Николай Петрович Соколов и Евгений Васильевич Кузнецов, который, скажем, пользуясь малоизвестной китайской притчей, сумел построить стену, с которой можно посмотреть, что делает и Конфуций.

О Е. В. Кузнецове

Морохин Алексей Владимирович, к.и.н.

В гуманитарном пространстве Нижнего Новгорода и Нижегородской области Евгений Васильевич Кузнецов занимает особое положение. Под влиянием этого человека шло формирование исторической науки в регионе на протяжении многих лет. Думаю, не преувеличу, если скажу, что среди местных историков эта самая яркая, заметная и феноменальная фигура, масштаб которой еще не оценен по достоинству. К сожалению, мне не пришлось слушать лекции Евгения Васильевича в ННГУ, так как я учился в 1990-е годы, когда он уже здесь не работал. Зато здесь в это время продолжали трудиться люди, многие из которых считали себя его учениками и последователями. Одним из них был и мой учитель, профессор Валерий Павлович Макарихин (1946–2003), который и представил меня Евгению Васильевичу.

Знакомство это было отнюдь не случайным. Валерий Павлович в частных разговорах неоднократно подчеркивал то большое влияние, которое на него оказал Кузнецов. Чуть позже этот факт Макарихин зафиксировал и в своих воспоминаниях, где отметил, что именно Евгений Васильевич «во многом определял мою научную судьбу. «Эпоха Кузнецова» была временем расцвета исторического факультета и вместе с тем мощного подъема интереса к отечественной истории и культуре»¹. Именно по совету Евгения Васильевича Макарихин начал заниматься изучением истории нижегородского летописания XIII–XV вв. как историко-культурного явления. Однако этим влияние Кузнецова не ограничилось. Подобно своему университетскому наставнику, Валерий Павлович по идейным убеждениям был великим патриотом своей страны, судьба которой его всегда глубоко волновала. Со своими учениками Макарихин старался знакомить и Кузнецова, причем делал это сознательно. Полагаю, мнение Евгения Васильевича о том или ином явном или потенциальном аспиранте было для Валерия Павловича весьма важным.

После оставления работы в ННГУ Кузнецов на протяжении долгих лет оставался членом местного «пятиглавого» диссертационного

¹Макарихин В. П. Мой путь в науку // Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Нижний Новгород, 2004. С.175.

совета, бывал здесь на различных научных конференциях, в том числе и на организованных Макарихиным «Мининских чтениях». После моего поступления в 1997 г. в магистратуру, а затем и во время обучения в аспирантуре Валерий Павлович стал активно привлекать меня к участию в научных и просветительских мероприятиях, на одном из которых и состоялось знакомство с Евгением Васильевичем.

Прекрасно помню свой первый разговор с Кузнецовым в неформальной обстановке на кафедре историографии и источниковедения. Запомнилась эта встреча потому, что тогда Евгений Васильевич, с некоторыми трудами которого по отечественной истории я уже был знаком, поразил своим широким научным кругозором и мышлением.

После этого знакомства были и другие встречи с Евгением Васильевичем. Нередко они проходили в его гостеприимном доме, где я бывал вместе с В. П. Макарихиным, Р. В. Кауркиным, В. А. Сомовым. В начале 2000-х я познакомился в РГАДА со старшим коллегой из Чувашии В. Д. Кочетковым, который, как оказалось, защищал в свое время кандидатскую диссертацию вместе с В. П. Макарихиным. В разговоре Кочетков спросил о Евгении Васильевиче (Валерия Павловича к этому времени уже не было в живых) и очень просил меня организовать встречу с Кузнецовым, которая вскоре и состоялась. Во время этого общения меня поразило, как быстро Евгений Васильевич вспомнил Кочеткова и тему его диссертации, несмотря на то, что после ее защиты прошло уже несколько десятков лет.

Люди к Кузнецову тянулись, и я не был исключением. Поражал кругозор этого ученого, подготовившего труды не только по истории средневековой Англии, но и по ранней истории славян, эпохе Екатерины II, гражданской войне. Других таких разносторонних исследователей в Нижнем Новгороде не было, может быть, за исключением С. И. Архангельского, чьим последователем, наряду с Н. П. Соколовым, Евгений Васильевич себя считает.

Кузнецов – блестящий остролов, чьи комментарии и реплики запоминаются надолго. На память приходит случай из начала 2000-х, когда в присутствии Евгения Васильевича В. П. Макарихин вручал грамоты от имени Нижегородского Отделения Русского Исторического Общества. Одним из награжденных был В. И. Белоус, вышедший получать грамоту в мятом пиджаке. В завершении мероприятия ведущий произнес: «Какие будут предложения?». Реакция Кузнецова

с места была мгновенной: «Есть предложение погладить пиджак профессору Белоусу».

Все, кто общался с Евгением Васильевичем, подтвердят, что он – великолепный рассказчик, который в процессе общения неоднократно делился своими воспоминаниями о прошлом. Жаль, что многие из этих рассказов не вошли в книгу мемуаров этого замечательного человека¹. Впрочем, именно здесь, в этих воспоминаниях, личность Кузнецова, как мне представляется, отразилась наиболее полно: в книге нет ни одной нелицеприятной характеристики тем современникам и коллегам, с которыми Кузнецову приходилось сталкиваться. Неслучайно он пишет: «Наверное, читатель ожидает, что сейчас появится перечень имен людей, которые сначала мешали моей работе, а потом открыто выступили против моей политики на факультете, да и в исторической науке тоже. Однако этого я делать не буду. Думаю, что у каждого из этих людей, которых я мог бы назвать, должны быть свои оценки, свое восприятие происшедшего. В конце концов, есть такое понятие, как совесть. Скажу главное: все их попытки нанести мне существенный ущерб не привели к желаемому результату»². Этим мемуары Евгения Васильевича сильно отличаются, например, от воспоминаний об истфаке одного из его коллег – В. А. Китаева. Последний в свое время конфликтовал с Евгением Васильевичем, потерял комсомольскую печать и был вынужден в итоге оставить истфак ГГУ, перебравшись в Волгоград. Затем в конце 1990-х он вернулся сюда и, видимо, пытался своими воспоминаниями о прошлом взять своеобразный реванш. В его мемуарах значительная часть текста представляет собой негативные высказывания в адрес Евгения Васильевича и т.н. «кузнецовщины»³. Работая некоторое время на кафедре историографии и источниковедения, Китаев и позднее не раз позволял себе злобные высказывания о «дедушке Кузнецове».

К сожалению, на истфаке ННГУ в 1990-х – 2000 годах были фигуры, подобно Китаеву, воспринимавшие Евгения Васильевича негативно, надо полагать, во многом из-за его бескомпромиссности. Нет никакого желания называть их имена, достаточно почитать мемуары многих из них, собранные и опубликованные Е. А. Молевым. Во мно-

¹ Кузнецов Е. В. Одна жизнь менялась на иную: мемуары русского историка. Арзамас, 2008.

² Там же. С.133.

³ Китаев В. А. Из воспоминаний // Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Нижний Новгород, 2004. С.65-80.

гом благодаря этим людям, особенно после ухода из жизни В. П. Макарихина, связи Кузнецова с *alma mater* заметно ослабели. Да и сам Евгений Васильевич не раз сетовал на то, что большинство его университетских учеников и последователей уже ушли из жизни.

Знакомство и общение с этим замечательным человеком наложило отпечаток и на мое мировосприятие. И сейчас, несмотря на свой весьма преклонный возраст и недуги, Евгений Васильевич сохраняет ясность ума и остается все таким же великолепным собеседником, общение с которым приносит лишь одно удовольствие.

К юбилею Кузнецова Евгения Васильевича

Романовская Вера Борисовна, д.ю.н.

В октябре 2021 года исполняется 90 лет со дня рождения известного российского ученого – историка Евгения Васильевича Кузнецова, доктора исторических наук, профессора, специалиста в области истории средневековой Англии, древней истории славян и русов, этнической демографии, истории религии.

Вся жизнь нашего выдающегося современника была посвящена науке. Он создал научную школу, в которую вошли его многочисленные последователи, продолжающие его исследования в области всеобщей истории, истории Отечества, истории государства и права зарубежных стран, истории государства и права России.

Жизнь профессора Кузнецова – это целая эпоха, этапы которой охватили все важнейшие события XX века: довоенный, военный и послевоенный период, репрессии и оттепель, перестройка, распад СССР, новая Россия, которые повлияли на его интересы, цели, задачи, взгляды, в целом на мировоззрение. По его личным воспоминаниям, запечатленным в книге «Одна жизнь менялась на иную», изданной в городе Арзамасе в 2008 году, можно изучать историю нашей страны. Невзирая на трудности и благодаря врожденным способностям и хорошей памяти молодому человеку из небольшого городка Бор Нижегородской области удалось поступить на дневное отделение историко-филологического факультета и получить высшее образование в Университете Лобачевского. В возрасте 28 лет он окончил аспирантуру и в 1959 г. стал кандидатом исторических наук. Началась его активная творческая научная жизнь. В 1973 г. молодой доцент Кузнецов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему: «Движение лоллардов в Англии конца XIV – XV вв.». За эти годы им было написано большое количество трудов по истории средневековой Англии. Но было еще одно научное направление, которое захватило мысли молодого доктора, и касалось оно не далекого туманного Альбиона, а глубокой русской древности: «Этногенез восточных славян: исторические очерки (IV–IX вв.)». Это глубочайшее научное исследование происхождения восточных славян и русов, основанное на многочисленных древних источниках на разных языках, к сожалению, мало известно широкой научной обще-

ственности, поскольку книга вышла небольшим тиражом и не была оцифрована. В сети интернет в свободном доступе она отсутствует, а значит, ученые не могут с ней познакомиться. Этот научный труд является прекрасным примером того, как можно интерпретировать источники, как логика и широта знаний позволяют увидеть скрытые смыслы, не очевидные для других читателей.

С 1976 по 1984 гг. Евгений Васильевич занимал должность заведующего кафедрой отечественной истории Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, совмещая научную работу с административной в качестве декана историко-филологического факультета. В последующие годы он работал в Горьковском педагогическом университете, где также руководил кафедрой Отечественной истории. В эти годы он занимался активной работой с аспирантами и соискателями кафедры. Он смог сформировать такой коллектив, большая часть членов которого стала в будущем докторами наук, профессорами, заведующими кафедрами и даже ректором крупного российского ВУЗа. В этих достижениях его учеников и коллег есть безусловная заслуга Учителя – Кузнецова Евгения Васильевича. В 90-е годы профессор работал по совместительству на юридическом факультете ННГУ им. Лобачевского на кафедре теории и истории государства и права, часть сотрудников которой были в прошлом его учениками. И здесь он внес большую лепту в научную деятельность кафедры, регулярно проводил научные семинары с профессорско-педагогическим составом и аспирантами. Эти встречи были настолько интересными и познавательными, что на них приходили сотрудники с других кафедр. Интерес к средневековой Англии продолжился здесь через правовую проблематику. При активной консультационной помощи со стороны Евгения Васильевича по английской тематике сотрудниками кафедры были защищены докторская диссертация и четыре кандидатские по юридической специальности 12.00.01 – теория и история государства и права, история учений о праве. В этот период соискателями кафедры было защищено несколько диссертаций по иным направлениям, каждая из которых прошла мощную проработку в руках главного рецензента – профессора Кузнецова. Все, кому была оказана такая помощь, вспоминают об этом с глубокой благодарностью.

В 1995 г. Евгений Васильевич Кузнецов стал трудиться на должности профессора Арзамасского государственного педагогиче-

ского института. Он не только читал лекции, но и смог открыть здесь аспирантуру по всеобщей истории, что было очень непростым делом, и начал готовить молодых аспирантов, которые впоследствии остались работать в институте в качестве преподавателей. Важной частью его деятельности в Арзамасском пединституте была подготовка серии изданий различных научных трудов, включая монографии по истории средневековой Англии. Авторами коллективной монографии стали его ученики и коллеги, в частности с кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Лобачевского. Евгений Васильевич Кузнецов, ученик академика С. И. Архангельского, сам стал создателем собственной школы «Средневековая и новая история Англии». Поколения ученых, принадлежащих к этой школе, и не принадлежащих ей, но учившихся и работавших рядом с профессором Кузнецовым, с глубокой благодарностью и искренней признательностью вспоминают годы совместной работы и ту щедрость, с которой он делился своими знаниями, идеями и временем.

Юбилей, к которому подошел наш Учитель Истории, красивый и знаковый. Пусть он будет отмечен теплыми словами и дружескими объятиями. Здоровья Вам и бодрости, дорогой Евгений Васильевич!

«Хоть тело бrenно, но молода душа»

Саберов Рушан Анвярович

Безусловно, о профессиональном пути и судьбе Евгения Васильевича лучше меня расскажут его коллеги и ученики, поэтому постараюсь коротко передать свое ощущение о настоящем историке, человеке с большой буквы.

Мое первое знакомство с Евгением Васильевичем Кузнецовым произошло благодаря моему научному руководителю Роману Витальевичу Шиженскому еще в студенческие годы, во времена моего обучения на историческом факультете Нижегородского государственного педагогического университета.

Первая и каждая последующая встречи убеждают меня в высоком профессионализме и эрудированности Евгения Васильевича. Мы много говорили и продолжаем обсуждать развитие истории древних славян, вопросы исторического образования и не только. Особо хочется отметить его внимание к собеседнику, к своим ученикам, неравнодушность к их судьбе и научному творчеству. Это поистине характеризует Евгения Васильевича как настоящего учителя и наставника.

Еще одной чертой Евгения Васильевича, которую необходимо отметить, является его оптимизм и огромное чувство юмора. Еще ни одна встреча не проходила без небольших юмористических зарисовок и воспоминаний из его прошлого. Это, вне всяких сомнений, придает особую живость беседе. Кроме этого, его умение говорить просто о сложных вещах заслуживает уважения и преемственности.

Для меня Евгений Васильевич, является тем человеком, который показал мне красочный и весьма противоречивый мир истории. Он вместе с Романом Витальевичем помог определить путь в науку и развитие высшего образования.

Искренне желаю Евгению Васильевичу крепкого здоровья, долголетия, благополучия всем родным и близким, как можно больше радости от свершений своих учеников!

Воспоминания о Е. В. Кузнецове

Сагателян Гарий Шагенович, д.и.н.

Я поступил на заочное отделение историко-филологического факультета ГГУ в 1968 году. После службы в Советской Армии (1970–1972), я приехал в Горький на весеннюю сессию 1973 года. Встретил там своего старого приятеля Жору Шахназарова, который сказал, что после армии он перевелся на дневное отделение. Узнав, что такой вариант возможен, я также загорелся этой идеей. Вскоре Жора предложил мне поехать бойцом в ССО «Сфинкс», который он в тот год возглавлял. Я согласился, но хотел заручиться словом декана Евгения Васильевича Кузнецова, что меня переведут на дневное отделение, чтобы спокойно работать в далекой Якутии. Случайно встретив Евгения Васильевича у входа на факультет, я заблокировал его, мы вместе посмеялись над ситуацией, после чего он сказал, что постарается оформить перевод.

После моего возвращения из стройотряда, в начале сентября 1973 года, вышел приказ о моем переводе с условием, что я за месяц ликвидирую разницу в учебных планах. Евгений Васильевич мимоходом, буднично в коридоре сказал нам: «Хотите учиться – крутитесь, сдавайте разницу». И мы с Борисом Гудковым (а он был в точно таком же положении, как и я) стали сдавать экзамены. За две недели, по-моему, сдали 7-8 экзаменов и несколько зачетов. Были с Борисом как на военном положении. Спали по несколько часов и готовились к экзаменам. К началу октября мы доложили декану и показали зачетные книжки со всеми отметками.

Я учился на истфиле ГГУ с удовольствием. Подробно о факультете, преподавателях и студенческой жизни рассказано в моих воспоминаниях «Жизнь как жизнь». Из лекторов наибольшее впечатление на меня произвел Е. В. Кузнецов. Его энциклопедические знания, манера читать лекции впечатляли. Он приходил в аудиторию с небольшой бумажкой. Как я потом понял – с планом лекции. Свободно, интересно излагал самый сложный материал, приводя примеры из первоисточников. Он мало стоял за трибуной, больше ходил туда-сюда по аудитории. Сначала было непривычно, потом привыкли. При этом лекции были строго научные, аналитические. Нам Евгений Васильевич читал спецкурсы по Библии и по истории Африки. Я был восхищен

его манерой чтения лекций, логикой изложения, охватом проблем. Стройное изложение огромного по объему исторического материала, его обобщение и четкие выводы. Это покоряло. Впоследствии, всю свою преподавательскую карьеру, старался подражать ему. Не знаю, как у меня получилось.

Как историк Е. В. Кузнецов, конечно, профессионал высшей пробы, хотя уверен, если бы не обстоятельства, он мог сделать для исторической науки на порядок больше. Об этом говорит тот факт, что когда в 1982 году он перешел на заведование кафедрой истории России, то он стал таким же авторитетным специалистом, как на кафедре истории средних веков. Его монографии по истории России по качеству нисколько не уступают работам по английской истории.

В пору, когда на факультете разгорелась борьба за кресло декана истфила, один из его бывших учеников, заявил, что «с Кузнецовым надо кончать». Я, будучи деканом факультета русского языка и литературы Арзамасского пединститута (1982 г.), категорически отказался поддержать такую позицию. Я заявил своему оппоненту, что именно Е. В. Кузнецов поднял историческую науку на истфиле и, что никогда не изменю своего мнения. Вообще, по жизни, если человек мне сделал добро, я остаюсь благодарным ему всю жизнь. Честно говоря, я не мог представить истфил без Кузнецова.

Так получилось, что Евгений Васильевич, после многих лет работы в Нижегородском пединституте, где он также вырастил целую плеяду учеников, вынужден был написать заявление об увольнении по «собственному желанию». В это время я был первым проректором Арзамасского пединститута и заведующим вновь образованной кафедры Отечественной и всеобщей истории. Не задумываясь, я предложил ему полностью перейти на нашу кафедру (до этого он был профессором на 0,5 ставки). Таким образом, волею судеб Евгению Васильевичу пришлось работать на кафедре, которой я заведовал в Арзамасском педагогическом институте. И уже с точки зрения заведующего кафедрой я убедился в правильности своих студенческих наблюдений и выводов. Приведу цитату из моей речи, по поводу дня кафедры, который стал тогда традиционным праздником историков. «Евгению Васильевичу Кузнецову – патриарху и учителю – мы напомним слова св. Августина: "Нет у человека иной причины философствовать, кроме стремления к блаженству," а также доказанную историей истину, что "Власть над собой – есть высшая власть", не

сомневаясь, что он обладает такой властью. Мы надеемся, что Евгений Васильевич поможет укрепить фундамент исторической науки в Арзамасе».

Вскоре, в 1996 году, на кафедре открылась аспирантура по всеобщей истории – руководитель Кузнецов Е. В. И здесь он начал подготовку молодых историков для кафедры. Приведу цитату из его выступления на аналогичном празднике в 1997 году: «Е. В. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор (Н. Новгород): Историческое образование переживает тяжелые времена. В одних вузах, в том числе – в нашем, переходят на американскую систему, которая не имеет у нас почвы, в других – начинают настолько увлекаться новыми специальностями, что чисто историческое образование остается в роли пасынка. Мне приятно, что мои ученики: Г. Ш. Сагательян, С. В. Максимов, В. В. Фомин, М. В. Третьякова, выпускники историко-филологического факультета Горьковского университета, составили костяк новой кафедры, делающей действительно нужное и полезное дело. Уже сейчас и нам, и ученым из других вузов есть чему поучиться у арзамасцев».

В 90-х годах мы провели в Арзамасе несколько всероссийских научных конференций, на которые приезжали историки со всего бывшего Союза. Тогда в Нижнем Новгороде практически конференций не проводили, не было денег. А мы за счет нашего авторитета в городе могли организовывать такие мероприятия. Отмечу, что и здесь нам очень помог опыт и научные связи Евгения Васильевича Кузнецова. Его блестящие выступления на этих конференциях задавали тон и вызывали большой интерес у всех участников.

В заключение, хотел бы отметить, что, будучи у нас дома в гостях, он неизменно демонстрировал неизменное уважение к хозяевам, высказывал комплименты моей супруге Марии Леонидовне. Но, главное, за столом он также мог увлеченно беседовать на самые разнообразные темы. С ним было интересно. Сказанное равным образом относится и к тому, когда в гости к нему попадал я. Можно сказать, что с ним было интересно и дома, и на работе.

В преддверии 90-летия Евгения Васильевича Кузнецова хотел бы выразить свое неизменное уважение и восхищение всей его научно-педагогической деятельностью. Как ваш ученик, уважаемый Евгений Васильевич, я продолжаю работать в том духе, который был вами заложен на истфиле Горьковского университета и во вре-

мя совместной работы в Арзамасском пединституте.

С благодарностью о Евгении Васильевиче Кузнецове

*Синицын Максим Олегович,
заместитель директора Приволжского
филиала «Российской газеты»*

Арзамасский педагогический институт, ныне Арзамасский филиал ННГУ им. Лобачевского, небольшой провинциальный вуз, как и многие институты в 1990-е годы переживавший очень нелегкое время. К чести преподавателей и руководства вуза – даже в эти годы они смогли открыть новые специальности. Так, на филфаке появилось историческое направление. Группа, в которой учился я, была экспериментальной – на нас отрабатывалась программа подготовки учителей истории. Выстраивался будущий арзамасский истфил.

Для прорыва, для реализации нового необходимы яркие личности, сильные решения. Безусловно, таким решением была инициатива приглашения для чтения лекций, спецкурсов ведущих профессоров из других городов: Нижнего Новгорода, Москвы. И одной из ярких личностей, чьи спецкурсы помнятся и спустя десятилетия, на чьи лекции приходили студенты с других потоков, стал Евгений Васильевич Кузнецов.

В первой половине 1990-х еще не были выработаны новые методики вузовского обучения (да и выработаны ли они сегодня?). Уже отошли от прямолинейных и жестких установок позднесоветского научного марксизма-ленинизма и появилась некоторая свобода действий в подаче лекционного материала. Лекторы получили возможность освещать разные точки зрения на вопросы истории, не тратя время на формальные и даже ритуальные указания на отсталость и реакционность этих положений. В историографии многие имена ученых, концепции вышли из-под запрета.

Обычный преподаватель терялся в разнообразии новых взглядов и установок. Традиционная гносеологическая основа не выдерживала вала, груза новых концепций. Лектор мог быть успешным, интересным, только если он умел объединить и выстроить в единый поток все возможные вопросы, проблемы, выводы. И это зависело как от личных качеств лектора: его эрудированности, живости ума, так и от научной школы, той незримой нити, связывающей поколения ученых.

Евгений Васильевич Кузнецов, представитель научной школы нижегородских историков и сам внесший огромный вклад в создание этой школы, стал для нас, студентов 1990-х, таким преподавателем, который мог дать новые ответы на сложные вопросы истории. Подача профессором Кузнецовым лекционного материала в те годы (тешу себя мыслью, что и благодаря определенно большей свободе, ощущаемой Евгением Васильевичем в небольшом вузе) была необычной, часто парадоксальной. Он показывал нам подходы и прочтения исторических явлений с точки зрения разных страт обществ на разных исторических этапах. Он поражал обращениями к тем источникам, которые для нас не то что были неизвестны, мы и предположить не могли об их возможном существовании! Он указывал на возможные области и направления, в которых могут случиться научные прорывы.

Лекции и спецкурсы Е. В. Кузнецова по европейской средневековой истории, ранней славянской и русской истории во многом определили и мой личный интерес к этим периодам. Я благодарен Евгению Васильевичу за формирование (смею верить) диалектичного взгляда на явления и факты. Сложность и многоплановость истории, да и современной жизни, во многом становится понятной благодаря тем подходам, которые использовал в своих лекциях доктор исторических наук, профессор Евгений Васильевич Кузнецов.

Мой Кузнецов

Сомов Владимир Александрович, д.и.н.

Есть люди, которые в значительной степени определяют вектор твоей жизни, судьбы... Это, в первую очередь, родители, братья и сестры, близкие, друзья. Очень повезло тому, кто встретил на своем пути Личность – духовного наставника, профессиональный «маяк», моральный ориентир в непростых жизненных ситуациях. Такой человек всегда незримо присутствует рядом, его образ неизменно сопровождает тебя на пути к вершине, его оценка является главным критерием твоего успеха. Встретить такого человека большая удача. Такого человека еще называют Учителем.

Мой Учитель – Евгений Васильевич Кузнецов. Говорю это с гордостью и с некоторым чувством завышенной самооценки. Могу ли считать себя его учеником? Может быть, он считает иначе? Как говорится – время все расставит по своим местам...

Впервые о Кузнецове я услышал весной 1990 года, когда был слушателем подготовительных курсов при Горьковском государственном педагогическом институте, куда собирался поступать. В одно из воскресений (мы занимались по воскресеньям) ведущая курсов – Галина Вадимовна Воронкова, – сказала: «Сегодня вам очень повезло: лекцию вам согласился прочитать профессор Кузнецов». Я внутренне настроился на нечто особенное – настоящий профессор, как в кино! И вот в аудиторию вошел невысокий и не молодой человек, ничем особенно внешне не выделявшийся. В потертых джинсах и свитере цвета кофе с молоком (кстати, большинство лекций на протяжении всех лет моего обучения Кузнецов читал в этой, ставшей, со временем, «фирменной» униформе). Буквально с первых минут он «занял господствующие высоты», стал «хозяином положения»: все наше внимание незаметно сосредоточилось на его манере общения с аудиторией (весело-снисходительное и уважительное одновременно). Он рассказывал о национальном составе СССР: кто где живет и сколько их... Казалось бы, сухие цифры, но так занимательно поданы. И без единой бумажки! Всё – по памяти. Да ещё с шутками, рассказами о личных впечатлениях о пребывании в Грузии. Очень подробно (буквально, как очевидец) рассказывал, по-моему, о Таллине. Мы «раскрыли рты», а он говорит: вы думаете, я там был? Нет, просто читал

путеводитель по Таллину. Все засмеялись, а я вспомнил про Жюля Верна.

Поступив в 1990 году на истфак пединститута, всех преподавателей, их манеру ведения лекций, я невольно сравнивал с кузнецовской. И, да простят меня все, – не нашел чего-либо похожего. Евгений Васильевич читал нам, первокурсникам, историю России с древнейших времен. За семестр он уделил столько внимания этногенезу славян, варяжской проблеме, Юрию Всеволодовичу, Александру Невскому и Ивану Калите, что семестр... неожиданно закончился. Но в те времена бюрократы от образования еще не имели над профессурой такой власти, как сейчас, и никто не попенял Кузнецову за то, что Ивана Грозного мы изучали самостоятельно. Но как было интересно! Сколько нового систематизировано заложил Кузнецов! Как обратил внимание на любовь к источнику – основе всех исторических исследований!

Еще я писал под руководством Кузнецова диплом по теме «Роль и место Великого Нижегородского княжества в политической системе Северо-Восточной Руси в 1341–1392 гг. Надо сказать, что дипломы тогда писали не все – большинство выбирали госэкзамен, а те, кто писал дипломную работу, от госэкзаменов освобождались. Я со второго курса плотно стал изучать летописи и составлять свою версию событий нижегородской истории XIV в. Очень хотелось узнать мнение Евгения Васильевича о моей работе, проконсультироваться, но застать его свободным на кафедре было довольно трудно. Однажды охранник на вахте мне сказал, что Кузнецов приходит на кафедру по субботам – работает. И вот я подготовил вопросы и пришел в выходной. Мне показалось, что Евгений Васильевич удивился, но полностью удовлетворил мой пытливый ум. Диплом я писал с интересом. Как у меня получилось – сказать не берусь, поскольку специалистом по русскому средневековью я так и не стал. Но помню, как А. А. Федоров (нынешний ректор Калининградского университета им. И. Канта), начинавший работу лаборантом кафедры Кузнецова, сказал, не скрывая сдержанного удивления: «Вот твоя работа. Он (Кузнецов) ее прочитал... Странно, обычно не читает». На защите Евгений Васильевич присутствовать не смог, лишь оставил рукописный отзыв плохо читаемым (тоже – Кузнецовское) почерком. Я этот отзыв храню до сих пор. В течение нескольких лет по окончании учебы я не упускал случая похвастаться этим отзывом, редко дочитывая текст на

обороте листа. Но однажды перевернул страницу и оценил юмор Евгения Васильевича. С пафосом читал я друзьям следующие строки отзыва: «Благодаря усилиям автора (в этот патетический момент я с шутливой гордостью поднимал голову) такой кардинальный для нижегородского краеведения, да и для всей истории России (!) в целом, вопрос...». Тут я перевернул страницу и увидел: «... остается не раскрытым». Ну, вот... а я старался.

А ведь было еще общение с Евгением Васильевичем помимо учебы. Я принимал участие в работе нижегородского патриотического общества «Отчизна», одним из руководителей которого был Е. В. Кузнецов. Был учредительный съезд Русского национального собора, были встречи с интересными людьми. В общем, за годы учебы Кузнецов стал для меня не просто преподавателем, но старшим товарищем, с которым не хотелось расставаться. Очень скромно в апреле 1995 года я поинтересовался у Евгения Васильевича, не возьмет ли он меня в аспирантуру? (На третьем курсе я искренне думал, что «аспирантура» – это специальное здание в Москве). Но Кузнецов сказал, что на данный момент на кафедре аспирантуры нет. Ну что ж... Пошел в аспирантуру к В. Д. Федорову.

В том же апреле 1995-го мне предложили поехать на работу в Арзамасский пединститут ассистентом на кафедру истории. Подумав 40 минут, я согласился, ведь одним из тех, кто предлагал, был мой первый декан истфака – Евгений Павлович Титков, на тот момент – проректор арзамасского пединститута. Потом – устройство на работу, смена обстановки, много бытовых трудностей. Но вот однажды летом 1995 года в своем кабинете Е. П. Титков мне загадочно сказал: «А знаешь, кто с этого года будут у нас работать? Кузнецов!». Сказать, что я был удивлен – ничего не сказать. Но больше – обрадован. Я буду работать с Кузнецовым!

Евгений Васильевич приезжал на работу «сессионно». Читал лекции два-три дня и уезжал, но я никогда не забуду, как стоял в очереди в кассы в день выдачи зарплаты рядом с самим (!) Кузнецовым. Это было не передаваемое чувство профессиональной сопричастности. Я – вместе с Кузнецовым!

Жил Кузнецов во время пребывания в Арзамасе в специальном (более комфортном, чем остальные) помещении общежития на улице Жуковского, которое называлось «изолятор». В этом «изоляторе» мы проводили вечера во время его приездов, разговаривали о жизни, ис-

тории, коллегам. Здесь я узнал, что «историк формируется к 40 годам», что «не надо стесняться цитировать источник», что «Киндзмараули» – любимое вино Сталина». И много чего еще. Кстати, «Киндзмараули» и впрямь было качественным, на что Кузнецов сказал – «скоро начнут подделывать». Буквально через полгода стало складываться впечатление, что начали.

Много говорили о Сталине. В 1995 году, когда в Москве в ознаменование 50-летия Победы поставили памятник маршалу Жукову, Кузнецов заметил: «А на 100-летие Победы поставят памятник Сталину». Евгений Васильевич, давайте дождемся этого момента! А тогда в Арзамасе, во время очередных посиделок в «изоляторе» Кузнецов сказал, что привез мне свою лекцию о Сталине – несколько машинописных страниц, но передать забыл (мы же еще о «Киндзмараули» говорили). При этом я настоял, что уж сегодня «спонсирую» мероприятие, несмотря на крайне маленькую аспирантскую стипендию. Кузнецов не спорил. На следующий день на кафедре мне передали те несколько машинописных страниц, соединенных скрепкой. Вечером я показывал их друзьям. И на пятой, примерно, странице обнаружил прикрепленные к той же скрепке 50 рублей. Не смог Кузнецов согласиться с моей финансовой авантюрой и таким образом возместил затраты на беседу в «изоляторе».

Тем временем я понемногу выстраивал текст диссертации. Тема мне была не столько близка, сколько предложена научным руководителем: «Трудовая дисциплина в годы войны». Я работал в архиве, участвовал в конференциях, но главным критерием моей «профессиональной уверенности» была оценка Кузнецова. Он читал все отрывки, которые я ему показывал. Причем тут же в «изоляторе», пока в кастрюле кипели макароны. И отмечал даже ошибки пунктуации. Феноменальная работа с текстом! Именно в эти минуты появлялась надежда на то, что я смогу написать и защитить диссертацию.

Когда речь зашла о названии работы, я испытал немалую трудность. По мере работы я внес в содержание диссертации довольно много смысловых дополнений по сравнению с первоначальным вариантом. Научный руководитель настаивал на «Трудовой дисциплине», а я расширил проблемное поле до «Принуждения к труду». Что делать? Обратился к Кузнецову. Он, как обычно, прост и точен: «А ты поставь союз «и»». Гениально! В результате тема моей кандидатской

диссертации: «Принуждение к труду и трудовая дисциплина в годы Великой Отечественной войны».

Кузнецов выступал на моей защите в декабре 1998 года. Как мне потом говорили, он давно так не поддерживал защищающегося. Как сейчас слышу его слова: «Я не так хорошо знаком с темой диссертации, как знаком с самим диссертантом». Члены Совета при этом сдержанно улыбнулись. Спасибо Вам, Евгений Васильевич!

С 1999 года я работал на истфаке ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Думаю, что близкое знакомство с Кузнецовым послужило для меня своеобразным подспорьем: я не просто «человек из Арзамаса», я — «дипломник Кузнецова», а это котирировалось в моем новом коллективе. Да и сейчас понимающие люди оценят такой факт биографии.

За 20 лет было много всякого. Был я дома у Евгения Васильевича в самые непростые минуты моей жизни, и всегда находил мудрую немногословную поддержку... Особо стоит сказать о посещении квартиры Е. В. Кузнецова. На его день рождения или просто по случаю. Там всегда — сообщество единомышленников, разговоры о нашей истории, о судьбах России, как бы пафосно для кого-то это не прозвучало. Как говорится, «и я там был...», однажды заметив, что эти кухонные посиделки очень похожи на заседание кафедры под руководством Кузнецова.

Что такое Кузнецов как профессиональный историк мне судить, считаю, некорректно. Могу лишь поделиться некоторыми субъективными наблюдениями. Мой бывший заведующий кафедрой Владимир Иванович Белоус называл его «последний энциклопедист России». Думаю, что не без оснований. Ни разу (!) я не видел Евгения Васильевича, читающего лекцию «по бумажке». В одной из своих статей Кузнецов говорит об особом отношении к школе Л. Ранке, привитом еще С. И. Архангельским. Признаюсь, мне не всегда была близка методология фактологического доминирования в создании исторического текста. На основе анализа фактической стороны я пытался понять мотивы поведения исторического персонажа, выйти за рамки нарративных возможностей источника...

У истории много разных дорог, я, в итоге, выбрал свою. Мне теперь думается, что Евгений Васильевич, как и во многом другом, был одним из первых, кто поставил задачу реконструировать психологический облик изучаемого персонажа, отойти от его безэмоционального хронологического историописания. Но все же «его величество

факт» остался главным источником вдохновения профессора Кузнецова. Как я ни старался, но достичь его уровня, в этом смысле, так и не смог. Тем не менее, в лице Евгения Васильевича я обрел пример, которому следует соответствовать, и ориентир, к которому стоит стремиться. Знаю, что многие обижаются на Кузнецова за критические высказывания в адрес их научного творчества. Но, думаю, что дело не в Кузнецове. Кто-то органически не приемлет его манеру общения, его юмор, его принципы и жизненную позицию. Это тоже что-то личное. Как говорится, «у каждого свой Пушкин». А у меня – такой Кузнецов. Мой дорогой Кузнецов. С Днем рождения, Евгений Васильевич!

Научный руководитель – Е. В. Кузнецов

Сорокина Татьяна Борисовна, к.и.н.

Щелокова Наталия Вячеславовна, к.и.н.

Яблонская Ольга Васильевна, к.и.н.

Наше личное общение с Е. В. Кузнецовым началось в 1996 году. К сожалению, нам не посчастливилось быть его учениками на нашем родном историческом факультете Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского на ул. Ульянова, 2. Познакомились мы только на незадолго до этого возрожденном историческом отделении Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара, в который нас пригласили преподавать. Так мы стали аспирантками Евгения Васильевича. Тематика наших штудий была безапелляционно определена нашим руководителем. Это очень близкая и родная тема для Евгения Васильевича – история средневековой Англии. Каждая из нас получила свой «кусочек» данной темы. Н. В. Щелоковой достался в «наследство» Джон Виклиф и его учение, Т. Б. Сорокиной – Север Англии в политической жизни страны XV века. О. В. Яблонской была предложена тема, посвященная социально-политической борьбе «старого» и «нового» патрициата в Лондоне в XIV веке.

Для исследования обозначенной тематики Евгений Васильевич предоставил наиболее важные источники и литературу, но не в бумажном формате, а в виде микроплёнок. Сделать фотографии со всех плёнок было невозможно, так как каждая – это несколько сотен страниц текста, поэтому приходилось работать с материалами посредством специального оборудования для чтения микрофильмов, располагавшегося в маленькой темной комнате в институте. Многие месяцы приходилось сидеть за работой в мрачном и душном кабинете до глубокой ночи, но благодаря этому было сэкономлено время и деньги, которые пришлось бы потратить на частые и долгие поездки в столичные библиотеки. Евгений Васильевич хорошо понимал наши ограниченные финансовые возможности и помогал сократить издержки научной работы, насколько это было возможно.

Евгений Васильевич оказался мудрым и требовательным наставником. С одной стороны, пустив нас в свободное плавание, а с другой стороны, четко направляя в нужное русло. Благодаря таким

совместным усилиям мы успешно защитили диссертации и надеемся, что продолжили развивать родную для него со студенческих лет проблематику. Наша кафедра продолжила «английскую» традицию, издавая сборник статей и проводя научный семинар по истории Англии. В настоящее время тематика несколько расширилась, учитывая разносторонние интересы наших коллег и, конечно же, Евгения Васильевича.

Евгений Васильевич Кузнецов
и сообщество арзамасских историков

Панов Александр Ростиславович, д.и.н.
Третьякова Марина Владимировна, к.и.н.

С 1995 г. Евгений Васильевич Кузнецов перешел на работу в Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара – на кафедру отечественной и всеобщей истории, которая потом разделилась на кафедру всемирной истории и кафедру истории России. В нашем институте он читал различные дисциплины, а также вел методологический семинар. Несмотря на то, что основными для него были курсы Истории средних веков и Истории России древнейшего времени, Евгений Васильевич с такой легкостью встраивался в учебное расписание и тематику научных мероприятий, что, казалось, был способен обеспечить преподавание на высочайшем уровне любой из исторических (да и не только исторических) дисциплин учебного плана.

Каждый его приезд в Арзамас был событием как для студентов, так и для преподавателей. Студентов в эти дни ожидал настоящий мозговой штурм проблем отечественной и всемирной истории, а коллегам, в первую очередь аспирантам, Евгения Васильевича выпадала возможность ловить его идеи и предложения, чтобы к следующему его приезду все это «переварить» и начать реализовывать. Характерно, что данное общение с коллегами и учениками не имело форму каких-либо назидательных бесед и официальных заседаний: чаще всего, Евгений Васильевич делился своими мыслями и планами как бы между делом, в перерывах между парами, за чаем, но всякий раз его слова потом облекались в дела.

Его имя и авторитет придавали вес историческим кафедрам АГ-ПИ, и его вклад в становление исторического факультета трудно переоценить. Он же создал аспирантуру по всемирной истории, и за короткий срок подготовил своих учеников, защиты кандидатских диссертаций которых в первой половине 2000-х гг. происходили ежегодно: Н. В. Щелокова, Т. Б. Сорокина (Меркулова), О. В. Яблонская (Губанова), С. А. Зотов, А. Н. Белохвостов, Р. В. Шиженский.

Арзамасское англоведение – ранее подобное словосочетание могло показаться абсурдным и комичным, подобно тому как два столетия назад Д. Н. Блудов так же воспринял высокие разговоры о ли-

тературе, подслушанные им в арзамасском трактире (это вылилось в сатиру «Видение в какой-то ограде, изданное обществом ученых людей», а название «Арзамас» закрепилось за известным литературным обществом). Тем не менее Евгений Васильевич перенес ростки своей научной школы и на арзамасскую почву, и тематика исследований большинства его учеников как раз таки связана с историей Англии.

Евгений Васильевич стал организатором и руководителем многих проектов, которые были осуществлены кафедрой. В первую очередь это издание коллективной монографии «Англия и Уэльс в период позднего средневековья» (1999 г.). Для скромного провинциального вуза осуществление подобного издания было настоящим прорывом. Конечно, внешне книга выглядела не слишком презентабельно, поскольку возможности полиграфии оставляли желать лучшего. Зато ее мы делали сами: набирали текст, вносили корректуру, выбирали оформление, и для большинства соавторов это был первый опыт подготовки серьезного научного издания. Сам Евгений Васильевич весьма придирчиво относился к тому, как шла работа, и был готов помочь каждому. Затем эта монография с несколько измененным названием – «Англия в позднее средневековье (XIV–XV вв.) и дополнениями» вышла в 2006 и в 2010 гг.

После этой книги по инициативе Евгения Васильевича Кузнецова стали издаваться сборники научных трудов. Свой приход на любую кафедру, где работал, Евгений Васильевич начинал с того, что предлагал коллективу кафедры начать работу над сборником научных трудов. В нашем случае это стал сборник «Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время». Первый выпуск вышел в 2002 году, и на сегодняшний день их набралось 14: в этом году выйдет 15 выпуск, который в какой-то степени станет юбилейным.

Сначала это были просто выпуски сборников научных статей, а затем возникла идея проведения научного семинара, одноименного с названием сборников статей. Инициатива проведения научного семинара тоже исходила от Евгения Васильевича Кузнецова. Первоначально это был научный семинар, объединявший представителей различных вузов нашей страны, многие из которых были связаны дружескими узами с Евгением Васильевичем. Первый семинар прошел в апреле 2004 года, и затем время их проведения менялось, однако в конце концов семинары было решено организовывать в октябре, при-

урочивая к дню рождения Евгения Васильевича Кузнецова. В этом году 14–15 октября пройдет XIII всероссийская научная конференция «Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время». Традиционно направления секций этого научного мероприятия отражают научные интересы Евгения Васильевича Кузнецова, и центральной неизменно остается секция истории Англии в средние века.

Евгений Васильевич остается вдохновителем этих научных встреч, и несмотря ни на что принимает в них посильное участие: его приветственные слова (правда, в последние годы произносимые по громкой связи) участникам конференций являются обязательной частью программы. По числу статей в сборниках «Политическая жизнь Западной Европы» Евгений Васильевич прочно удерживает первое место, и в каждом новом выпуске продолжает публиковаться.

Еще одна традиция нашей кафедры – собирать фотографии/акварели/пастели европейских городов – в какой-то степени тоже связана с именем Евгения Васильевича Кузнецова. Первая пастель – вид Парижа – была нам подарена Евгением Васильевичем, причем для него это тоже был подарок (в свое время, еще в 1979 г., ее купил в Париже Николай Филиппович Филатов и передал Евгению Васильевичу, о чем свидетельствует дарственная надпись на обороте). Таким же путем к нам попал плакат с изображением Афинского акрополя, который Евгений Васильевич Кузнецов привез из Греции. Кстати, Евгений Васильевич Кузнецов любил делать подарки кафедре: это и книги, и микрофильмы и многое другое.

Переходя к пожеланиям, приведем одну забавную историю, рассказанную некогда самим Евгением Васильевичем: когда римский папа Лев XIII (старейший из пап, который являлся главой католической церкви в возрасте 93 года) услышал пожелание дожить до ста лет, то он ответил «Не будем ставить пределов милосердию Божию!». Доброго вам здоровья, Евгений Васильевич, и пусть милосердие Божье в отношении вашего творческого и человеческого долголетия не будет иметь пределов!

Участники IV научного семинара «Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время» (Арзамас, 27 марта 2009 г.).

Нижний ряд: д.и.н., профессор В. С. Павлов, к.и.н., доцент Р. В. Кауркин, д.и.н., профессор Е. В. Кузнецов, к.и.н., доцент М. В. Третьякова.

К 90-летию Евгения Васильевича Кузнецова.

Воспоминания

Струкова Марина Игоревна, к.и.н.

Только к 60-ти годам приходит понимание того, что студенческие годы – это лучший период в твоей жизни. Для меня он начался в 1972 году, когда я, пройдя достаточно сложные экзамены, поступила на историко-филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского («Лобач», как говорит современная молодёжь).

На торжественном собрании абитуриентов, зачисленных на ист-фил, я впервые увидела декана факультета профессора Е. В. Кузнецова, который лично вручал студенческие билеты новоиспеченным студентам. Это был подвижный человек среднего роста, с высоким лбом (я еще тогда подумала – «как у Ленина»), с очень пристальным, почти пронзительным взглядом глубоко посаженных глаз, который он бросал на каждого, получавшего из его рук студенческий билет (в то время я еще не догадывалась, что это был, в том числе, результат принципиального не ношения очков при сильной близорукости).

Уже с первых дней пребывания на факультете ощущалась особая аура этого места, студенты были единым сообществом, независимо от того, на каком отделении они учились – историческом, филологическом или лингвистическом, коллектив преподавателей тоже производил впечатление единого целого, при этом меня всегда удивляло, как уживались прагматичные земные историки и витающие в эмпиреях, романтические филологи. Понятно, что конфликты были, как в любом научно-педагогическом сообществе, но тем не менее, когда произошло разделение факультета, филологические дамы переживали и грустили о том, как им было хорошо работать с мужчинами-историками, которые, как правило, занимали административные должности в деканате.

И вот Евгений Васильевич «рулил» всей этой пестрой компанией преподавателей с их позициями и амбициями, сонмом студентов – дневников, вечерников, заочников (потoki последних доходили в некоторые годы до 120 человек), строил отношения с руководством университета, которое было представлено, по меткому выражению нашего профессора философии Василия Ивановича Мишина, «меха-

никами», и довольно скептически относилось к гуманитариям, особенно к историкам. При этом Евгений Васильевич еще читал интересные лекции и занимался наукой. Он потрясающий эрудит, владеющий древними языками и великолепно ориентирующийся в мировой истории.

Однако моё более близкое знакомство с Евгением Васильевичем произошло сначала не на поприще учебно-научной деятельности, а в общественной (культурно-массовой) работе. Истфил как сообщество гуманитариев всегда отличался творческим началом. Здесь со времён «оттепели» существовала традиция СТЭМа, авторской поэзии, бардовской песни. В 1970-е годы, по моему мнению, развитие самодеятельности на факультете достигло высочайшего уровня. И я совершенно определённо могу сказать, что в этом главная заслуга Евгения Васильевича Кузнецова, который был убеждён в необходимости развития творческих начал у студентов и всесторонне поддерживал все их эксперименты в этой области. Это был в то время и престиж факультета, так как практически во всех вузах города существовали творческие коллективы, проводились внутри вузовские, межвузовские, городские смотры самодеятельности. Евгений Васильевич неоднократно заявлял, и я была тому свидетельницей, что науку мы (профессура) сделаем, но воспитать творчески и эстетически ориентированных людей не менее важно, чем просто ученых и педагогов. Наверное, это объяснялось тем, что он принадлежал к поколению наших родителей, которое, независимо от социального статуса, воспитывалось на лучших образцах живого музыкального и драматического театра, все ходили в Оперный и Драму, посещали концерты в замечательном старом зале филармонии, в зале нашей консерватории, в нашем городе гастролировали лучшие артисты и музыканты-исполнители СССР.

С конца 1960-х годов началось массовое увлечение рок-музыкой, причём как сейчас выяснилось, лучшими её образцами. В начале 1970-х годов под эгидой горкома комсомола в Горьком проводились музыкальные рок-фестивали всесоюзного масштаба «Серебряные струны», в которых принимали участие отечественные музыканты, ставшие основателями этого жанра в нашей стране, например, А. Градский. Поэтому не удивительно, что студенческая молодёжь начала активно создавать ВИА. И если в вузах города, в том числе в университете, на факультетах, и то не на всех, было по одному ан-

самблю, то на нашем одном истфиле их было целых два. Волею судеб я оказалась в самой гуще этой деятельности, так как закончила музыкальную школу, пела и играла на фортепиано. Поступив в университет, я начала с академического хора, а закончила ВИА, поэтому про нашу самодеятельность и её поддержку со стороны декана знаю не понаслышке.

Сейчас вспоминаю, что на наши истфиловские отчётные концерты невозможно было попасть, билеты распространял студенческий профком. Это были открытки, разрезанные на треугольники с деканатской печатью, которые проверялись на входе в университетский зал. Думаю, что количеству и разнообразию жанров, представленных на наших смотрах в те годы, позавидовал бы любой директор филармонии (у нас к тому же в 70-е обучались ребята из республик Средней Азии, большинство из Таджикистана и Туркмении, они тоже были вовлечены в творческий процесс: восточные танцы, пение, инструментальная музыка). И это была заслуга декана. Евгений Васильевич был настолько увлечён и заинтересован этой работой, что всячески поддерживал участников самодеятельности. В том числе, если из-за репетиций или сроков проведения смотров и фестивалей возникали накладывы с учебным процессом, он официально разрешал переносить экзамены, не присутствовать на занятиях, хлопотал об общежитии для иногородних. Это не означало каких-либо поблажек в учебе, но, если это было нужно для престижа факультета, он всегда, насколько это было возможно, шёл навстречу. Он всех участников знал в лицо и по именам, «завлекал» на факультет людей творческих. К примеру, Наташу Калинину, нашу заочницу, профессиональную балерину, ей даже нашёлся на факультете партнёр, с классическим хореографическим образованием, поэтому Па-де-де из Корсара было нашей фишкой; или Наташа Кузнецова, обладательница чудного меццо-сопрано, наша Кармен, которая пела «Сегидилью» даже в Кремлёвском дворце съездов; Таня Зыблева, которая выступала с художественным чтением, впоследствии стала ведущей артисткой нашей областной филармонии; Рафаил Губайдуллин, выдающийся рок-гитарист, признанный на «Серебряных струнах» лучшим исполнителем Союза, а тот факт, что об этом было упомянуто в программе БиБиСи, придавало ему особую популярность. Наш декан изыскивал средства для приглашения на факультет профессиональных режиссеров из горьковских театров для содействия в постановках СТЭМа. Иногда помогал из соб-

ственных средств, если нужно было перевезти аппаратуру в университетский актовый зал. Для размещения и репетиций ВИА был выделен подвал, благо факультет располагался в старинном доме и подвальные помещения там довольно обширные.

Евгений Васильевич присутствовал на всех наших концертах, искренне радовался нашим успехам, и это было очень приятно, мы ощущали свою ответственность и старались не ударить лицом в грязь.

Поэтому, когда говорят о 1970-х годах, как о годах «застоя», хочется возразить, что это было не так, во всяком случае не совсем и не во всём так. Что касается культуры, особенно самодеятельного творчества в молодёжной среде, то здесь наблюдался удивительный подъём, основанный на синтезе традиций старшего поколения с новыми веяниями, который дал импульс для дальнейшего развития, породил новых творческих личностей и, главное, был заряжен оптимизмом. И я теперь понимаю, что это стало возможным в те годы, в том числе, благодаря таким людям как Евгений Васильевич Кузнецов, наш замечательный равнодушный декан.

Профессор Е. В. Кузнецов в моей жизни

Титков Евгений Павлович, д.и.н.

*«Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колена»*

В свое время, прочитав вышеприведенные строки, я всем сердцем принял их глубокий и искренний смысл преклонения перед наставником и учителем великого русского писателя Николая Алексеевича Некрасова. К тому времени в моей жизни уже оставили след несколько замечательных школьных учителей, с которых я готов был брать пример и которым был искренне признателен за то, что они вложили в мою душу и в мое сознание за период обучения в сельской глубинке. Некоторые из этих учителей до сих пор здравствуют, и мы находимся в редком, но столь радостном и ценном для души общении.

В студенческие, а потом и в аспирантские годы появились новые учителя, солидные ученые, замечательные наставники, русские профессора – Андрей Васильевич Седов, Эрнст Михайлович Щагин и, особую роль сыгравший в моей жизни, Евгений Васильевич Кузнецов.

В мою судьбу Евгений Васильевич вошел неожиданно, но прочно и навсегда, свыше 50 лет назад. В 1970 году, будучи студентом второго курса, я был избран председателем студенческого совета общежития № 2 по ул. Ульянова, где проживали студенты исторического и филологического отделений истфила. В общежитии сложилась непростая обстановка, связанная с поведением некоторых студенток-филологов, и для разрядки ситуации я пригласил на общее собрание студентов общежития нашего декана Е. В. Кузнецова. Он на собрание пришел, и в течение почти трех часов мы разбирали ситуации и искали пути выхода из сложностей молодежных взаимоотношений. Евгений Васильевич был удовлетворен итогами собрания и отметил мою роль председательствующего на нем, хотя я был всего лишь студентом второго курса. Правда, у меня за плечами был двухлетний опыт проживания в общежитии школы-интерната при обучении в 9–10 классах. По роду общественной деятельности мне приходилось довольно часто общаться с деканом факультета, и он вникал во многие

проблемы студенческой жизни, хорошо знал комсомольский и профсоюзный актив, доверял нам самостоятельно организовывать многие мероприятия и акции, опирался на активных молодых людей.

На третьем году обучения меня избрали комсоргом курса и пришлось оставить общественную работу в студсовете. Евгений Васильевич лично пришел на заседание студенческого совета общежития и принял участие в обсуждении моего отчетного доклада, а по избрании нового лидера предложил присвоить мне звание почетного председателя студсовета. Мне была, конечно, приятна позитивная оценка моей деятельности, это вдохновляло на усердие в комсомольской работе.

В 1973 году в моей жизни произошел существенный перелом. После двух лет дружбы мы решили с моей любимой девушкой, Валентиной Носковой, к тому времени студенткой 5 курса, жениться и создать семью. Она тоже проживала в общежитии, и обозначилась проблема: как мы будем дальше жить. После раздумий я решил пойти к декану факультета и попросить выделить нам небольшую комнату на несколько месяцев, пока жена не закончит свою учебу. Шансов было очень мало: таких случаев в нашем общежитии еще не было. Я пришел к Евгению Васильевичу, объяснил ситуацию и сформулировал свою просьбу. Декан внимательно меня выслушал, одобрил наше решение о женитьбе и тут же позвонил коменданту общежития № 2, разрешив нам проживать в отдельной комнате в течение полугода. Можно представить нашу радость от такой щедрости декана. Для начала семейной жизни маленькая комната на двоих была в высшей степени важна и сыграла главную роль в построении нормальных отношений между мужем и женой.

Через пять месяцев моя жена уехала по распределению на работу в Арзамасский район, а я еще целый год завершал учебу и готовился к трудоустройству.

Весной 1974 года государственная комиссия в кабинете нашего декана каждому выпускнику предлагала вакантное место будущей работы. В рейтинге выпускников исторического отделения я числился вторым, и передо мной открывалась широкая возможность выбора места работы. Председатель комиссии Е. В. Кузнецов сразу же сообщил, что меня готовы взять в свой состав в качестве ассистента три кафедры университета: кафедра истории СССР досоветского периода, кафедра политэкономии и кафедра истории КПСС. На кафедре исто-

рии СССР уже состоялось обсуждение моей кандидатуры, и профессор А. И. Парусов сообщил декану, что меня будет курировать мой научный руководитель, доцент А. В. Седов. Однако я заявил, что хотел бы получить распределение в г. Арзамас на должность заведующего историческим музеем. Мое пожелание было зафиксировано в протоколе, а после окончания работы комиссии Евгений Васильевич вызвал меня к себе и назвал «дураком» за отказ остаться на работе в родном университете. Я объяснил, что у нас уже появился ребенок, и я не могу его оставить, ибо в городе Горьком мне жить негде. Декан вошел в мое положение и на окончательном распределении дал «добро» на мое трудоустройство в Арзамасе. Но при этом добавил, что койка в аспирантском общежитии мне будет обеспечена, аспирантура по кафедре так же, если я изменю свое решение и стану ассистентом кафедры истории СССР.

Свою трудовую деятельность я начал в Арзамасском пединституте, через два года должен был поступать в аспирантуру Московского госпединститута им. В. И. Ленина, но неожиданно был призван из запаса на военную службу в Вооруженные силы и два года служил офицером в инженерно-саперных войсках Московского военного округа.

После окончания военной службы оказался в городе Горьком и начал работать старшим лаборантом кафедры истории СССР Горьковского пединститута. В 1981 году поступил в аспирантуру Московского пединститута им. В. И. Ленина по кафедре истории СССР советского периода, защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора Э. М. Щагина и вернулся в горьковский пединститут уже «дипломированным» специалистом.

Евгений Васильевич Кузнецов тогда уже работал заведующим кафедрой истории СССР ГГПИ и принял меня на кафедру старшим преподавателем. Меня сразу же назначили заместителем декана историко-филологического факультета, и в течение двух учебных семестров я не вылезал из деканата: составляя пять расписаний учебных занятий, организуя учебный процесс на историческом, филологическом и национальном отделениях нашего большого факультета. В изучении учебных планов, особенностей распределения учебной нагрузки среди преподавателей мне помогал заведующий кафедрой Е. В. Кузнецов. Он владел богатейшим опытом организации учебного процесса и щедро делился этим опытом со мною, часто подсказывал, как

строить взаимоотношения с преподавателями разных дисциплин, гасить склоки на кафедрах, контролировать воспитательный процесс на разных отделениях

В начале 1986 года я поделился с Евгением Васильевичем своей идеей о разделе историко-филологического факультета на два самостоятельных и создания полноценного истфака. Он идею поддержал. и мы уже вдвоем поставили эту проблему перед ректоратом. Наш план получил поддержку ректора и парткома, но вставал вопрос: кто возглавит вновь формирующийся исторический факультет. У меня на этот счет были свои соображения, и я надеялся поделиться ими с ректором института И. Е. Куровым. В тот момент мой московский научный руководитель Эрнст Михайлович Щагин готовил для меня место в своей докторантуре, и я надеялся на пару лет вернуться в Москву для подготовки докторской диссертации.

Но в один из дней меня срочно вызвали к ректору. В его кабинете восседали важные и серьезные люди: проректор по учебной работе, секретарь парткома, председатель профсоюзного комитета. Ректор И. Е. Куров, не отвлекаясь на мелочи, сразу заявил, что у руководства института есть мнение, что деканом исторического факультета должен стать ныне действующий замдекана истфила, то есть я. Мои попытки отказаться от этого предложения оказались напрасными. Единственное, что мне удалось отстоять: дать мне три дня для принятия решения. Мне было дано лишь два дня. В тот же день я советовался с женой, и она сказала, что, поскольку работать придется мне, постольку мне и принимать окончательное решение. Зав. кафедрой Е. В. Кузнецов оказался в командировке. И я направился к моему наставнику, А. В. Седову.

Андрей Васильевич меня внимательно выслушал, но моего главного аргумента «против» о недостатке опыта не принял. Он сказал приблизительно так: «Знаешь, Женя, большое счастье работать под руководством порядочного и честного человека. А что касается недостатка опыта – у тебя есть замечательный наставник в этом деле – Евгений Васильевич Кузнецов. Он поможет тебе во всех непростых делах деканского управления, он в этом деле асс высшего уровня. А что касается трудностей, то надо и пострадать ради многих хороших людей. А докторскую диссертацию можно потихоньку писать и будучи деканом, как это сделал в свое время Евгений Васильевич Кузнецов».

Лишь через много лет я узнал, что за всей этой «операцией» стоял Евгений Васильевич Кузнецов. Когда решался вопрос о декане исторического факультета, он заручился поддержкой партийного бюро факультета и вместе с парторгом пришел к ректору. У И. Е. Курова были свои соображения о том, кто должен стать деканом нового факультета. Но эту кандидатуру ходоки-историки решительно отвергли. Беседа была продолжительной и закончилась фактически ультиматумом: кандидатура ректора будет отвергнута Ученым Советом факультета, если это будет не та, что они предлагают. Игорь Евгеньевич Куров после совещаний со своими помощниками был вынужден, условно говоря, капитулировать. Так я стал деканом исторического факультета Горьковского пединститута и работал таковым в течение пяти лет.

Уже через год новый истфак стал победителем в соревновании в институте. В те годы соревнованию придавали большое значение, и все факультеты были вовлечены в этот процесс. Передовиками мы были и в последующие годы. Секрет наших успехов заключался в том, что у нас на факультете сложилось ядро преподавателей и вспомогательного учебного персонала, которое умело трудиться, работать со студентами, заниматься наукой. Без преувеличения могу отметить, что душой нашего творческого коллектива был профессор Е. В. Кузнецов. Высокий научный уровень, большой опыт, умение организовывать творческую обстановку, уважение к личности преподавателя и студента были для нас, его коллег и соратников, высоким примером отношения к своей работе. Мы часто собирались в неформальной обстановке, что еще более сближало людей и давало стимулы для упорного и честного труда.

В конце 1991 года в силу ряда обстоятельств я переехал на жительство и работу в г. Арзамас и стал проректором по учебной работе Арзамасского пединститута. Отношение к «варягу» было на первых порах настороженное. Некоторые деканы пытались косвенно выяснить мои компетенции в учебных планах, документах, в организационных вопросах. Однако опыт моей деканской работы в горьковском пединституте был достаточным, чтобы успешно преодолевать трудности на новом участке работы. Школа профессора Кузнецова в деле управления, в изучении рабочих документов, особенно учебных планов и программ, была для меня спасительной и базовой в учебной работе в Арзамасском пединституте. Так, например, при открытии но-

вых специальностей в нашем институте в Министерство просвещения необходимо было представлять пакет документов, обосновывающих возможность и необходимость подготовки учителей нового профиля. Я лично представлял эти документы в Минпросе, и специалисты Главка были вполне удовлетворены моими разъяснениями по всем вопросам, особенно по учебным планам и кадровом обеспечении. И это все было результатом освоения опыта моего наставника в учебном деле, Е. В. Кузнецова.

В один из дней середины 1990-х годов мне позвонил Евгений Васильевич и заметно подавленным голосом сообщил, что он стал безработным. Не вдаваясь в подробности, он сообщил, что подал заявление «по собственному желанию» и оно было тут же подписано. Я был поражен этим фактом, но через несколько секунд предложил ему работу у нас в институте профессором кафедры отечественной и всеобщей истории. Он согласился, не раздумывая. Но я был в тот момент лишь проректором по учебной работе. И принимать кадровых решений права не имел. Ректор Герман Васильевич Борисов, сам историк, очень хороший человек и руководитель, мои рекомендации и аргументы принял, и уже через несколько дней мы с Евгением Васильевичем оформили его документы в отделе кадров нашего института.

Историческое отделение АГПИ получило выдающегося ученого и блестящего педагога. У нас тогда не было ни одного доктора наук на этом отделении. Среди преподавателей были достаточно опытные доценты-историки, в основном, выпускники университета и представители разных исторических школ. Теперь все эти школы обрели глубокого, разностороннего аналитика, совмещавшего в своем научном творчестве знание всемирной и отечественной истории. С этого момента начало активно формироваться уникальное направление в изучении всеобщей истории – История средневековой Англии. Среди преподавателей факультета были те, кто уже прошел обучение у Е. В. Кузнецова как аспиранты. Другим молодым специалистам он дал возможность готовить диссертационные исследования под своим руководством. Многие годы в нашем институте почти ежегодно публиковались сборники научных трудов по истории Англии, научное редактирование которых осуществлял профессор Е. В. Кузнецов. В то время почти заглохли на обширных просторах России научные сообщества, занимавшиеся изучением средневековой истории. Не подавала признаков жизни и медиевистика в Российской академии наук. И

лишь в Арзамасе благодаря усилиям и творческим устремлениям Евгения Васильевича стабильно публиковались труды молодых и не совсем молодых исследователей указанного выше направления. Периодически проводились и научные конференции в Арзамасе, расходы на организацию которых брал на себя институт. В первом десятилетии 2000-х годов Российская академия Естественных наук официально признает научную школу профессора Е. В. Кузнецова. Это решение РАЕН послужит одним из аргументов для присвоения Евгению Васильевичу высокого звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

В 1995 году издательство Арзамасского пединститута опубликовало монографию Е. В. Кузнецова «Этногенез восточных славян». Это был итог длительного творческого поиска автора, начатого еще в 1987 году, когда он открыл для себя уникальные богатства такого источника, как «Датская история» Сакса Грамматика, с помощью которого была, наконец, найдена дорога к синтезу исторического и географического в этнографической истории наших далеких предков. Книга эта была новаторской в то время, а автор продолжал работать над этой темой, и в 2001 году наш институт опубликовал эту монографию уже в переработанном и дополненном варианте. Мне выпала тогда честь готовить эту книгу в качестве ответственного редактора и посвятить ее 70-летию со дня рождения профессора Е. В. Кузнецова.

Через 10 лет мы выполнили еще одно заветное желание Евгения Васильевича – издали его монографию «Движение лоллардов в Англии (конец XIV – XV вв.)». Это переработанный текст его докторской диссертации, которая в течение многих лет входила в утвержденный список литературы, рекомендованной для студентов и аспирантов исторических факультетов вузов Советского Союза. Эта книга относится, несомненно, к памятникам российской историографии второй половины XX века. Она актуальна в наше время и будет таковой в будущем.

Появление профессора Е. В. Кузнецова в составе преподавателей Арзамасского пединститута существенно ускорило и оживило творческую научную деятельность большинства молодых и многих опытных ученых. Значительно был повышен научный уровень публикаций, одна за другой организовывались и успешно проводились научные конференции, которые, как правило, завершались изданием солидных сборников.

Молодые кандидаты наук потянулись в докторантуру, начались защиты докторских диссертаций. Некоторые преподаватели, не сумевшие по разным причинам своевременно защитить свои диссертации, получив творческие отпуска, успешно выходили на защиту своих трудов в различных диссертационных советах.

Я был избран ректором АГПИ в 1996 году, являясь кандидатом исторических наук и доцентом по кафедре Отечественной истории. Устремленность многих преподавателей к научным исследованиям, к творческим поискам, успехи коллектива в подготовке учителей для Нижегородской области радовали меня как руководителя коллектива. Но я почувствовал, что сам я начинаю отставать от многих своих коллег и подчиненных в научном плане. А ведь требуя от других научных достижений, надо и самому показывать пример в этом деле. Однако административно-управленческая деятельность существенно ограничивала мои возможности в научных исследованиях. Кроме того, я зашел в своеобразный тупик в выборе темы своих постоянных научных интересов. Продолжение того, чем я занимался в московской аспирантуре, стало к тому времени малоперспективным и нецелесообразным. Советоваться со своими московскими друзьями я посчитал неуместным, так как приблизительно представлял, что они могут мне предложить. Своими сомнениями, размышлениями и устремлениями я поделился с Евгением Васильевичем при одной из наших неформальных встреч. Видимо, он ожидал от меня откровений, сам размышлял в этом направлении и почти сразу сказал, что в отечественной истории есть проблема, которая очень слабо изучена нашей исторической наукой. Речь идет о политике Екатерины Великой в сфере образования. Важно и то, подчеркнул Евгений Васильевич, что источники по этой проблеме опубликованы, не придется ехать в столицу и сидеть в архивах. «С моей стороны, – подчеркнул он, – помощь будет обеспечена».

Так я начал изучать государственную политику России в сфере образования во второй половине XVIII века, образовательную реформу Екатерины Великой. Евгений Васильевич был для меня не просто научным консультантом. Он предоставил в мое распоряжение многие источники по этой эпохе, строго следил за выстраиванием концепции моего исследования. Более того, некоторые разделы докторской диссертации были написаны нами как бы совместно, а некоторые просто его рукой. В целом за два года упорного совместного

труда докторская диссертация была написана, обеспечена публикациями и представлена к защите в Совет по защите докторских диссертаций при Нижегородском госуниверситете. Защита состоялась в июне 1999 года, была успешной и при рассмотрении в ВАК не вызвала никаких замечаний. Так я стал доктором исторических наук, а через определенное время и профессором по кафедре Отечественной истории. Без активной и решающей помощи своего наставника и Учителя я вряд ли стал бы доктором и профессором, не изменив кардинально характер своей административно-управленческой работы. Я не оставил пост ректора, не взял творческий отпуск, но сумел сконцентрировать свои усилия на научной деятельности и благодаря Евгению Васильевичу показать пример своим коллегам в творческой деятельности.

Профессор Е. В. Кузнецов оказывал всемерную поддержку своим молодым коллегам-историкам, особенно тем, кто занимался средневековой историей Англии. Он корректировал концептуальные подходы в изучении разных этапов отечественной истории. Проявлялось это не всегда напрямую, а через озвучивание своей точки зрения на научных конференциях, в статьях и монографиях, в публичных лекциях. И в этом плане можно лишь выразить искреннее сочувствие историкам Нижнего Новгорода, лишившимся такого уникального и разностороннего специалиста, каковым является профессор Е. В. Кузнецов. Хотя в определенной степени его влияние на ученых областного центра сохранилось, ибо Евгений Васильевич оставался постоянным членом диссертационного совета Нижегородского госуниверситета, являлся действующим профессором его юрфака. Однако Арзамасский пединститут зарекомендовал себя авторитетным центром в подготовке специалистов гуманитарного профиля, прежде всего, школьных учителей истории. И лишь немногие понимали, какую большую роль в этом деле играл профессор Кузнецов.

В своей организационно-управленческой работе я старался широко использовать практику, применявшуюся деканом исторического факультета Горьковского госуниверситета Е. В. Кузнецовым в начале 1970-х годов. В те годы Евгений Васильевич широко практиковал приглашение ведущих ученых-историков из крупных научных центров для чтения лекций студентам-историкам. Тогда мне как студенту посчастливилось слушать лекции ученых МГУ, профессоров П. А. Зайончковского, В. М. Селунской, В. Т. Илларионова, С. А. Микояна

и других. Вели спецкурсы у нас и опытные преподаватели некоторых вузов г. Горького. Как ректор АГПИ, я поручил деканам всех наших факультетов приглашать на отдельные спецкурсы и лекции «продвинутых» ученых из других городов. И у нас появились высококвалифицированные специалисты из вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Кирова, Саранска, Волгограда, Нижнего Новгорода. Мы создали для них достаточно комфортные условия проживания в гостиничном блоке студенческого общежития, оплачивали их транспортные расходы, питание и проживание, расчет производили сразу после завершения последнего занятия. Наши студенты с удовольствием посещали эти занятия, общались с приезжими преподавателями, проявляли интерес к тематике их научных исследований. Все это существенно стимулировало приезд к нам на временную работу ведущих ученых многих вузов России. С удовольствием они приезжали к нам на научные конференции, повышая, таким образом, их престиж и научный уровень.

Я смиренно преклоняю колена перед именем своего Учителя и Наставника Евгения Васильевича Кузнецова, сыгравшего исключительно важную роль в моей судьбе, в моей трудовой и творческой жизни. Многая Вам лета, дорогой Евгений Васильевич!

Дорогой учитель

Шиженский Роман Витальевич, к.и.н.

Моё первое знакомство с Евгением Васильевичем произошло в 1997 году в ходе читаемого профессором лекционного курса, посвящённого важнейшим проблемным полям истории древней и средневековой Руси. Как правило, под лекции Евгения Васильевича деканат освобождал целый день, и вся наша разношерстная братия, представляющая собой сельских целевиков, местную – арзамасскую – интеллигенцию и так называемых «понаехов» (к коим я и относился), с разной долей формирующейся исторической ответственности, пыталась приобщиться к загадочному миру отечественной истории.

До сих пор помню первое впечатление от стартовой лекции профессора: в аудиторию зашёл пожилой низенький человек в костюме, на лацкане пиджака знак «Заслуженный работник высшей школы», с бородкой типа «эспаньолка» и характерным «режущим» взглядом с прищуром. Дождавшись звонка, Евгений Васильевич медленно и очень подробно начал погружать шумную аудиторию первокурсников в историю антов и склавинов, по памяти цитируя античных историков и, что особенно поразило и меня и товарищей по курсу, рисуя на доске границы расселения племенных союзов, пути миграции этносов и схемы баталий древности. Перемещаясь между кафедрой, преподавательским столом и непосредственно аудиторией, Е. В. Кузнецов буквально за несколько минут исключительно искусством подачи материала заставил зал сконцентрироваться и позволил нам выйти из «древнеславянского гипноза» только к концу читаемой темы. Не могу говорить за всех, но я больше чем уверен, что большинство из историков-первокурсников не было готово к восприятию истории «по-кузнецовски» – нам элементарно не хватало образования, полученного на предыдущей ступени обучения и самообразования. Евгений Васильевич заставлял работать серое вещество по-иному. Не торопясь, через череду фактов и событий подводя неопита к собственному историческому открытию. Подчеркну, основу лекций Е. В. Кузнецова всегда составлял первичный («автохтонный») источниковый материал, по крупницам, авторски разобранный и интерпретированный профессором.

Спустя десятилетия не перестаю удивляться и самой методике работы Евгения Васильевича – наследника и хранителя императорской и советской исторической школы – с молодым поколением новой непонятной России. Каждая лекция несла определённое небольшое, но наиболее значимое количество исторических персоналий и хронологических единиц, которые мы должны были запомнить. Разбивая читаемый материал на смысловые блоки, профессор начинал каждый из них, повторяя ключевые моменты из предыдущего, таким образом ещё во время лекционной встречи закрепляя азы конкретной темы в наших неусердных головах. Ещё одной особенностью подачи материала, выгодно отличающей Е. В. Кузнецова от большинства наших преподавателей, следует признать упор именно на тему – на её полноту, логическое начало, ход и завершение, а не на временные рамки лекции по расписанию. И самое главное, что я унаследовал от методики Евгения Васильевича, пытался и пытаюсь применить в своей практике – мотивировать студента самого начать проводить историческое расследование, полюбить в полученном на лекции материале «недосказанность», с удовольствием потратить так называемое личное время на реальный и не вынужденный, а добровольный, «желанный» анализ источника.

Хотелось бы в двух строках остановиться на атмосфере, царившей в АГПИ эпохи Кузнецова. Историко-филологический, а затем исторический факультет Арзамасского педагогического института конца 1990-х представлял собой своеобразный интеллектуальный скрипторий. Ломоносовы провинций, лишённые московских и питерских благ (я имею в виду шаговую доступность к архивным и библиотечным фондам), радовались любой возможности посещения исторических учреждений. В отсутствии «благого» интернета каждый новый источник, появившийся в поле зрения молодых историков, становился «Откровением». Мы по-настоящему искали тексты, пытались найти малоизвестные источники, детально анализировали последние с целью обнаружить пропущенные истины. Да, большинство наших «открытий» в области древней истории уже состоялись (причем в XIX веке), но Е. В. Кузнецов, делая упор на источник, заставил нас поверить в сказку, в собственное прочтение славянских древностей!!! Помню, в поисках «неизведанного» наткнулся на дореволюционное издание «Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских». Книга была в характерной «каменной» обложке и – о чудо!

– с не расклеенными страницами! Представляете состояние первого читателя...

Моё первое «личное» знакомство с Евгением Васильевичем, как и у всех нас, первокурсников, произошло в конце семестра, во время экзаменационной сессии. Сама процедура «экзамена по кузнецовски» кардинально отличалась от стандартных и скучных «экзекуций». Проверку знаний скорее можно было охарактеризовать как доверительную беседу, в ряде случаев с вольным выбором экзаменационного билета. Вместе с тем «дух» испытания сохранялся благодаря анализу усвоенного студентами материала через серию наводящих и дополнительных вопросов от профессора как по теме билета, так и по смежному проблемному полю. В определённой мере судьбоносным можно считать доставшийся мне билет, один из двух вопросов которого был посвящён языческим представлениям древних славян. Выслушав мой ответ, Евгений Васильевич на полном серьёзе отметил, что я допустил одну значительную ошибку: на голове у бога Радогоста помещался не петух, а утка. Естественно, тогда я не придавал значимости данному элементу историко-мифологической орнитологии и только спустя два года, во время работы над дипломным проектом, я осознал важность отмеченной учителем детализации.

После успешной сдачи второй сессии встал закономерный вопрос о разделении студентов по кафедрам и, соответственно, по научным руководителям. В тот период и вплоть до защиты кандидатской диссертации я увлекался мифологией и особенно славянской и скандинавской традициями. Выбрав тему, посвящённую мифологическим представлениям скандинавов эпохи викингов, я попал на кафедру всемирной истории. Моим научным руководителем стала заведующая кафедрой Марина Владимировна Третьякова. В один из осенних субботних дней я встретил Владимира Александровича Сомова – преподавателя кафедры истории России, с которым мы были знакомы с 1996 года, когда он и ряд других преподавателей Арзамасского педагогического института приезжали в мой родной город Саров в рамках чтения подготовительных курсов для абитуриентов. После моего приезда в институт Владимир Александрович взял надо мной шефство, выступал наставником – старшим другом. Встретившись на факультете, Владимир Александрович отвёл меня в сторону и произнёс: «Я сегодня познакомлю тебя с таким ЧЕЛОВЕКОМ!!!». Вечером мы оказались в студенческом общежитии и попали внутрь

так называемого «изолятора»: комнаты-квартиры, как говорится со всеми удобствами, предназначенной для избранных приезжих гостей вуза. Каково было моё удивление, когда я увидел Евгения Васильевича! После традиционных приветствий, общих разговоров профессор поинтересовался темой моего будущего диплома, подарил свою монографию «Славяне и русы: очерки по истории этногенеза (IV–IX вв.)» и предложил после знакомства с текстом обратить особое внимание на очерк «Битва при Бравалле и этническая карта Северной Европы». С этого момента началось моё постоянное общение с Е. В. Кузнецовым. Детально изучив заданную главу и погрузившись в мир «Эдд», «Хеймскринглы», исландских саг, историографию вопроса, я «вылавливал» Евгения Васильевича в перерывах между парами, регулярно посещал «изолятор» и, надеюсь, заслужил внимание дорогого профессора. Я позволяю себе так думать исходя из реакции Е. В. Кузнецова на мои краткие сообщения и порой сомнительные гипотетические предложения по теме. В ряду многих талантов Учителя особое место занимает дар слушать и стремление всячески поддержать мысль собеседника. При этом сам Евгений Васильевич практически физически меняется: загорается взгляд, появляется неимоверная концентрация на деталях рассказа, Кузнецов сыпет возможными вариантами развития сюжета и поддержки, казалось бы, изначально сказочной гипотезы. Но, дорогой читатель, если я не ошибаюсь, именно благодаря пассионарству самородков-бахарей, медленно, преодолевая сопротивление кабинетных учёных и исследователей из лагеря «всё изучено», совершавших точечные открытия, и складывалась (и, надеюсь, ещё сложится) наука. Моей первой двойной победой стали одобрение профессором статьи «Антропонимика героев Бравалльской битвы», подготовленной к публикации, и официальное подтверждение двойного руководства моим дипломом.

После защиты дипломной работы во многом благодаря помощи Евгения Васильевича я поступил в очную аспирантуру и под его руководством в 2005 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Скандинавские мифы как культурный феномен в развитии стран Северной Европы». Через несколько дней после данного события я приехал в Нижний Новгород из Сарова, где набирался сил после защиты (основным местом работы в данный момент был исторический факультет АГПИ, где я работал в штате с 2002 года, пройдя две должностные ступени: ассистент и преподаватель). По уже сложив-

шейся во время работы над текстом диссертации традиции Е. В. Кузнецов пригласил меня к себе домой. Лирическое отступление: до сих пор перед глазами стоит картина по мотивам русских народных сказок, украшающая стену на кухне Евгения Васильевича. Для меня эта картина, написанная масляными красками, не потерявшими яркости на протяжении многих десятилетий, во многом «анимистична». Образы и, прежде всего, солнце, изображённое с учётом канонов русского лубка, – своеобразный духовный центр, подобно кургану из знаменитой картины «Баян», объединяющей поколения учеников Русского Учителя. Во время нашей беседы у Евгения Васильевича зазвонил телефон и, вернувшись на кухню, Кузнецов сказал мне: «Собирайся, сейчас ты идёшь на собеседование к декану исторического факультета Нижегородского государственного педагогического университета»... Состоялся разговор с Радиславом Вячеславовичем Кауркиным, и осенью 2006 года я стал преподавателем кафедры истории России педуниверситета. Р. В. Кауркин заразил меня археологическим «полем», из которого спустя два сезона возникло моё – «частное», а в 2012 – экспедиционное, посвящённое изучению феномена современного русского и европейского язычества. С переездом в Нижний Новгород, работой на историческом факультете и связано моё «научно-преподавательское развитие». В этот период сформировались научные контакты, состоялись встречи с целой плеядой интересных людей и выдающихся учёных. Именно здесь я познакомился с Александром Александровичем Федоровым, в настоящее время – ректором Балтийского федерального университета, под чьим руководством я работаю в настоящее время.

Таким образом, вклад Кузнецова, в моё научное и карьерное развитие – студент // аспирант // кандидат наук // заведующий кафедрой // заведующий лабораторией – неocenим и всеобъемлющ! Уважаемый Евгений Васильевич, Дорогой Учитель, огромное спасибо Вам за всё!!!! Я горжусь, что отношусь когорте избранных, знающих Вас не только по книгам, но и лично!

Как мы преподавали историю¹

Кузнецов Е. В., д.и.н.

Случилось так, что в 1950–1960-е гг., когда я был студентом, затем аспирантом и молодым преподавателем нижегородского истфака, моя работа была тесно связана с тремя лицами: с моим научным руководителем, членом-корреспондентом Академии наук СССР С. И. Архангельским (умер в 1958 г.), заведующим кафедрой, профессором Н. П. Соколовым (умер в 1979 г.) и доцентом С. В. Фрязиновым (умер в 1971 г.). Все они были специалистами по всемирной истории, свою научную квалификацию получили, работая в составе известных исторических школ дореволюционной России. У С. И. Архангельского это были преподаватели МГУ: П. Г. Виноградов, А. Н. Савин, Е. А. Косминский и др. У Н. П. Соколова представители петербургского университета: профессор, а в советское время и академик Н. И. Кареев и др. В исторической школе МГУ сформировал свои научные взгляды и С. В. Фряинов. В многочисленных беседах с ними, в посещении их лекций, чтении их трудов я искал и находил ответы, которые волнуют каждого специалиста пришедшего в учебную аудиторию. В целом, идя по стопам своих наставников, я стремился придерживаться в своей работе тех высоких принципов, которыми жила профессорская элита старой России. Думается, что напоминание некоторых из них вступающим на научную и преподавательскую стезю историкам, «специалистам XXI века» будет полезным.

¹ Этот текст профессора Е. В. Кузнецова был подготовлен им в 2011–2012 гг. для учебно-методического сборника, посвящённого традициям исследования и преподавания истории в Нижегородском (Горьковском) государственном университете им. Н. И. Лобачевского. Основоположником их был наставник, научный руководитель Е. В. Кузнецова – член-корреспондент АН СССР С. И. Архангельский. Отозвавшись на просьбу, Е. В. Кузнецов подготовил статью, которую можно назвать и документом личного происхождения. Рассуждая о С. И. Архангельском, нельзя было искусственно отставить в сторону и ещё двух патриархов нижегородской традиции всеобщей истории – профессоров Н. П. Соколова и С. В. Фряинова. С ними Е. В. Кузнецова связывают личные доверительные отношения.

По ряду причин сборник не состоялся, а подготовленный мэтром Е. В. Кузнецовым очерк остался. Помещать его в какое-либо издание не представлялось возможным, поскольку оно должно было соответствовать правилам жанра, в котором и была написана эта статья. Таким сборником видится это издание. Очерк юбиляра Е. В. Кузнецова публикуется без его ведома и в том виде, как он был подан 9 лет назад. Текст крайне важен в понимании крупным историком, обеспечившим связь «отцов-основателей» исторической науки в Горьком и последующих нижегородских историков, своих корней и идентичности. Поэтому ряд суждений автора о принадлежности С. И. Архангельского и С. В. Фряинова к той или научной школе остались без комментариев, хотя по этим вопросам в последнее время внесены коррективы. Эти суждения основаны на рассказах и документах, исходивших от самих С. И. Архангельского и С. В. Фряинова. И эта их рефлексия повлияла на понимание Е. В. Кузнецовым себя и своего места в науке и преподавании истории (А. А. Кузнецов).

Самым больным вопросом для русского историка 1950–1960-х гг. был вопрос о соотношении философии и истории. Позиция приверженцев марксистско-ленинской идеологии отличалась «крутизной» по отношению ко всей истории. Вся деятельность историка должна была опираться на классиков марксизма-ленинизма, т.е. на труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина (в меньшей степени, чем первых трех), а также их многочисленных «пересказчиков» – глоссаторов. Как могли, мы боролись с идеологическим натиском на историю. В частности, С. И. Архангельский в своих лекциях противопоставлял марксистской методологии, основанной на диалектике Гегеля, концепцию когда-то известного немецкого историка XIX в. Леопольда фон Ранке. Суть интерпретаций С. И. Архангельским работ этого немецкого ученого состояла в следующем: никакие внешние законы не действительны в той части общественнознания, которая принадлежит истории; никакие законы философии, политологии и т.д. не могут быть механически приняты теми людьми, кто считается преподавателем истории. Больше того, исторические законы вытекают из самих исторических фактов благодаря внимательному и точному анализу данных фактов. Вероятно, мне возразят, что марксизм не является руководством для современного историка, и поднимаемая проблема бессмысленна. Однако, как мне кажется, это далеко не так. Отказавшись от марксизма, современные корифеи исторического знания ищут ему замену либо в цивилизационном подходе, либо в чистой диалектике Гегеля, а иногда и в теологической мистике. Политические и идеологические постулаты до сих пор нависают над людьми пишущими историю, и заставляют в угоду им подбирать, группировать и даже искажать факты. Кто не слышал с кафедры об исторической актуальности. Дескать, существует история актуальная и не актуальная. Осмелюсь со всей определенностью написать: все то, что актуально, не является историей. Отличие истории от других общественных дисциплин – отсутствие в ней актуальности. Задачами различных гуманитарных дисциплин является актуализация исторических знаний, т.е. применение данных знаний к окружающей действительности. Мы считали тогда (1950–1960 гг.), что главное для историка – правильно определить содержание исторического факта (исторического явления) и дать этому содержанию правильную интерпретацию, строго ему соответствующую.

Эта работа с фактами создавала определенную иерархию исследовательского процесса. Ближе всего к факту, конечно, были те дисциплины, которые могли «потрогать» его. Иначе говоря, максимально приближенные к тому или иному факту. Поэтому специалисты по всемирной истории на «старом» истфаке преподавали древние языки и палеографию этих языков. Прошло уже без малого 60 лет, а я до сих пор помню блестящие занятия по латинской палеографии профессора Н. П. Соколова. С. И. Архангельский очень внимательно относился к локальным явлениям исторической жизни. Он считал, что локальная история (включая краеведение) создает ту необходимую основу, на которой могут строиться различные историко-теоретические модели. Поэтому он активно работал как в области нижегородского краеведения, так и в сфере познания мелких, локальных фактов истории Англии XVI–XVII вв. Припоминается его блестящая работа о пригородном лондонском маноре Горнси. В своих монографиях по истории Англии XVII в. С. И. Архангельский целые главы посвящал локальным специфическим явлениям. С. В. Фрязинов обладал уникальными способностями в области изучения иностранных языков. Благодаря этому он одним из первых поднял документы по испанской аграрной истории средневековья, по истории португальских городов феодального и нового времени. В качестве курьеза замечу, что, будучи в 1960-е гг. одиноким пенсионером, С. В. Фрязинов подрабатывал переводом португальских текстов для Большой Советской Энциклопедии и для других заказчиков. Такой подход к научной подготовке преподавателя не мог не сказываться и на его работе со студенческой аудиторией. Лекции С. И. Архангельского отличались чрезвычайной насыщенностью историческими фактами. Записывать четыре часа его лекций было делом весьма сложным и требовало огромной концентрации. Каждый вывод, предлагаемый студентам, строго и всесторонне аргументировался. Приводились все или большая часть фактов подтверждающих суждения лектора. Н. П. Соколов обладал прирожденным ораторским талантом. Интерпретируя то или иное историческое явление, он часто прибегал к аналогиям, цитировал участников или современников происходящего, причем не только на русском, но и на французском, итальянском, латинском языках. Это умение сопоставлять факты, сплестать их в единый узел и давать им, порой неожиданно, всегда

точную интерпретацию, приводило нас, тогдашних студентов, в восторг. Были случаи, когда его лекции заканчивались аплодисментами аудитории. Особо часто это случалось, когда Н. П. Соколов читал лекции на филологическом отделении, где большинство студентов были представительницами прекрасного пола.

Стать полноценным преподавателем истории в любом университете дело не из легких. Поэтому и тогда и теперь стоит такой вопрос: «Как подготовить такого преподавателя?». Специалисты «старого» истфака стояли на позициях, что начинать надо с малого. Молодой преподаватель должен сначала освоить один-два спецкурса, каждый по весьма узкой исторической теме. Например: «Венеция и ее колонии в средние века», «Аграрные отношения в Англии XVII в.», «Испанские бегетрии» и т.п. Когда молодой специалист за небольшое время (1–2 года) осваивал эти курсы, он мог перейти к следующим. Только после того как он проработал на спецкурсах все узловые проблемы общего курса, ему можно было доверить чтение данного курса: «История средних веков в Западной Европе», «История России в новое время» и т.п. Для большей конкретики скажу – во время подготовки к чтению курса средних веков я был вынужден проработать на научно-методическом уровне такие проблемы как: «Варварские Правды V–VI вв.», причем, в силу большого фактического материала, законы английских королей пришлось готовить особо от законов, изданных германскими королями, правившими в странах континентальной Европы. Другой темой оказалась «Социально-экономическая история германского средневекового города». Третья – «Европейский абсолютизм как европейская система». Все это мне пришлось изучать параллельно с подготовкой диссертации «История Англии XV в.». Легко понять, что для того, чтобы справиться с этой проблематикой, пришлось прочесть источники на латинском, древнеанглийском, средневековом немецком и французских языках.

При утверждении программы того или иного курса, читаемого в студенческой аудитории, первым вопросом был, какие источники Вы использовали? Читать компилятивный курс на основании двух-трех монографий считалось невозможным, неприемлемым.

После, так сказать, «доаудиторной» подготовки преподаватель выходил к студентам. От него требовалось не только владеть

материалом, но и уметь грамотно его подать. Мы считали тогда, и я считаю до сих пор, что «зачитка» аудитории письменных текстов (конспектов) это дурной, не университетский подход к делу. Материал должен был излагаться совершенно свободно, что не исключало цитирования источников (даже по бумажке). Теперь нужно сделать следующую оговорку. Никто не надеялся, что молодой лектор заучит весь материал наизусть. Отправляясь в аудиторию, он должен был быть вооружен подсобным инструментарием в виде так называемого опорного конспекта. С. И. Архангельский и в старости приходил к студентам с конспектом, который представлял собой набор дат, имен, названий, которыми он собирался оперировать во время лекций. Я тоже длительное время и значительные части курсов читал с помощью подсобного инструментария. Пространство между датами, именами и т.п. конспектов заполнялись произвольно с учетом конкретных обстоятельств, времени, настроения аудитории, порой, настроения самого читающего. Но главное – лектор импровизировал на основе опорного материала, индуктивным путем воссоздавая историческую картину. Сказанное только что применялось преимущественно на младших курсах. Мы определяли этот метод примерно так — индукционная импровизация на базе источников. На старших курсах методика должна была измениться. Главное здесь состояло не в умении преподнести источниковый материал, а совсем в другом. Лектор должен был анализировать существующую историографию по той или иной проблеме и на основании данного анализа предлагать студентам свое видение излагаемых им исторических явлений. На старших курсах иногда применяли методику профессора Н. И. Кареева. Суть ее состояла в следующем: студенты готовили материал по источнику (источникам) или монографии (монографиям). Лектор, приходя в аудиторию, проводил с ними собеседование, а затем, отталкиваясь от тех знаний, которые студенты получали самостоятельно, излагал свою точку зрения, подчеркивая правильные ответы и указывая на ошибки. Оптимально «кареевская методика» могла быть применена тогда, когда лектор располагал четырьмя часами занятий. Конечно, можно было и при двух часах занятий провести этот методический прием, хотя и с меньшей долей успеха. Важнейшим при такой форме занятий была «включенность» студента в проблему, осознанное усвоение терминов и онимического материала.

Практические занятия могли вестись либо в виде чтений и комментирования источников, либо в виде семинара (фронтального опроса студентов), либо постановки и обсуждения докладов, которые студент готовил самостоятельно. Я был убежденным сторонником того, что на первом и втором курсах занятия со студентами должны были строиться на базе чтения и комментирования (здесь же в аудитории) источников. В первую очередь, юридических памятников. Чтобы добиться наибольшей эффективности, академические группы делили на подгруппы (10–12 человек в каждой). В силу чисто формальных причин сделать это было далеко не просто. Но если удавалось так организовать работу, то КПД ее был чрезвычайно высок. Фронтальный семинар проводился, как правило, путем опроса студентов по тому или иному историческому тексту не очень большого объема — статья в журнале, одна или две главы из монографии и т.п. Лучшее всего эта методика применялась преподавателями и студентами второго и третьего курсов. Подобные семинарские занятия следовало перемежать с чтением источников и с докладами по особо сложным проблемам того или иного курса. На последних курсах применялась так называемая «докладная система», при которой студент осваивал определенный круг источников и литературы и докладывал в аудитории о полученных им результатах. С. И. Архангельский очень любил применять такую методику: студент должен был подготовить доклад на 60–80 минут, т.е. это был как бы его эскиз будущей дипломной работы. Затем, активно работая с аудиторией, преподаватель выявлял наиболее сложные и дискуссионные вопросы темы. Эти вопросы выносились на следующее заседание, и отвечать на эти вопросы должен был не только докладчик, но и вся аудитория. Как правило, разрыв между занятиями составлял неделю. За это время студенты должны были подготовиться к обсуждению поставленных проблем. Сжимать практическое занятие до двух часов на старших курсах, считалось малоэффективным, хотя бы потому, что при столь краткой дискуссии малоактивный студент всегда мог отсидеться и помолчать по поводу обсуждаемых вопросов. Думается, что современный бакалавриат не отменяет предложенных здесь методик, хотя, возможно, обсуждение крупных докладов можно заменить на что-нибудь более простое.

Заканчивая, хочется подчеркнуть, что в вузовской работе нет какой-то единой, применяемой во всех случаях методики.

Преподаватель должен обладать разными методическими приемами, добиваясь активного участия в работе всех студентов той или иной учебной группы. В конце хочется развеселить читателя и рассказать о формах приема экзаменов, применяемых мною и некоторыми из моих (преимущественно молодых) коллег. Назову такие методы: «экзамен или зачет наоборот»; «отвечайте то, что лучше знаете», «давайте, вместе почитаем шпаргалки». Экзамен (зачет) состоял в следующем: преподаватель, войдя в аудиторию, где сидела вся учебная группа, предлагал задавать ему вопросы (от каждого студента по вопросу), естественно по проблематике курса, по которому студенты должны были отвечать. Вопросы предлагалось подавать в письменной форме. На подготовку вопросов отводилось 5 минут (условно). Преподаватель брал присланные вопросы, отбирал из них те, которые помогали разобраться в проблематике курса, отсеивал остальные. Затем разбирал вместе со студентами эти вопросы в ходе живой беседы. Отмечал интересные по своей сути вопросы, удачные реплики и подсказки. Иногда эти результаты (своеобразные проявления знаний) заносились на доску в виде баллов. За лучший вопрос ставилось пять баллов. Я считал и считаю, что заданный экспромтом правильный вопрос не менее ценен, чем хорошо отрепетированный ответ. Когда все вопросы были разобраны, преподаватель обращал внимание на неразобранные вопросы, особо концентрируя внимание на студентах, до этого не принимавших участие в дискуссии. Теперь уже разбирались вопросы представленные преподавателем. Затем подводился итог. Как правило, никому не ставилось неудовлетворительных оценок. Все студенты, которые участвовали в подобной работе, отмечали ее эффективность.

Принцип «отвечай, что лучше знаешь» состоял в следующем — экзаменационные билеты были открытыми. Каждый из вошедших студентов видел вопросы билетов. Преподаватель сам предлагал выбрать любой билет, кому какой нравится, но за ограниченное время (за 30–40 секунд). Те, кто не успевал, получали билет от преподавателя. Когда наступало время беседы по вопросам билета, у преподавателя была твердая позиция при оценке студенческих знаний — ты выбрал сам. Стало быть, если студент отвечал плохо — «двойка» была законным и неоспоримым результатом.

Как правило, студенты приносят на экзамен шпаргалки, написанные на клочках бумаги, других носителях. В некоторых случаях студент-историк не может обойтись без шпаргалки, например, по таким фактоемким курсам как «История стран Азии», «Историческая география» и т.п. Я делал так и советовал это делать другим: хвалил студентов за то, что они написали шпаргалки, и предлагал им сесть для беседы вместе с этими «заготовками». Содержание шпаргалок разбиралось, указывались ошибки (они всегда были), отмечалось, когда нужно, хорошая компоновка материала и т.п. Затем, задавались один-два дополнительных вопроса, и все вставало на свои места. В молодости мне много приходилось преподавать вечерникам и заочникам. Лекции по истории средневековой Индии, Китая Нового времени содержали огромное количество фактов, имен, географических названий, терминов и т.п. Усвоить такой материал, даже с помощью хорошего учебника, многим студентам не удавалось. Поэтому разбор шпаргалок являлся единственной формой, избавлявшей преподавателя ставить многочисленные неудобства, а студентам помогая в усвоении основных фактов в истории, хотя и великих, но отдаленных от нас и территориально, и культурно азиатских стран. Три названных здесь приема преследовали одну цель – решить учебные вопросы в аудитории, не создавая массовых переэкзаменовок. Самое главное – видеть в экзаменаторе доброго друга, а не жестокого соперника.

Предложенные здесь рассуждения о разных приемах преподавания истории отнюдь не являются догмой, но примерами возможных подходов. Но думается, что число таких подходов (методических приемов) без большого труда можно умножить.

РОЖДЕНИЕ РОССИИ¹

Кузнецов Е. В., д.и.н.

ПРОЛОГ

БАТЫЕВО НАШЕСТВИЕ НА РУСЬ: 1237-1241

Осенью 1237 г. на левобережье среднего Дона и дальше на восток до реки Воронеж гудела степь от конского топота, туманился горизонт дымом бесчисленных бивуачных костров. Собиралось, спланивалось, готовилось к удару на Русь Батыево воинство. Десятки тысяч конных бойцов, не считая людей в обозах: рабов, слуг, торгашей всех мастей, женщин. Какая сила привела их из бескрайних степных просторов к южным границам русских лесов? Этой силой являлась железная воля детей и внуков великого Темучина Чингиз-хана, давшего им новый закон жизни – «Ясу». Согласно Чингизовой Ясе, для каждого мужчины монгольской степи война стала если не единственным, то главным делом. Все 44 599 больших семей, кочевавших в степи, были разделены на «десятки». «Десятки» объединились в «сотни», «сотни» – в «тысячи», «тысячи» – в «тьмы» («тумены» – 10 000). Последние были сведены в еще более крупные военные единицы: в частности «джунгар» (правое крыло)², «барунгар» (левое крыло). Сцементировав кочевников военной дисциплиной, феодальная знать Чингизова государства вовлекла их в бесконечную цепь грабительских и завоевательных походов. Первые двадцать лет (1206–1227) ими руководил Чингиз-хан, затем его сыновья Тулуй (великий хан в 1227–1229 гг.) и Угэдэй (1229–1241 гг.). В 1207–1211 гг. были подчинены народы и племена Южной Сибири и Алтая, в 1212–1230 гг. завоевана Маньчжурия, 1219–1221 – Средняя Азия до Аральского моря, 1212–1234 гг. – Северный Китай (империя Цзинь). Когда войско великого ка'ана³ Угэдэя вернулось из Китая, в степи, в местности Тахан-дабэ, в январе 1235 г. собрался курултай⁴. Здесь-то и было решено начать поход на запад, в Европу. Весной 1236 г. с берегов Аральского моря и от предгорий Алтая монгольские армии двину-

¹ Текст воспроизводится по изданию: Кузнецов Е. В. Рождение России (Исторические судьбы русских земель после нашествия Батыя) / отв. ред. Е. П. Титков; 2-е изд. перераб.; АГПИ им. А. П. Гайдара. Арзамас: АГПИ, 2004. 102 с.

² Отсюда название «Джунгария», закрепившееся за срединной частью центральноазиатских степей.

³ Ка'ан был официальный титул, принятый Угэдэем. - Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Ред. И.Л. Петрушевского. Т. II. М.-Л., 1960. С. 8, 19.

⁴ Там же. С. 37.

лись на запад к реке Урал. Их вели одиннадцать ханов чингизовой семьи: «старший» внук Батый (Бату)¹, другие сыновья Джучи – Орда, Шейбан, Тангут, старший сын ка'ана Угэдэя Гуюк, ставший впоследствии великим ханом (1246–1248), другой будущий ка'ан сын Тулуя, четвертого сына основателя монгольской державы, – Менгу или Мункэ (1251–1259), потомки Чагатая, третьего чингизова сына – Бури и Байдар, младший из сыновей Чингиза – Кулкан² и др.

Полгода шли монголы степями Казахстана и Южной Сибири, год ушел на то, чтобы подчинить Волжскую Булгарию, половецкие степи, Северный Кавказ, земли мордовских племен и выйти к русским границам.

Осенью 1237 года на военном совете, состоявшемся где-то на берегу реки Воронеж, подсчитав силы, Чингизиды приняли решение начать вторжение в русские княжества³.

И двинулись, сжигая все на своем пути⁴, вдоль Воронежа и Дона и далее на север к берегам тихих рязанских речек Онуги и Прони многоязычные орды. Вместе с монголами шли в поход половецкие конники ханов Баяна и Джучу, вспомогательные отряды бурят, алтайских племен, киргизов⁵ и других подчиненных народов и племен Сибири («дань кровью»), «саперные» части китайцев и уйгуров... Русская земля, разобшенная⁶ на двенадцать княжеств и «земель», не была в состоянии защитить себя.

Три года с небольшим (декабрь 1237 – начало марта 1241), до того как Батый ушел в Венгрию, а его полководцы в Польшу, кони степняков топтали русскую землю. Неисчислимые бедствия принесли

¹ Несколько слов о родословной Бату. Его отец Джучи (ум. 1227 г., на несколько месяцев раньше, чем Чингиз-хан) – первый сын Чингиз-хана (раньше появилась на свет сестра Фуджин-беги). Бату – второй сын Джучи, старший сын Орда, но обычно в полигамных семьях «старшинство» Бату в семье определялось происхождением его матери: она являлась дочерью влиятельного феодала Ильчи-нойона из рода Кунгират (Орду родила «простая» женщина из этого же рода). Поэтому старшим над всеми внуками оказался Бату и «был у них в великой чести и почете». – Рашид ад-Дин. Сборник летописей... С. 66, 67, 71 и др. Всего, согласно родословной Рашид ад-Дина, у Джучи было четырнадцать сыновей. – Там же. С. 66.

² Кулкан погиб под Коломной во время Батыева нашествия. – Там же. С.38–39. Прим. 19.

³ «Осенью упомянутого года все находившиеся там царевицы сообща устроили курултай и по общему согласию пошли войною на русских». – Рашид ад-Дин. Сборник летописей... С. 38.

⁴ Когда незадолго до Куликовской битвы русская церковная делегация во главе с будущим митрополитом Пименом отправилась рекой Доном в Константинополь, она не увидела на его берегах «...ни города, ни села, виднеются одни только места бывших здесь городов, красивых и обширных; нигде не видно человека». Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3-4. М., 1969. С. 475.

⁵ Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956. С. 122. В 1240–1241 гг. Батый для похода на Западную Русь взял вспомогательные отряды мордвы. – История Мордовской АССР. Т. I. Саранск, 1974. С. 36.

⁶ Один из современников с горечью отметил: «ни один же от князей... не поиде друг ко другу на помощь». – Воинские повести Древней Руси. Ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1949. С. 24.

завоеватели. В земле рязанской после двукратного вторжения батыевых орд (декабрь 1237 г., осень 1238 г.) можно было видеть «токмо дым и пепел...»¹. В январе 1238 г. все москвичи перебиты «от старьца до сущаго младенца»². В один месяц февраль того же года во Владимир-Суздальской земле взято «городов 14, опричь слобод и погостов»³. 5 марта того же года в Торжке «...ссекоша вся от мужеская полу и от женска»⁴. В «злом городе» Козельске, сражавшемся семь недель в марте – апреле 1238 г., «изби вся, и до отрочате, сосущих млеко»⁵. В 1239 г. «татары взяли Переяславль Русский, и епископа убили, и людей перебили, а город сожгли»⁶. В то же лето взяли татары Чернигов⁷. В ноябре-декабре 1240 г. взяты Киев, Галич, Владимир-Волынский, «инии гради мнози, им же несть числа», их жителей батыево воинство «изби не щадя»⁸...

¹ Там же. С. 15.

² Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 438.

³ Там же. С. 441, 491.

⁴ Цит. по: Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа... С. 156–158.

⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 495.

⁶ Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас, 1993. С.285.

⁷ Там же.

⁸ Цит. по: Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа... С. 156–158. Приехавший в Киев вскоре после погрома Плано Карпини насчитал в Киеве только 200 домов. – Джованни дель Плано Карпини. История монголов. М., 1957.

ГЛАВА 1. УСТАНОВЛЕНИЕ ОРДЫНСКОГО ИГА: 1243–1263

Сокрушительные волны «батыева нашествия» отхлынули на восток в 1242 году. Большой Бату-хан и его «аил» («орда») остановились в низовьях Волги, другие внуки Чингиза увели свои рати (дружины) в бескрайние азиатские степи. Раны, нанесенные степняками русским землям, были тяжелы, но не смертельны. Оплакав погибших и угнанных в рабство, русские люди вернулись к обыденным делам и заботам. Сохранилась и княжеская власть: Ярослав Всеволодович на севере, Даниил Романович Галицкий на юге поддерживали порядок, копили военную силу. О том, что «силенок» у русских князей оставалось немало, свидетельствуют знаменитые победы Александра Невского, сына Ярослава, над шведами (1240 г.) и немецкими рыцарями (1242 г.), Даниила над коалицией венгров, поляков и др. (1245 г. у г. Ярослав, на западе современной Украины), били русские люди в эти годы и разбойничавшие группы литовской знати... Однако фактор неодолимой мощи степной конницы оставался зловещим, гнетущим.

Возникают вопросы: как развивались отношения между русскими землями (княжествами) и степными ханами? Каким путем Чингизиды перешли от прямого военного грабежа к регулярной, «системной» эксплуатации побежденных ими русских людей? Ответ должен быть таковым: «ордынское иго» сложилось отнюдь не в результате единовременного акта (или нескольких краткосрочных актов), оно сложилось как итог длительного политического процесса в двадцать с лишним лет.

Попробуем воспроизвести в сокращенном виде хронику этого двадцатилетия...

В 1243 г. в низовьях Волги на приеме у хана Батыя появился князь Ярослав Всеволодович (1191–1246 гг.), один из младших братьев Юрия Всеволодовича (1188/9–1238)¹, погибшего под ударами кривых сабель батыевых ратников на берегу речки Сить (на север от верхней Волги) 4 марта 1238 года². Именно Ярослав, заняв ставший вакантным после гибели Юрия – Владимирский «великий стол», «...очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления лю-

¹ Оба, Юрий и Ярослав – сыновья Всеволода «Большое Гнездо» (1150–1212). Этот «многодетный» князь, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Всеволодовича Мономаха, правнук Ярослава Мудрого, управлял Владимирским княжеством с 1176 по 1212 гг.

² Дата по Юлианскому календарю. Разница с Григорианским для XIII в. семь дней плюс, т. е. по-григориански – 10 марта. О Юрии – князе см.: Макарихин В. П. Новгород Земли Низовской. Повествование о великом князе Юрии Всеволодовиче. Нижний Новгород, 1994.

дей, утешил их и, как старший, начал распоряжаться волостями»¹, т.е. городами и землями на севере Руси, входившими в подвластную потомкам Всеволода Большое Гнездо территорию. Известно, что в 1239 г. он успешно защитил Смоленск от дружин литовских «кунигасов» (князей).

Бату-хан принял Ярослава с честью, утвердил его старшинство среди русских князей с титулом «великий князь владимирский». Решение сарайского владыки подняло статус города Владимира до уровня единственной столицы русских земель (чем было унижено значение более древнего стольного города Киева)². Бату-хан был радужен не без причин – на авторитет Ярослава работали военные победы его самого, но особенно его сына Александра Ярославича (ставшего к тому времени «Невским») над Литвой (1239 г.), шведами (1240 г.), ливонскими немцами (1242 г.). Другой мотив батыевой благосклонности, вероятнее всего, следует находить в плоскости обещаний Ярослава и надежд на эти обещания со стороны Бату-хана и его советников. Логично думать, что Ярослав обещал быть лояльным ордынцам. Владимирский почин стал образцом для других, «младших» князей, и они один за другим потянулись в Сарай за утверждением («подтверждением») своих властных («княжеских») прав и полномочий. Так стала складываться «ярлычная система», при которой князья везли степным владыкам деньги и иные ценности в огромных размерах ради сохранения (а иногда, установления) своего господства над той или иной территорией³. Подчеркнем, что плата за ярлыки «от Сарая» стала первым элементом формировавшейся системы ограбления русского населения. В своем дальнейшем развитии «ярлычная система» предполагала поездку в Сарай каждого наследника после смерти князя-владельца (ярлыки за наследство), при смене ханов в Сарае вследствие естественных причин или вследствие «дворцовых» переворотов (нередких среди правивших в Орде Чингизидов)⁴.

¹ Соловьев С. М. История России. М.: Мысль, 1988. Т. III. С. 146, 147.

² С 1169 по 1243 гг. на Руси существовали как бы две столицы – Киев и Владимир. С 1243 г. по 1389 г. Владимир – главный город русских земель. После 1389 г., по завещанию Дмитрия Ивановича (Донского), столицей была признана Москва.

³ Особенно тяжело ярлычная система отражалась на «налогоплательщиках», т. е. простых тружениках, когда между разными князьями возникала распря за одну и ту же землю (волость, город и др.). Дабы добыть ярлык вопреки сопернику приходилось идти в долговую кабалу к «бесерменам» – ростовщикам. И в случае успеха собирать долг с населения княжества, не считаясь с его хозяйственными возможностями.

⁴ О массовом движении князей в степь с горечью пишут русские летописи: «славы ради света сего» эти люди унижались, давали взятки направо и налево, «иду ху сквозе огонь, и кланяхуся кусту и идолам». И

Можно представить ликование старого Ярослава (53 года в XIII в. – уже старческий возраст) и его семьи после удачной поездки к Бату-хану, но оно было преждевременным, так как в дело вмешалось центральное правительство семейной империи Чингизидов в Каракоруме (север современной Монголии), заявив, что именно оно, а не «улусник» Бату имеет прерогативу утверждать верховных правителей в русских землях. Иначе говоря, было сказано, и Бату-хан вынужден был подчиниться, о том, что русские земли – это территория, подчиненная, в первую очередь, правительству в Каракоруме и лишь в силу данных из Каракорума ограниченных полномочий сарайскому хану¹. В 1244 г. Ярослав отправил в столицу империи Чингизидов своего сына Константина², однако, его миссия успеха не имела: в 1245 г. он вернулся во Владимир без милости от центрального имперского правительства, возглавляемого после смерти в 1241 году последнего сына Чингиз-хана по имени Угэдэй («ка'ан» Угэдэй) его вдовой Туракиной. По весне 1246 года в далекие монгольские степи отправился старый Ярослав и благополучно прибыл туда к августу 1246 г., где ему выпал жребий участвовать в коронационных торжествах нового ка'ана Гуюка, сына Туракины от Угэдэя. Во время этих празднеств его наблюдал папский посол Иоанн де Плано Карпини (чаще пишется кратко Плано Карпини) и уделил ему несколько строк в своем дневнике, впоследствии многократно издававшемся в Западной Европе. Заметки Карпини цитировались многими поколениями специалистов как в европейских странах, так и в России. Согласно записям Плано Карпини, русский князь пользовался уважением: «Герцог Ярослав» на главной коронационной церемонии имел «самое почетное место» (*locum superiorum*). Однако, дела вскоре переменялись к худшему... Карпини, ссылаясь на оставшихся неизвестными информаторов, так описывает события: «однажды он (Ярослав – авт.) был призван к матери великого хана (ка'ана Гуюка – авт.), которая, как будто оказывая особую честь Ярославу, пожелала «дать ему есть и пить» (и дала пи-

все просили себе одного: «прошаху койждо себе власти». Подробнее см.: Иловайский Д. И. История России. Ч. II. М., 1880. С. 563–564.

¹ Пояснения таковы: потомки Чингиз-хана выбирали из своей среды главу всей огромной империи: он имел ставку во внутренних районах Монголии (обычно в Каракоруме) и носил титул «ка'ан» (от тюркского каган, хакан, т. е. царь). Остальные Чингизиды титуловались ханами, которые получали власть над теми или иными землями («улусами», «илами» и т. п.) либо по завещанию Чингиза, либо решением общего собрания (курултая) Чингизовых потомков. Титул «чингиз-хан», т. е. верховный хан, после смерти первого его носителя Темучина, уже никогда больше не использовался.

² Константин Ярославич (умер в 1255 году) – родоначальник князей Угличских и Дмитровских. Биографические сведения – крайне скудны.

тье и пищу из своих рук – авт.). Когда Ярослав возвратился от ханши, то сильно ослабел и через семь дней (30 сентября 1246 г. – авт.) умер. Замечательно, что все тело его при этом удивительным образом посинело...»¹. Налицо, таким образом, явный признак отравления. Карпини пишет, что об отравлении говорили все² при дворе Гуюка.

Специалисты ищут мотивы столь сурового поступка Туракины либо в догадке Карпини о стремлении каракорумского двора «свободно владеть русской землей», либо в интригах одного из ярославовых братьев Святослава Всеволодовича, который по воле Ярослава с весны 1238 г. держал Суздаль, но, получив известие о его гибели, тотчас же занял «главный» владимирский «стол»³. Версию братского предательства содержат русские летописи: «...обажен бо бысть (оклеветан – авт.) царю... и много истомления подъял, поиде от Канович (ка'ана и его матери – авт.) и преставися в иноплеменницех нужною смертию». Называется и непосредственный доносчик на князя – некий боярин Федор Ярунович (вероятно, агент Святослава)⁴. Не исключено, что субъективный фактор был использован двором Гуюка и его матерью для решения стратегической политической задачи: введения в русских землях прямого правления степных ханов. Карпини пишет: «В наше время (1246–1247 гг. – авт.) Гаюк (так у Н.М. Карамзина) и Батый прислали в Россию вельможу своего с тем, что брат от двух сыновей третьего, и сей человек похватал множество людей... и переписал без всякого разбора (других – авт.), обложив каждого из них шкурою либо белого медведя, либо бобра, куницы, хорька и черного лисьего, а неплатящие должны быть (стать – авт.) рабами монголов»⁵. Неизвестно, какие русские области ограбил этот «первый» баскак, но то, что его действия встретили решительный отпор князей и городских вече, представляется бесспорным⁶. Этот «наскок» ретивого чиновника остался лишь эпизодом в истории русско-ордынских отношений.

¹ Цитируется текст Карпини в переводе С. М. Соловьева. История России. Т. III. С. 147.

² Точный латинский текст: «dicebatur ab omnibus», т. е. говорилось всеми.

³ Наиболее вероятна дата нового вокняжения Святослава – конец 1246 г. или начало 1247 г.

⁴ Хитров М. Святой благоверный князь Александр Ярославич Невский. М., 1893. С. 296 (прим. 188).

⁵ Перевод (к сожалению, плохой) принадлежит Н. М. Карамзину. История государства Российского. Т. IV. С. 58.

⁶ Известно, что по традиции, сложившейся еще при Чингиз-хане, годовая дань с подчинившихся народов и племен редко превышала «десятину движимости» (т. е. одну десятую часть имущества). Были, конечно, и чрезвычайные поборы.

Приезд поистине свирепого баскака и смерть Ярослава связаны не только во времени, но и причинно-следственным отношением. Несомненно, баскак был отправлен после убийства владимирского князя. Возможно, сопротивление Ярослава столь беспрецедентному ограблению русских людей можно записать как причину (одну из причин) его отравления. Не исключено, что интриговавший против него младший брат Святослав обещал каракорумским правителям нечто большее, чем его старший брат...¹

О конфликте между детьми покойного Ярослава и их дядей Святославом свидетельствуют весьма красноречивые факты. Святослав по получении известия о гибели старшего брата тотчас «пойде... в орду про свою отчину и пожалованъ бысть» без поездки в Каракорум. Вероятно, вопрос между Гуюком и Бату был уже согласован. Однако, племянники Святослава не согласились со старшинством, пусть и «по древнейшему обычаю» Святослава. Сначала в Сарай отправляется Андрей Ярославич, а затем и его старший брат Александр².

В чем причина такой «разобщенности братьев» и такой очередности? Летописцы свидетельствуют, что, пока Андрей собирался и двигался в Сарай, его брат отправился в Новгород (возможно, чтобы избежать лишнего и далеко не приятного общения со Святославом). Из Новгорода через Переяславль Александр возвращается во Владимир «в силе тяжелой» (с большой дружиной, наверное) «...и бысть грозен приезд его». Для кого грозен? Думается, что для «сидевшего» во Владимире Святослава. И вот почему: из Владимира Александр уже с малой свитой едет в Сарай, а «тяжелая» дружина остается, а через несколько десятков дней младший из Ярославичей Михаил, княживший в Москве, направляется во Владимир, — думается, вот с этой самой «сильной» («тяжелой») дружиной, изгоняет Святослава и там занимает великокняжеское «место». Это все происходило в 1247 г. В следующем 1248 г., из Сарая братья вместе направляются во «внутреннюю» Монголию, а Михаил, названный народом «Хоробритом» за его боевые качества, гибнет неподалеку от Москвы в стычке с литовской ратью. Святослав возвращается во Владимир и остается там чуть больше года, пока возвратившиеся из монгольских степей Александр с Андреем не выгоняют его из Владимира, причем лишают и «стола»

¹ Хитров М. Ук. соч. С. 226.

² В «Лаврентьевской летописи» можно прочесть: «Поеха Андрей князь Ярославич в татары к Батыеви, и Олександр князь поеха по брате же к Батыеви». С. 201.

в Суздале, предоставив Святославу жить в скромном Юрьеве Польском (близ Владимира), где ему и суждено было кончить свою жизнь.

С. М. Соловьев в своем великом историческом сочинении не может удержаться от гневной тирады в адрес Михаила Хоробрита, который «заступил» «на великое княжение», проявив «полное невнимание ко всякому родовому праву». В его поступке историк XIX в. видит «совершенный произвол». Думается, что оценки эти должны быть «поправлены». Александр привел свою дружину к Михаилу, а Михаил ею воспользовался, так как оба брата знали иную, более высокую правду, чем древний закон Ярослава. С точки зрения Ярославичей, Святослав являлся преступником, погубившим старшего брата «зловредным наветом», вместо того, чтобы, как учил Ярослав Мудрый, верно и честно служить ему. Вероятно, аргумент о предательстве Святослава использовал и Андрей при своих переговорах в Сарае. Без этого невозможно понять, почему Бату-хан и его окружение поддерживали братьев Ярославичей в их действиях против Святослава и помогли им найти дорогу в Каракорум.

Эта дорога оказалась долгой. Переговоры в Монголии были длительными и трудными, но они принесли результаты.

Обратимся к данным источников, редким и далеко не всегда связным.

Существует свидетельство, что еще при жизни Ярослава, во время его пребывания в ка'анской ставке, правительство Туракины и Гуюка выразило желание видеть Александра Ярославича в своей резиденции. Возможно, если эта версия верна, здесь сыграла роль молва о его подвигах в войнах со шведами, немцами, «литвою»... Позднее, наверное, после приезда Андрея (летом 1247 г.), приглашение было повторено Бату-ханом. Сарайский владыка якобы послал сказать русскому князю: «Мне покори́л Бог многие народы: неужели ты не хочешь покориться моей державе? Если хочешь сберечь землю свою, то приходи поклониться мне и увидишь честь и славу царства моего»¹. Комментарий должен быть таков: невский герой явно запаздывал со своей поездкой к степным ханам. Уже едва ли не все Рюриковичи побывали в Сарае. В далеком от степи Новгороде, закрытом лесами и болотами, Александр, судя по его поведению, не очень-то страшился нападения ордынских конников. Однако, интересы всех русских зе-

¹ Подробнее: Соловьев С. М. Ук. соч. Т. III. С. 151.

мель взяли верх в сознании Александра Ярославича, и он появился в «батыевом» Сарае¹.

О деталях пребывания Александра в столице Золотой Орды можно прочесть в разных летописных текстах – русских и восточного происхождения. Обратим внимание на мнение персидского средневекового историка Рашид-ад-Дина о высокой оценке личных качеств молодого русского витязя (примерно 28 лет). «Нет другого подобного ему князя», – якобы заметил золотоордынский правитель². Несомненно, на низкорослых степняков производил впечатление высокий рост Александра. В одной из древних рукописей библиотеки Троице-Сергиева монастыря была найдена такая строчка: «Ярослав роди Александра Храброго Невьского, великого возрастом (ростом – авт.), Деисус (деисусный, третий ряд иконостаса, над «царскими вратами»³ – авт.) целова». Даже, если считать, что деисусный ряд в церквях XIII в. был ниже (заметно ниже!), чем теперь, все равно Александр, дабы дотянуться губами до икон деисусного чина, должен был иметь рост заметно выше двух метров.

Успешная дипломатия Александра в Сарае обеспечила ему и брату поддержку как самого Бату-хана, так и его сына Сартака, фактического соправителя отца, облегчила братьям поездку в степи Внутренней Монголии и переговоры с новым центральным правительством империи Чингизова рода. Каракорумское правительство того времени возглавляла вдова недолго правившего Гуюка (1246–1248) Огуль-Гамиш⁴. Переговоры в имперской ставке продолжались долго, но закончились для Ярославичей и их свиты вполне благополучно. «В конце 1249 г. или самом начале 1250 года», после двухлетнего путешествия, Александр и Андрей прибыли в родной Владимир и окончательно изгнали из столицы Святослава⁵. Привезенные ими ярлыки едва ли можно признать справедливыми. Андрею, младшему

¹ В основу нашего текста положена точка зрения Н. М. Карамзина, который аргументировал, что до 1246 г. Александр Невский не мог столкнуться с необходимостью отправиться в Сарай-Бату. С. М. Соловьев относил вызов Бату к 1242 г., что неверно, так как сам ордынский хан появился, возвращаясь из «западного похода», в низовьях Волги зимой 1242–1243 гг.

² Хитров М. Ук. соч. С. 288. Прим. 29.

³ Царские врата были ниже в XIII в., чем в позднейшие века.

⁴ Огуль-Гамиш удерживала власть над Чингизовой империей около трех лет, опираясь на восточные степные улусы. В 1251 г. ее сменил двоюродный брат и друг Бату-хана Менгу (Муню), которого поддержало большинство внуков Чингиз-хана, как от его старшего сына Джучи (Бату, Орда, Берке и др.), так и четвертого Тулуя (Хулагу, Хубилай и др.).

⁵ Святослава из Владимира «...прогна Андрей, сын Ярослава, и седе на столе великокняжеском». Хитров М. Ук. соч. С. 298. Прим. 226.

из братьев, вопреки древнему обычаю, идущему от завещания Ярослава Мудрого (1054), был дарован «старший стол» – владимирский. Александр же получил ярлык на Киев и Новгород. Решение Огуль-Гамиш явилось классическим примером политики «разделяй и властвуй»¹. Во-первых, в то время Киев находился под контролем Даниила Романовича Галицкого и, следовательно, Александр подталкивается к тому, чтобы начать враждебные действия против этого могущественного князя западной части русских земель. Во-вторых, каракорумские правители прогнозировали неизбежный, по их представлениям, конфликт обойденного несправедливым образом старшего Александра с младшим членом семьи Андреем.

Однако коварные планы степных владык не оправдались. Русские князья не бросились друг на друга с оружием в руках, но противоречия в семье Рюриковичей по воле Каракорума обострились, и эти противоречия углублялись с каждым годом, грозя очередной бедой русскому населению. Бедой пришла летом 1252 года, когда у стен Владимира появилась мощная рать батыева воеводы Неврюя («Неврюева рать» – так в русских летописях). Среди части историков – западников по своим идейным установкам – существует мнение о том, что Неврюй привел свою «рать» на русскую территорию из-за доносов и наветов Александра Невского на младшего брата Андрея. Эту точку зрения в XIX веке поддержал своим авторитетом крупнейший наш историограф С. М. Соловьев. Другие специалисты, патриотически настроенные, такие как протоиерей М. И. Хитров, отказывались поддерживать «диалектичную» (двойственную) оценку великого русского князя...

Обратимся к фактам.

В начале 1250 года, по окончании длинной череды праздников в честь нового, к тому же молодого (около 27 лет) Владимирского великого князя Андрея Ярославича, Александр с семьей и дружиной добрался до ставшего родным Новгорода Великого. Дела на Русском Севере за время его отсутствия изменились к худшему. Поверженные несколько лет тому назад шведы (1240 г.) и ливонские рыцари (1242 г.), действуя в ключе господствующей тогда глобалистской доктрины римско-католической церкви, готовились к новым походам против

¹ Предположение Н. М. Карамзина, что Огуль-Гамиш поступила «по завету» отца их, выглядит малообоснованным, хотя завещание Ярослава действительно существовало. Его текст содержится в «Степенной книге». Хитров М. Ук. соч. С. 130, 114.

русских земель. Пытаясь развеять грозовые тучи на западном горизонте, Александр повел сложную дипломатическую игру. Продолжились начатые еще в 1248 г.¹ дипломатические контакты с римским папой Иннокентием IV (1243–1254 гг.). В 1252 г. посольство из Рима прибыло в русские земли². Именно тогда Александр прекратил дипломатическую игру и отверг все папские предложения. В 1250–1251 гг., находясь в Новгороде, мудрый Ярославич повел переговоры с норвежским королем Хаконом (Гаконом) о браке своего сына Василия и принцессы Христины, причем именно Александр заслал сватов в Норвегию. Переговоры, однако, были прерваны, когда стало ясно, что они бесплодны в политическом отношении... Переговоры эти позволили русским подготовиться и в 1256, 1262 гг. нанести удары по шведам в Финляндии и немцам на территории Прибалтики (в район Дерпта – современный Тарту). В последнем походе Александр не участвовал, войска вел его сын Дмитрий Александрович. Более ранний поход по льду Финского залива от Копорья (устье р. Наровы) до Тавастгуса (севернее современной столицы Финляндии Хельсинки) принадлежит к числу великих подвигов русского князя³.

Устойчивая внешняя опасность заставляла новгородского князя быть в постоянной готовности и содержать большую дружину. Но не только внешние опасности осложнили жизнь Александра Ярославича. 1250 и 1251 гг. были голодными для новгородцев – особенно последний, 1251 г.: «наидоша дъждеве» весной этого года и погубили пашни и хлеба. Поднявшаяся вода смыла мост на Волхове. Осенью 1251 г. грянул мороз, ранний и жестокий. Многие тысячи людей страдали от отсутствия продуктов питания зимой 1251–1252 гг. Не выдержало непрерывных испытаний княжеское здоровье: «Бысть болезнь тяжка князю Александру...»⁴. О ее серьезности говорит и то, что церковь была вынуждена прибегнуть к массовым народным молитвам в храмах Новгорода Великого и, наверное, всей округи за здоровье Александра Ярославича.

В летописных повествованиях о горестных событиях 1251 г. обращает на себя внимание одна деталь: Александр заболел вскоре по-

¹ Известно письмо папы Иннокентия к Александру. Письмо несет, если верить М. Хитрову, дату 8 февраля 1248 г. Это письмо не застало Александра в Новгороде. Он уже уехал в Сарай.

² Эту дату называют все наши летописные тексты. Там же. С. 301. Прим. 205.

³ Поход имел отрезок в несколько десятков километров по торосистому с многочисленными полыньями ледовому панцирю Финского залива.

⁴ Татищев В. Н. История Российская... Т. IV. С. 23.

сле посещения в мае 1251 года Новгорода, а, стало быть, и князя двумя Кириллами. Один из них носил высший сан в русской православной церкви – «митрополита Киевского и всея Руси», другой был епископом в старейшем и тогда крупнейшем городе русского Северо-Востока – Ростове. Формально высшие православные иерархи направились по размытым дождями дорогам в столицу русского Северо-Запада для поставления на место умершего великоновгородского архиепископа, по имени Спиридон, другого священнослужителя Далмата. Но думается, что эта миссия была не столь однозначна и проста. Она имела, кроме церковной, еще и важную политическую цель. В последнем тезисе убеждаешься, когда начинаешь размышлять о тех событиях, которые предшествовали появлению двух знатных священнослужителей в управляемом Александром городе.

Андрей Ярославич, пока старший брат боролся с непогодой, голодом и собственным недугом, развил бурную деятельность. В кратких словах ее можно определить как формирование военно-политического блока для борьбы со степными ханами, но, как представляется, был у Андрея и еще мотив, до сих пор специалистами не оцененный: это четкое понимание шаткости своего первостольного положения во Владимире, основанного лишь на ярлыке из Каракорума и резко расходившегося со старинной традицией политических взаимоотношений между старшими и младшими Рюриковичами. Андрею, чтобы встать вровень с невским героем, необходимы были свершения крупного масштаба, к примеру – победа над Бату из Сарая. Политическая интрига крутилась-вертелась не из Новгорода, где среди многих тысяч голодных, а потому ослабших физически людей мучился от неведомой (пока неведомой – хочется написать) болезни состарившийся под бременем тревог и забот великий человек русского племени XIII века, а из Владимира, где его младший брат за внешней бесшабашностью таил и вынашивал грандиозные планы для решающего увеличения масштабов своей личности. Ради этого им во Владимире был заключен брачный союз¹ с дочерью богатейшего и влиятельного князя Южной Руси (более точно – Юго-западной Руси) Даниила Галицкого². Венчание проводил прибывший из Киева ми-

¹ Заметим, что не существует данных об участии Александра Ярославича в подготовке или проведении этого знаменательного события. Едва ли это случайно: старший брат в таком деле по древнему обычаю призван был заменить покойного отца.

² Даниил Романович правил объединенной Галицко-Волынской землей с 1229 по 1264 гг. В 1250 г. посетил Сарай и формально признал власть Бату, благодаря чему сохранил контроль над русской территорией

трополит Кирилл, ближайший советник и друг Даниила¹. После брачных торжеств и состоялась миссия двух Кириллов в Новгород². Рискнем утверждать, что в ходе этого визита митрополит пытался побудить Александра вступить в антиордынскую коалицию – думается, что на «вторых» ролях после Андрея и Даниила.

Александр занял отрицательную позицию по отношению к политическим замыслам Андрея и Даниила, но остановить их не мог. Положение усугубилось тем, что в поддержку Андрея выступил его младший брат Ярослав Ярославич Тверской. Андрей и Ярослав отняли у старшего брата его основную «отчину» Переяславль-Залесский, один из богатейших уделов того времени. Именно в этом городе отряд ордынцев захватил семью Ярослава в июле 1252 г.³

Наш вывод из существующих, хотя, к сожалению, скудных фактов состоит в том, что Андрей и его союзники стали инициаторами раскола среди семьи Ярослава Всеволодовича. Более того, они предприняли ряд мер, дабы подчинить себе старшего брата (поездка митрополита Кирилла в Новгород, оккупация Переяславля). В эти тяжелые годы Александр оказался вынужденным опираться не на родных братьев или их детей, а на семьи князей «Константиновичей», своих двоюродных племянников, которые контролировали Верхнее Поволжье и более северные территории – Бориса Всеволодовича, правившего в Ростове, его брата – Глеба, княжившего в Белоозере, и Василия Всеволодовича, сидевшего в Ярославле. Они были солидарны с Александром в его ордынской политике, позднее, правда, их связи со степными владыками стали приобретать одиозный характер⁴.

Раскол русских князей приобрел трагические формы в 1252 г. Главная интрига этого года, которая волнует отечественных историкографов уже более 250 лет, начиная с исследовательских поисков великого Василия Никитича Татищева (1696–1750 гг.), – это предал ли

к западу от Днепра, включая Киев. Подробнее: Соловьев С. М. Ук. соч. С. 169–170. Тем самым столкнулись права Александра (по ярлыку из Каракорума, Киев принадлежал ему) и Даниила (фактического хозяина древнерусской столицы). Позднее Даниил отказывался платить ордынские подати. В 1255 г. принял от имперских властей Германии королевский титул. В 1259 г. разгромлен ордынцами («Бурундаев погром»).

¹ Даниил своими хлопотами и деньгами добыл Кириллу митрополию в Константинополе, у «вселенского» патриарха.

² Кирилл Ростовский был более благосклонен к Александру Ярославичу, что доказывается последующими событиями (1260 г. – в частности).

³ Догадку о том, что Ярослав Ярославич захватил удел Александра и расположился здесь с семьей, высказал С. М. Соловьев. Ук. соч. М., 1988. С. 324. Прим. 300.

⁴ См., в частности: Кузнецов Е. В., Титков Е. П. Исторические судьбы русских земель после «батьева нашествия» (XIII–XIV вв.). Арзамас, 1998. С. 10 (прим. 4, 5, 6, 7), 11 (прим. 1, 2).

своего брата Александр Ярославич, т. е. «наябедничал» в Сарае, и тем самым «навел» на русскую землю, так называемую, «Неврюеву рать»? Значительная часть специалистов, среди которых такие авторитеты, как С. М. Соловьев, Д. И. Иловайский, да и уже только что упомянутый Татищев, высказала и пыталась защитить обвинительный приговор Александру. Как выразился Д. И. Иловайский, «...Александр, очевидно, считал себя обиженным после того, как Владимирским столом (так в тексте Иловайского – авт.) овладел его младший брат...». Причем, по мнению маститого ученого, Андрей, «вероятно», употребил «какие-нибудь ловкие извороты»¹. На «хитрые извороты» младшего брата Александр ответил соответственным образом при подходящих обстоятельствах, которые сложились в 1252 году... Слова «очевидно», «вероятно» у Иловайского – ясное свидетельство легковесности его подхода к сложной проблеме². Более добросовестный С. М. Соловьев приводит ряд с его точки зрения аргументов для обоснования неблагоприятной для Александра Невского позиции. В частности, он привлекает испорченный летописный текст из четвертой книги сочинения Татищева³: «Князь Александр, слышав сия, елика сотвори брат его Михайло, и прииде во Владимир и бысть им пря великом княжении: они же уложища иди в Орду и поидоща князи Александр и Михайло и многу состязанию бывшу». Текст, если верить информатору Татищева, относится к 1248 году. Уже М. И. Хитров в 1893 г. указал (и это представляется нам верным), что «... в приведенном известии Татищева перепутано несколько событий». Близкой позиции к точке зрения Хитрова придерживаются Н. Клепинин и А. Г. Кузьмин, исследователи нашего времени. Возможно, что разноречия между Александром и Михаилом действительно имели место, но это должно было происходить во Владимире, в 1247 г. или самом начале 1248 г., до отъезда Александра в Сарай⁴, так как Михаил туда не поехал, а просто взял и согнал дядю Святослава с владимирского великого княжения, причем этот поступок, если верить приведенной цитате из сочинения Татищева, не был одобрен (полностью одобрен – ?!) старшим братом пылкого Хоробрита. Что касается

¹ Иловайский Д. И. История России. Ч. II. Прим. 56.

² Здесь нельзя не указать на большую положительную оценку Александра со стороны Иловайского.

³ Татищев В. Н. История Российская... Кн. IV. М., 1984. С. 22. 24. См. также: Татищев В. Н. История Российская. Т. V. М., 1964. С. 39, 40.

⁴ Возможно обозначить и предмет спора братьев: как вести себя по отношению к коварному дяде Святославу. Не исключено, что Александр укорял за непродуманные поступки дерзкого Михаила (не зря его звали «Хоробрит», т. е. храбрый, резко поступающий, дерзкий и т. п.).

«прений» в Орде, т.е. Сарае, то Соловьев прав, когда пишет о невозможности таковых из-за гибели Михаила. Предложенная маститым историком замена имени Михаила на имя Андрей¹, выглядит совершенно произвольной. Вопрос решался не в Сарае, а в Каракоруме, где Огуль-Гамиш ссылалась (вероятно, ссылалась) на волю умершего отца братьев Ярослава. Татищевский текст, подчеркнем, не может служить основанием для серьезных выводов ни о времени и месте событий, ни о характере отношений в семье Ярослава Всеволодовича.

Другой аргумент, которым с большой решительностью пользуется С. М. Соловьев, также заимствован им из четвертой книги (четвертой части) многотомного сочинения В. Н. Татищева². В тексте встречается такая фраза, которую и Татищев, и Соловьев приписывают Андрею: «Господи! Что се есть, доколе нам меж собою браниться и новодити друг на друга татар»³. Александр в этих строках не упомянут. Домысел Соловьева, что Андрей имел в виду старшего брата, невозможно принять в качестве бесспорного. Слова Андрея могли иметь другого адресата – дядю Святослава, с 1250 г. находившегося в Юрьеве Польском. Такую версию предложил в своей «Истории России» (пять томов, 1770–1792 гг.) князь Щербатов. Контраргумент Соловьева, что Святослав от набега ордынцев летом 1252 г. не получил и не мог получить выгоды вследствие смерти (3 февраля 1252 года по современному российскому летоисчислению, когда новый год начинается с 1 января), выглядит малоубедительным. Дело в том, что незадолго до своей смерти Святослав находился в Сарае. Нетрудно догадаться о причине этого визита – его главным врагом «по жизни» был Андрей, в 1249 или 1250 гг. «выгнавший» Святослава не только из Владимира, но и из Суздаля (удела, дарованного Святославу за 12 лет до этого Ярославом Всеволодовичем). Версия Щербатова о том, что именно Святослав запустил пружину интриги, которая реализовалась меньше, чем через полгода (правда, без него, но, наверное, он свою смерть не предугадывал) выглядит, на наш взгляд, весьма правдоподобной. Поход Неврюя требовал серьезной подготовки – это, во-

¹ Соловьев С. М. Ук. соч. Т. III. Прим. 296: «вместо Михаила должно читать Андрей, ибо говорится уже после смерти Михаила». Но неужели любой специалист (не говоря уже о Татищеве) мог два раза в трех – четырех строках перепутать княжеское имя? См. также соображения М. Хитрова (Ук. соч., с. 140).

² О том, что Татищеву в этой книге не удалось завершить текстологический разбор источников, так сказать, по естественным причинам, писали многие в XIX–XX вв. Одним из лучших критических исследований творчества историка XVIII в. считается статья К. Н. Бестужева-Рюмина «В. Н. Татищев, администратор и историк XVIII в.» в сборнике «Древняя и новая Россия». М., 1875, Т. 1, 2.

³ Соловьев С. М. Ук. соч. Т. III. С. 324. Прим. 299.

первых. Во-вторых, весенняя распутица, отсутствие продовольствия и фуража весной и в начале лета задержали поход степняков. В-третьих, информация Святослава нуждалась в проверке и была проверена сарайскими властями. И еще одно: не исключено, что Бату-хан согласовал свои действия с новым ка'аном Менгу (Мункэ), занявшим каракорумский престол в 1251 году¹. И еще одно: любая прямая речь в летописях (хрониках) – это чаще всего рефлексия автора текста на события, которые были у него перед глазами. Иначе, прямая речь является публицистической по своему характеру авторской вставкой в хронологически оформленную информацию... Когда и кем писалась эта приписываемая Андрею фраза, об этом отечественные маститые историки молчат, но само ее содержание говорит о том, что приглашения ордынцев для решения внутренних русских противоречий происходило уже многократно до того, как фраза была вписана в текст летописи. Такие слова можно было написать в конце XIII – начале XIV вв., когда вторжения степных отрядов в русские земли (чаще – по приглашению того или иного князя или коалиции князей) действительно выстроились цепью из многих звеньев. Отсюда «доколе», «как долго» будет нарастать эта зловещая цепь гибели людей, пожарищ, грабежей, караванов узников-рабов. Но такие слова кажутся странными для 1252 г., потому что «Неврюева рать» была первой в упомянутой цепи, явилась чем-то новым, непривычным. Наш вывод формулируется так: цитированная фраза не может принадлежать Андрею Ярославичу – она явилась вставкой позднейшего времени.

Если отвлечься от полемики в российской историографии и продолжить ту линию событий, которую удалось наметить для 1250–1251 гг., то следует написать о вынужденности поездки Александра летом 1252 г. к степным владыкам. Столкнувшись с враждебной коалицией своих братьев и южнорусских князей (в первую очередь из последних следует указать на Даниила Галицкого), потеряв Переяславль, свою «отчину», Александр оказался принужденным защищать себя и свое понимание политики. Поэтому он покидает Новгород Великий и едет к Сартаку – то ли на берега Дона, то ли «за Дон»². Прямая дорога через Переяславль – Москву – Коломну и далее вдоль До-

¹ Вспомним, что именно каракорумские правители считали себя завоевателями и господами русских земель, а Сараю и правившему там Бату отводили подчиненную роль.

² При изложении событий лета 1252 г. использован материал доклада Т. Г. Минеевой на «Чтениях» памяти чл. корр. АН СССР С. И. Архангельского в 2002 г.

на была для него закрыта Андреем и Ярославом. Поэтому пришлось (и это отмечают все специалисты) двигаться обходным путём, вероятнее всего – через владения ростовских князей – на верхнюю Каму и далее камско-волжским путем к месту кочевки Сартака. Такой маршрут Александр смог преодолеть примерно за два месяца (после окончания распутицы) и прибыть к Сартаку в июне (вернее всего во второй его половине). Но Сартак не мог сам направить такое большое войско, которое повел Неврюй, без согласия Бату, который находился в нижневолжском Сарае¹. А на это также было необходимо время, трудно сказать точно какое... Получив приказ от Бату-хана, Неврюй тоже должен был потратить время на организацию отрядов, их материальное обеспечение. Сам маршрут от Сарая до Владимира не менее тысячи двухсот километров дороги. Пройти такой путь коннице Неврюя меньше чем за месяц невозможно: из расчета 50 км в день без учета переправ, поворотов, обходов и других маневров, обусловленных ландшафтными особенностями².

Летописи надежно датируют появление Неврюя на южном берегу Клязьмы перед Владимиром и переправы через реку 23 июля – в канун «Бориша дня» (дня Св. Бориса)³. 24 июля Андрей был разбит на дороге из Владимира в Переяславль-Залесский. Таким образом, между появлением Александра в придонских степях и вторжением неврюевых конников в район Владимира прошло тридцать с небольшим дней. Хронологический километраж показывает, что войско Неврюя начало движение ко Владимиру либо день в день появления русского князя в лагере Сартака, либо (что вернее) за несколько дней до этого. Подготовка, естественно, к движению войск неизбежно должна была начаться на несколько недель раньше. Впрочем, чтобы не опираться исключительно на собственные расчеты, приведем доводы одного из наиболее внимательных и благожелательных биографов неевского героя Ивана Беляева⁴: «Александр в 1251 году был отчаянно болен в Новгороде, следовательно, не мог ехать в Орду ближе (ранее – авт.) 1252 года, как свидетельствуют летописи. Год тогда начинался в марте. Александр, следовательно, по случаю весенней рас-

¹ Известно, что в войске Неврюя находились известные военачальники. Это – «Котья» (Котян) и «Олабуга» (Улубуга).

² Если 1200 км разделить на 50 км дневного движения (перехода) конницы, то получим двадцать четыре дня.

³ Борис и Глеб – первые древнерусские святые-мученики, дети Владимира Святого, убитые в 1014 г.

⁴ Цитируемый очерк под названием «Великий князь Александр Ярославич Невский» опубликован сто пятьдесят лет тому назад во «Временнике». Т. IV.

путицы и разлива многих больших рек, лежащих на дороге, не мог выехать из Новгорода раньше конца апреля или начала мая, а от Новгорода до Орды, с объездами, которые должен был делать Александр, чтобы не попасть в руки Андрею, ежели он умышлял против него¹, было, по крайней мере, две тысячи верст, на проезд которых по тогдашнему бездорожью нужно было употребить около двух месяцев. Следовательно, Александр не мог приехать в Орду ближе конца июня или начала июля, а, приехав, не вдруг же явился к хану и ни при первом же свидании успел вооружить его против Андрея, для этого нужно было прожить в Орде по крайней мере две или три недели. Таким образом, Неврюй мог получить приказ ханский о походе на Владимир не ближе половины июля месяца, по крайней мере, еще нужно было употребить две недели для сбора войска, и так, ежели предположить, что Неврюй был послан по проискам Александра, то он мог выступить в поход не раньше конца июля или начала августа. А от Орды до Владимира было, по крайней мере, тысяча верст, на которые для похода с войском при всей быстроте нужно употребить не менее месяца и даже более, следовательно, Неврюй мог прийти ко Владимиру не ближе конца августа...» и т. д. Выводы Беляева и наши совпадают: «...Александр приехал в Орду тогда, когда Неврюй был в походе на Владимир, и, следовательно, не только не был подстрекателем Неврюева похода, но даже не мог остановить его»².

Для полноты и точности необходимо остановиться на некоторых других событиях 1252 года, так сказать, второстепенного значения. После поражения от Неврюя Андрей был вынужден бежать в Швецию³, ибо горожане как Новгорода, так и Пскова не разрешили ему расположиться («укрыться») за стенами их городов. Видеть в решениях городских властей результат злонамеренного влияния Александра, как это делают его недоброжелатели, является ошибкой. Здесь все определялось очевидными «практическими» соображениями. За Андреем и его свитой двигалось могучее войско степной конницы. Был разгар лета и, естественно, относительно хорошие дороги, по которым «Неврюевой рати» «доскакать» до Новгорода и Пскова не составляло труда. Что наша мысль является правильной, свидетельствуют факты более позднего времени. Речь идет о том, что произошло

¹ Здесь Беляев делает уступку господствующей в российской историографии XIX в. точке зрения.

² Беляев И. Ук. соч. С. 19–20.

³ Точнее: он расположился в районе современного Таллина. Туда к нему приехала семья.

после возвращения Александра Невского во Владимир с ярлыком на великое княжение осенью 1252 года (подробнее об этом чуть-чуть дальше), а ордынские отряды ушли (увы, с огромной добычей) на зимовье в низовья Волги и Дона. Ярослав Ярославич (1230–1271 гг.), спокойно до этого сидевший в Твери (помочь вооруженной рукой своему брату и союзнику в июле 1252 г. он не рискнул), покинул Тверь (в начале 1253 года) и бежал в Псков. Там его радушно приняли местные жители – наверное, не без одобрения новгородских властей¹. Когда приехавший в Новгород в качестве князя-наместника сын Александра Ярославича Василий добился удаления Ярослава из Пскова (с трудом и по прошествии примерно двух лет), тот перебрался в Ладогу, где был восторженно встречен населением. В том же 1255 г. Ярослав получил решающую поддержку новгородского веча и, прогнав Василия, вокняжился в столице русского Севера (Северо-Запада). Лишь приближение дружины самого великого князя Александра заставило Ярослава покинуть Новгород и некоторое время скрываться от старшего брата в тайном месте (так же на территории Новгородской земли – ?). Таким образом, новгородцы на протяжении без малого трех лет (1253–1255 гг.) поддерживали оппозиционера Ярослава, вовсе не страшась Александра Невского, который к этому времени стал великим князем и, следовательно, обладал значительно большими ресурсами и большей властью, чем в начале 1252 года. Стало быть, подчеркнем еще раз, не Александра, а конников Неврюя опасались люди северо-западных русских городов.

Еще одно наблюдение: в 1256 году Андрей вернулся «на святую Русь» и получил Суздаль, второй по величине город на землях великого Владимирского княжения (княжества) после столицы (т. е. самого Владимира). Ростов и его земли уже выделились в отдельный удел – «князей-Константиновичей» (потомков Константина, старшего сына Всеволода Большое гнездо)². Вскоре после 1255 г. вернулся в Тверь и Ярослав Ярославич. В 1258 г. Александр отвез (сам отвез) братьев в Сарай и добился подтверждения своих пожалований.

¹ Псков тогда был во власти Новгорода (был его «пригородом»).

² Вторым исторически приметным сыном Всеволода был Юрий. Юрий и его сыновья погибли от рук воинов Бату-хана зимой 1237–1238 г. Погибли и оба сына Константина – Василько и Всеволод. Поэтому Ярослав сохранил за внуками старшего брата Ростов, Ярославль, «пригороды» Ростова к северу от Волги. В остальных землях Владимирского великого княжения (за небольшими, малозначительными исключениями) правили дети третьего сына Всеволода – Ярослава.

Еще немаловажное соображение. Рассуждая о событиях лета 1252 г., нельзя не задаться вопросом о том, зачем Александру понадобилась «Неврюева рать»? У него же была, несомненно, самая мощная дружина. От Сарая ему следовало получить «ярлык», а занять Владимир его боярам не составляло большого труда.

Последнее: народная память («молва») об Александре Ярославиче совершенно лишена каких-либо «темных пятен», нет их также в рукописных его жизнеописаниях, которые начали составляться при его жизни (новгородский пономарь Тимофей, в частности) и многократно переписывались в позднейшие столетия. Постепенно стал формироваться православный культ Александра. К середине XVI века церковные иерархи уже насчитали тринадцать чудес, совершенных князем после его упокоения: первое из них – явление Александра во время Куликовской битвы. Молва людская, передаваемая из поколения в поколение в течение долгих веков, – едва ли не главная историческая оценка качеств исторической личности¹.

Кризис 1252 года завершился после того, как Бату-хан и ставший к тому времени его соправителем Сартак «поставили» Александра на место бежавшего Андрея и отозвали (верится по просьбе нового великого князя) разорявшие русские земли степные дружины. Одна немаловажная и интересная деталь: Александр не ездил за утверждением своих полномочий в далекий Каракорум: новый ка'ан Менгу (Мункэ) был политическим союзником и другом Бату² и подтвердил его решение посредством экстренной почты³.

Возвращение Александра Ярославича во Владимир было триумфальным. Народ на пути к городу и в его стенах встречал князя как героя. «Бысть радость велика во Владимире и по всей земле Суздальской», – свидетельствует летописец⁴. Митрополит Кирилл и весь «святой» собор города также встречали князя со всеми святынями владимирскими. Кирилл провел обряд «посаждения» князя на «стол» (престол)⁵ и с этого дня стал верным помощником в политике Алек-

¹ Следует с сожалением констатировать, что научная биография Александра, отвечающая современным методологическим принципам, еще не написана.

² Именно Бату и его братья предоставили необходимую помощь Мункэ (Менгу) в его акциях по устранению честолюбивой Огуль-Гайиш от власти. Мункэ (Менгу) был ка'аном с 1251 г. по 1258 г. (1259 г.).

³ Образцовая организация почтовой службы была характерна для Империи потомков Чингиза.

⁴ Подробно о встрече Александра во Владимире рассказал М. Хитров. Ук. соч. С. 147.

⁵ Эта процедура была основной в ритуале вручения власти тому или иному князю в русских землях (чаще всего это делало духовенство, иногда – ордынские послы).

сандра¹.

Александр прибыл во Владимир ранней осенью (до распутицы) 1252 г. или ранней зимой (после конца осенних дождей) 1252 г. Наступил десятилетний период княжения невского героя над северными русскими землями. Южные регионы, согласно исторической традиции и по смыслу ярлыков степных правителей из Каракорума и Сарая, также находились в подчинении великого Владимирского князя, но чисто формально – там княжил (а с 1255 г.² «королествовал») Даниил Галицкий. Принципы политической деятельности Александра и короля Даниила были различными, различными были и результаты их деятельности, которая прекратилась почти синхронно: 24 ноября 1263 г. скончался Александр, а через семь месяцев (в 1264 г.) умер Даниил. Политика Даниила потерпела крах. Его земли стали игрушкой в руках внешних политических сил – Литвы, Польши, Венгрии. На русском Северо-Востоке благодаря Александру создались предпосылки для будущего экономического, культурно-религиозного и политического возрождения. Эти «основы» были созданы тяжелым трудом князя и его единомышленников – трудом политическим, но не менее трудоемким и почти столь же опасным, как труд боевой. Трудности в политике Александра были связаны с неопределенностью в правовом положении великого Владимирского княжества. Его ближайший, но не главный господин жил в Сарае. Другой, далекий каракорумский ка'ан, находился за тысячи километров от Волги – на востоке обширной монгольской степи. Вот с этим правителем, конкретно с ка'аном Менгу (Мункэ), главным среди Чингизидов и пришлось иметь дело Александру, во всяком случае – преимущественно с ним, хотя, и это следует подчеркнуть, Сарай был тем пунктом, где русские князья, бояре, купцы и др. оказывались во много раз чаще, чем в восточной столице степной империи³, и сарайские власти часто и охотно помогали русским в их хлопотах перед верховным правителем. Конечно, такое посредничество не было бескорыстным и строилось с расчетом дальней политической перспективы. Русский великий князь также больше надеялся на частые контакты в Сарае, чем на крайне затрудненное взаимодействие с Каракорумом.

¹ Именно Кирилл в 1263 г., когда пришла весть о смерти Александра, сказал народу: «Дети мои милые! Знайте, что зашло солнце земли Русской». Народ закричал: «Уже погибаем!...».

² Именно в 1255 г. Даниил был коронован «королем» с санкции германского императора и римского папы.

³ Были исключения. Князь Глеб Василькович (ум. в 1273 г.) был у «Кана» (ка'ана) в «его земле», однако женился на знатной монгольской даме «в Орде», т. е. в Сарае.

Обратимся к конкретным фактам.

Еще в начале XIX века знаменитый российский востоковед иеромонах Иоакимф (Бичурин) в «Записках о Монголии» рассказал, что ка'ан Мункэ (Менгу) приступил к системной эксплуатации завоеванных монгольскими ханами земель и народов. Было начато составление, так называемых, кадастров, т. е. описей домов и имущества домовых хозяйств (движимого имущества). Кадастры проводились специальными комиссиями из образованных людей – часто из среднеазиатских мусульман или «бухарских» евреев.

«Переписчики» или «численники» добрались до русских княжеств где-то на рубеже 1256–1257 гг. Судя по всему, имела место задержка этой «кадастровой» (налоговой) экспедиции – вероятно, из-за усобиц в Сарае после смерти Бату-хана (1255 г.). В 1257 г. эти люди, русские звали их «Численники», «всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую», да и ростовские земли до далекого Устюга исчислили, «толико не чтоша игуменов, черньцов, попов, клирошан...»¹. Осенью 1257 г. монгольские чиновники вернулись в «Орду». Вставал роковой вопрос: как много придется платить? Какие сборы и повинности будут возложены на русских людей? Была и еще одна проблема: платить ли Новгороду и многочисленным селениям на его землях? Поэтому зимой порой 1257–1258 гг. в Сарай поехало большое русское посольство. В его состав входили, наряду с великим князем, братья Андрей и Ярослав (?) Ярославичи, ростовский князь Борис Василькович (князя всех старших городов), а также два представителя Новгорода Великого – Михаил Пинешич и Елевферий. Неизвестно, к чему пришли переговорщики. Можно предполагать, что Александр «сдал» «численникам» из Каракорума Новгород и его земли, но добился облегчения для других русских княжеств. Как вели себя представители новгородцев в Сарае неизвестно, но хорошо известно (и много раз описано) другое: как новгородцы сопротивлялись «численникам» и поддерживавшему их великому князю. В 1259 г., однако, новгородцы оказались принужденными платить дань в Каракорум («выход» как тогда говорили) в том же размере, что и другие русские земли (с «дыма» примерно одну десятую часть движимости один раз в год). Новгороду, однако, было сделано послабление: на его землях не были расквартированы баскаческие отряды, равно как и другие

¹ Цит. по: Хитров М. Ук. соч. С. 108.

представители ханской администрации. Александр, однако, опасался, что новгородцы могут вновь выступить против ненавистного им выхода, и в 1259 г. он своей волей ограничил привилегии новгородского веча, особенно урезаны были судебные права вечевых органов в пользу судебных полномочий князя¹. Зато в том же 1259 году Александром Невским был заключен договор о свободной торговле между Новгородом и Ганзейским союзом немецких городов (в Ганзу входили преимущественно города Германии со столицей в Любеке). Новгородцы получили в Любеке и других ганзейских городах права, равные тем, какие немецкие купцы имели в Новгороде².

Трудно считать «исчисление» налогоплательщиков или размещение баскаков на русской территории благом, но нельзя не оправдать действий великого Ярославича тем, что ему удалось прекратить значительные по масштабам военные нападения и грабежи на несколько лет (практически с 1253 г.). Конечно, мелкие группы («шайки») степняков тревожили окраинные русские земли едва ли не каждую осень (зиму).

В летописях, касавшихся событий 1260–1261 гг., кратко, но и многозначительно замечено: «Бысть тишина велика христианам». В другой летописи еще короче: «тишина бысть»³. Один из по-доброму настроенных к невяскому победителю историков конца позапрошлого века описывает благостную картину, как уладивший все дела Александр Ярославич отмечал пасхальные дни 1260 г. с семьей и друзьями в Ростове, а затем все они перебрались в мирно процветавший Владимир. Летописец отмечает: «Епископ Кирилл⁴, Борис и Глеб (Васильковичи) и мать их Марья, княгиня⁵, чтиша Александра с великою любовью (в Ростове) и поеха во Владимир (вместе с его семьей после пасхальных торжеств)». В 1261 г. у Александра родился последний сын Даниил, которому предстояло стать заметной политической фи-

¹ Известно, что в 1260 году именно Александр разбирал «гражданскую» по своему характеру тяжбу между «Лочкой и Иваном и др.» и «Родишею и Кузьмою...» (Хитров М. У к. соч. Прим. С. 350).

² О новгородско-ганзейском договоре 1259 г. существует публикация в «Известиях Российской академии наук». СПб., 1857 Т. VI. № 1. Договор этот был пересмотрен в 1262 г., после того как русские дружины, посланные Александром (сам он отъехал к этому времени в Сарай на переговоры с ханом Берке) нанесли поражения ливонским рыцарям под г. Дерптом (русский Юрьев, эстонский – Тарту). Послы ганзейских городов подтвердили право свободной торговли для новгородцев в Ливонии и на Балтике, как это было «в старину», т. е. XII в., до вторжения немцев в Восточную Прибалтику. Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М. – Л., 1959. С. 177.

³ Цит. по: Макарихин В. П. Ук. соч. С. 208.

⁴ Имеется в виду престарелый епископ Ростова Кирилл. Он вскоре окончил свою земную жизнь (1262).

⁵ Мария – дочь погибшего в Сарае черниговского князя Михаила (1246 г.).

гурой и православным святым. Небогато и трудно жили русские люди при великом князе Александре, но добытый им дипломатией или посредством подкупа (взятки) мир открывал дорогу созидательному труду, а, стало быть, спокойствию и надеждам.

Пока во Владимире и в других русских землях радовались и отдыхали, на далеком Востоке собирались грозные тучи...

В конце 1258 или начале 1259 г. умер Менгу ка'ан. Новые правители Каракорума решили провести очередную перепись – с соответствующими, надобно думать, поправками в «числе» (размере) собираемых налогов в свою пользу. Зимой 1261–1262 гг. переписчики («численники») появились в русских княжествах. Подчеркнем, что эта группа чиновников приехала на Русь по приказу из Каракорума, а не из Сарая.

Попытка усугубить эксплуатацию русских земель встретила решительный отпор у населения крупнейших городов – характерно, что именно тех городов, князья которых поддерживали наиболее тесный контакт с золотоордынцами. Речь, в первую очередь, идет о Ростове, Ярославле. Отсюда народное восстание распространилось на другие города в ростовской и суздальской частях русского Северо-Востока – вплоть до далекого Устьяга (Устюга)¹. Специалисты, начиная с Н. М. Карамзина, отмечают умеренность восставших в своих действиях² и связывают такой характер действий со сдерживающей силой княжеской власти. Думается, прав великий русский историк XIX века, когда он пишет, что горожане действовали по письмам Александра, в которых был призыв «татар бити»³, но «бить» их не всех подряд, а с умом (по выбору и по справедливости⁴). Изгнание, тем более с потерями, численников из русских городов и княжеств не могло не иметь последствий. Следовало ожидать, что новый правитель Каракорума Хубилай заставит волжскую «орду» отправить карательное войско против русских. Едва ли кто лучше осознавал опасность, чем Александр Невский, и он поспешил к ханам нижней Волги, уже в который раз оставив семью и родную землю⁵, на переговоры. Адресом его

¹ Подробнее Т. IV «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

² Хрестоматийным стал пример с «численником» Бугой в городе Устюг, который просил прощения на устюжском вече. Таковое получил и, женившись на местной девушке Марии, крестился. Крестное имя его Иоанн – он сыграл заметную роль в жизни этого северного русского города.

³ Карамзин Н. М. Ук. соч. Т IV. С. 63.

⁴ В Ярославле горожане казнили некоего Тетяма, бывшего монаха Зосиму. Но другим представителям степной администрации было разрешено уйти целыми и невредимыми.

⁵ На 1262 г. Александром намечался поход в Ливонию, дабы отбить основанный еще Ярославом Мудрым г.

плавания по Волге стала новая столица – Сарай-аль-Джедидили Сарай Берке, построенный младшим братом Бату-хана Берке¹. Отечественный летописец записал: «Князь великий Александр поиде в Орду к царю Беркаю (Берке – авт.) и удержаша его царь, не пустил его в Русь и зимова в Орде (зима 1262–1263 гг. – авт.)², тамо и разболелся...» В этой небольшой цитате обращает на себя внимание титул «царь» применительно к хану Золотой Орды Берке. Он фиксирует важное изменение политической обстановки в Азии. До этого царем («саром») для русских был ка'ан, сидевший в Каракоруме. Однако, к 1262 г. произошел раскол ранее единого монгольского государства³ и золотоордынские ханы (и не только они, но и монгольские правители Ирана – потомки Хулагу-хана, ильханы) заявили о повышении своего политического рейтинга. Это обстоятельство сыграло на пользу русским, которые получили возможность отказаться от незавидного положения «слуги двух господ» и урегулировать свои отношения с сарайскими «царями» на постоянной основе.

Многომесечные переговоры, которые провел Александр в Сарай-аль-Джедид, привели к созданию договора (политического соглашения), наверное – в письменной форме. Текст этот не сохранился, но поддается реконструкции (как и многие другие юридические памятники – «Яса» Чингиз-хана, например). Первое и главное: Александр договорился о полном и исключительном подчинении русских княжеств Золотой Орде и разрыве отношений между русскими землями и Каракорумом. Тем самым сложилось бинарное ордынско-русское государство под главенством сарайских царей. Следствием такого политического решения явилась передача всех «даней» с русских земель в Сарай. Этими даями сарайские правители не должны были делиться с Каракорумом.

Золотоордынские правители, получив, вероятно, из рук Александра право собирать в русских землях значительные средства, отказались от карательной экспедиции против мятежников Ростова, Яро-

Юрьев (позднее – Дерпт, сейчас – Тарту). Походные колонны повели вместо неевского героя его сыновья и братья...

¹ Берке построил новый Сарай на р. Ахтубе, близ современного Царева Городища, к востоку от Волгограда. В честь строителя город называли Сарай Берке или по-другому – Сарай Новый (Сарай-аль-Джедид).

² Задержка, вероятно, была связана с походом ордынцев в Закавказье против Абака, сына умершего хана Хулагу (брата Мункэ), завоевавшего Иран, Ирак и другие страны Южной Азии. Война шла за пастбища, расположенные на территории современного Азербайджана.

³ Хубилай, правивший в Каракоруме, принял новые условия политической жизни. Он и большинство знатных семей Монголии отправились в Китай, основав там династию Юань (Синюю).

славля и др. Вероятно, чтобы избавить родные земли от грозящего погрома, Александр обещал (и это как-то было фиксировано в «договоре») увеличение выплат с русских земель, возражать против чего в Сарае не могли: война в Азербайджане с соперничавшим ханством Хулагуидов (ильханов) была мало успешной и требовала все новых и новых затрат. Думается, что Александр согласился на «черный бор», т. е. двойное обложение русских в связи с войной в Восточном Закавказье. Позднее, «черный бор» собирался неоднократно, но зато Орда не проводила в русских землях принудительных мобилизаций молодежи (добровольцы приходили в Сарай и нанимались на ханскую военную службу). Вероятно, именно тогда (1262–1263 гг.) была отрегулирована «ярлычная система» передачи земель от одного князя к другому. Но при всей ее тяжести, материальной и нравственной, именно она, «ярлычная система», сохранила подавляющую часть русской территории во власти русских князей из рода Рюриковичей¹. Русские князья обеспечивали также почтовую (ямскую) службу на подвластных им территориях, они обеспечивали землей баскаческие отряды в разных районах страны², подчинились ордынскому таможенному режиму на речных и степных дорогах. Ордынцы сохранили налоговые льготы для православной церкви, ее земель, живущих на этих землях людей...

Были, наверное, переговоры, упрочившие статус православной епископии в Сарае (основана в 1261 г.)³.

Договор 1262–1263 гг. обеспечил стабильное политическое положение в Восточной Европе, создал для русских приемлемые условия жизни. Вероятно, следует говорить об относительной стабильности, об относительной терпимости («приемлемости») условий жизни в русских землях.

Этот политический подвиг стоил Александру Ярославичу жизни. Он умер, возвращаясь из Сарая, в Городце Нижегородском «в день памяти святого апостола Филиппа (14 ноября 1263 г. по Юлианскому календарю).

¹ Некоторые прилежащие к Дону районы, открывавшие легкие пути ордынской коннице в глубь русских земель (в частности – район Тулы), остались под прямым контролем сарайских царей.

² Память об этих баскаческих поселениях и землях, прилежащих к этим поселениям, сохранилась в топонимии современной России.

³ Иногда источники утверждают, что сарайская православная епархия возникла именно в 1263 году.

Приложение

В тексте знаменитого сочинения французского посла ко двору ка'ана Мункэ (Менгу) Виллема Рубрука (1220–1293) можно встретить такие строки: «In illo loco fecerunt Baatu et Sartach fiery quoddam casale de Ruthenis in ripa oriental qui transferunt nuncios et mercatores cum naviculis»¹. В том месте разрешили Бату и Сартах [=к], чтобы было построено селение руссов на восточном берегу (подчеркнуто авт.), на котором послы и купцы переходят с кораблей [на сушу]. В этом переводе заслуживают объяснения слова, подчеркнутые нами: «на восточном берегу» и «в том месте». Комментаторы единодушно, включая Н.П. Соколова, утверждают, что речь идет о берегу реки Дон несколько выше его устья. Вероятнее всего, посол из Франции сам покинул здесь судно, на котором он прибыл из Константинополя в 1253 г., что на месте этого «русского» поселения, жители которого, несомненно, несли определенные обязанности по разгрузке и погрузке морского транспорта. Позднее это первичное русское поселение было поглощено кварталами выросшего здесь крупного золотоордынского города-порта Азак (Азов – по-русски).

Кто те русские, которые были поселены здесь? Откуда они были переселены? И почему произошло такое переселение (поселение)? Нетрудно связать это событие с другим. За несколько месяцев до этого (летом 1252 года) с Сартаком² и его больным отцом Бату вел переговоры о русских делах Александр Невский. Переговоры эти принесли известные результаты: Александр получил ярлык на великое Владимирское княжение. Но не исключено, что миссия великого русского князя имела и другие результаты, а именно: упрочились связи между Сараем и русскими политическими центрами, в первую очередь – с Владимиром. Нам известно, что в ордынских городах (поселениях) стали появляться (строиться) на легальной основе православные церкви – этот процесс завершился созданием сарайской русско-православной епископии (1261–1263). Знают специалисты, что Сартак свое расположение к православию и русским выразил в согласии на брак своей единственной дочери с князем Глебом Васильковичем (тогда князь в Белоозере)³. Не исключено, что создание русского по-

¹ Латинский текст Рубрука взят из книги: Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Приложение I. Саратов, 1963. С. 447.

² Сартак – старший сын Бату. Из других известен в истории Улавчи.

³ Дочь эта была крещена. Получила имя Феодора (Федора). Брак был счастливым: у Глеба и Феодоры родились три сына: Демьян, Михаил, Роман.

селения в устье Дона – часть этих дружественных действий. Может быть, дружеский шаг в ответ на ходатайство князя Александра о своих соплеменниках¹. Можно также заметить, что Виллем Рубрук (на его родном фламандском языке – Рюсбрук)² интересовался русскими с особым тщанием и оставил ряд интересных сведений о русских на просторах империи Чингизидов.

¹ К сожалению, гибель Сартака в 1256 (или 1257 г.) привела в Сарае к кормилу правления враждебную русским и русскому православию политическую группировку младшего брата Бату по имени Берке. Для Берке характерно было тяготение к исламу...

² Вот как выглядит это имя в оригинале: Ruysbroek. Что-то в этом имени заключено от этнонима «рус»...

ГЛАВА 2. РУССКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ОРДЫНСКИМ ИГОМ. ЮГО-ЗАПАД И СЕВЕРО-ВОСТОК

Наш рассказ о политических действиях Александра Невского не должен восприниматься как идеализация ордынско-владимирских отношений. Отказавшись от возможности колонизовать или ввести прямой административный контроль над русскими землями (как это они сделали в соседних мордовских землях и Волжской Булгарии¹) золотоордынские ханы не препятствовали постоянному террору, грабежу и убийствам со стороны мелких и мельчайших отрядов («шаек»). Подсчитано, что за время, пока существовало «татарское иго», только восточные и юго-восточные русские земли пережили сорок восемь крупных татарских военных экспедиций². Едва ли меньшее их число вторгалось в южные и юго-западные области Руси³. Их цели - грабежи имущества и захват людей в «полон». Рабы были ходким и прибыльным товаром, в котором кочевому воинству охотно помогали купцы разных национальностей. Караваны рабов с Днепра, Волги, Клязьмы тянулись в Среднюю Азию и к черноморским портам, откуда их морем везли на продажу в страны Средиземноморья, в том числе - Египет⁴. Через сорок лет после прихода захватчиков, во Владимире епископ Серапион говорил⁵: «...кровью отцов и братьев наших, словно водой, напоили землю... А сколько их (русских людей) уведено в плен! Села наши поросли лесом... Богатство, труд, земля - все достояние иноплеменников». Насилия со стороны ордынцев ярко описаны в русском фольклоре⁶.

Традиционной политикой ханов стало обуздывать одного князя при помощи другого, питать их раздоры, приводить их силы в равновесие и не позволять никому из них укрепляться. Реализации этого

¹ На территории мордвы существовал, в частности, улусный центр Мохши (ныне, Наровчат Пензенской обл.). Землями по среднему течению р. Мокши с конца XIII в. управлял татарский мурза Сеид-Ахмед, в низовьях Мокши и на Цне другой князь - Бахмет (с 1298 г.). Мордовскими землями на р. Пьяне управлял Сегиз-бек. - История Мордовской АССР. Т. I, Саранск, 1977. С. 37.

² Соловьев С. М. История России... Т. 3-4. С. 540.

³ За двенадцать лет, с 1275 по 1287 гг. летописи зафиксировали шесть крупных татарских походов на Польшу, Литву, Венгрию через Волынь и Подолию, сопровождавшихся грабежами и насилием над русским населением этих областей. См. подробнее: Пашуто В. Г. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси... С. 200.

⁴ С 1262 г. правивших в Египте мамлюков и золотоордынских ханов связывали союзные отношения в целях совместной борьбы против монгольского государства Хулагуидов (ильханов), образовавшегося на территории Ирана и Ирака и вступившего в борьбу с Золотой Ордой из-за Закавказья (восточного) и с мамлюками из-за восточного берега Средиземного моря.

⁵ Цит. по: Греков Б. и Якубовский А. Золотая Орда (Очерки истории улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII - XIV вв.). Л., 1937. С. 194.

⁶ «...У кого денег нет, у того дитя возьмут, у кого дитяти нет, у того жену возьмут, у кого жены-то нет, того самого головой возьмут» и т.д. См.: Хитров М. Ук. соч. С. 206, 207 и др.

политического принципа служила система ханских «ярлыков» – своего рода письменных лицензий на управление тем или иным «княжеством», «уделом», «землей». Ярлыки выдавались, а нередко продавались с учетом принятой в русских землях системы старшинства князей рода Рюриковичей¹, но главным образом оценивалась преданность князя ханским интересам. Поездки князей в «Орду», обычно в столицу ее Сарай в низовьях Волги, за получением (покупкой) или подтверждением ярлыка стали обычным делом с 1243 г., когда Ярослав Всеволодович поехал к Батыю и «прииде пожалован» великим Владимирским княжеством². Сами поездки стоили немало, дороги были подарки, привозимые для ханского гарема и чиновников. Немало унижений испытывали приехавшие в Сарай князь и члены свиты³. Сарай стал местом интриг, бесконечных судов и разбирательств княжеских споров и раздоров. Ордынские владыки искусно стравливали русских феодалов, грабили их «мирным путем» в судебных палатах⁴, охотно отправляли с ними вооруженные отряды на Русь для военной поддержки избранных ими претендентов или послов, для мирного «посажения» на пожалованный (проданный) «стол»⁵. За 200 лет татарско-монгольского ига имело место не менее девяноста княжеских усабиц⁶.

«Поставленные» ханами на то или иное княжение Рюриковичи были обязаны обеспечить исправное поступление ханским сборщикам различных видов дани от подвластного населения, а также «подводной» и «ямской» повинностей. Чтобы не было «утайки» налогоплательщиков, на Русь были направлены специальные чиновники, «численники», которые в 1257–1259 гг. провели «подомную» пере-

¹ «Князь было общим, неотъемлемым названием для всех членов Рюрикова рода». – Соловьев С. М. История России... Т. 3-4. С. 486.

² Летопись по Лаврентьевскому списку... С. 496; см. также с. 477.

³ 20 сентября 1246 года погиб в Орде Михаил, князь Черниговский, за отказ пройти между костров и поклониться «кусту и огню, идолам их». Подробнее см.: Рассказы русских летописей XII–XIV вв., под ред. Лихачева. М., 1968. С. 86-88, 186.

⁴ Ярким примером ордынского суда является тяжба тверского князя Михаила с татарским послом Кавгадыем и московским князем Юрием Даниловичем (август-ноябрь 1318 г.), закончившаяся зверским убийством Михаила, избием его свиты и ограблением их имущества – Соловьев С. М. История России... Т. 3-4. С. 221-224.

⁵ Летописцы повествуют о трех случаях «посажения» с участием татарских уполномоченных на великокняжеский владимирский стол: Александра Ярославича (Невского) в 1252 г., сына Дмитрия Донского Василия и его внука Василия Васильевича. – Подробнее см.: Соловьев С. М. История России... Т. 3-4. С. 488.

⁶ Из них 16 междоусобных войн произошло на землях Владимирского княжения, 15 – на землях Новгорода Великого, 14 – в районе Москвы, 13 – на территории Тверского княжества, 9 – Рязанского, 9 – Суздальско-Нижегородского и т.д.

пись¹. Она повторилась в 70-х гг. XIII в.² Во многих городах поселились баскаки, осуществлявшие полицейский надзор за княжеской администрацией и населением, а вблизи городов были размещены баскаческие отряды, которые население также было обязано содержать. Вначале «дани» собирались «натурой» (зерном, льном, воском, мехами, изделиями ремесла и т.д.), но вскоре степные владыки стали требовать с населения серебряных денег (1275 г.). В городах и селах появились, как и всегда в подобных случаях, откупщики-«бессермены» (мусульмане) и кредиторы-евреи³, которые, пользуясь отсутствием достаточного количества наличных денег у крестьян и ремесленников, ссужали их под кабальные проценты, а затем за бесценок забирали продукты, произведенные их трудом. Многие труженики, не имея возможности уплатить долг, попадали в рабство, иногда целыми семьями⁴. Их продавали в рабство в далекие страны, зачастую разделяя детей и родителей, мужа и жену. Татарское иго не только «давило» экономически и политически, но стало моральным фактором, разлагавшим духовные устои подчиненных людей. Оно толкало слабых к предательству, эгоцентричных – к поискам беспринципного, но спасительного компромисса с захватчиками. Союзниками Батые, поставщиками провианта для его войска согласились стать князья «болховской земли» на востоке Галицко-Волынского княжества, среди них Борис Меджибожский⁵. На страницах Лаврентьевской летописи рассказывается о монахе-расстриге Зосиме (Изохим), принявшем ислам и ревностно помогавшем присланному из Орды «бессермину» грабить жителей родного Ярославля⁶. Снискали ли себе недобрую славу как ханские подручные ростовские князья

¹ «Новгородская первая летопись» сообщает: «почаша ездити оканьнии по улицам, пишучи дома христьянские». «Дом» или «сельба», «хозяйство» - такой принцип был выработан монголами при переписи в Северном Китае в 1216 г. Настоял на таком подходе известный советник Чингиза и Угэдэя уйгур Эллой-Чуцай, пригрозивший монгольским военачальникам, что при более тяжелом «поголовном» обложении «все разбегутся». Подробнее см.: Насонов А. Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.-Л., 1940. С. 14, прим. 4.

² Татищев сообщает, что в 1275 г. великий князь Василий Ярославич привез хану «по полугривне с сохи или двух работников», но хан. недовольный этой данью, велел снова переписать людей (История Российская... Кн. 4. С. 41). Никоновская летопись подтверждает это сообщение: «того же лета бысть на Руси и в Новгороде число второе изо Орды от царя и изочтоша вся точию, кроме священников и иноков и всего церковного причта». См. также: Насонов А. Н. Монголы и Русь... С. 14, прим. 5; Греков Б. и Якубовский А. Золотая Орда. Л., 1937. С. 168, 170.

³ В 1321 г., по свидетельству «Рогожского летописца», «в Кашин приехали «Гаянчарь Татаринь со Жидовином дльжником (т.е. кредитором, ростовщиком), много тягости учинили Кашину».

⁴ В «Лаврентьевской летописи» можно прочесть: «окупахутьботи оканьнии бесурмены дани и от того велику пагубу людем творяхугь, работяще резы (т.е. проценты) и многы души крестьянския раздно ведоша» (с. 252-253).

⁵ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. 1950. С. 226.

⁶ Летопись по Лаврентьевскому списку... С. 453. См. также: «Се повести временных лет». С. 290.

Глеб Василькович, Михаил Глебович, Федор Ростиславич, Константин Борисович, некоторые их родственники и свойственники: они охотно женились на татарских царевнах¹, ходили вместе с татарами в походы – в Литву (1275)², на Северный Кавказ против ясов (1278)³, грабили вместе с ними русские города и села (1281 – Переяславль, 1293–1294 – Ярославль⁴), прислуживали ханам и ханским сановникам на пирах⁵, подолгу жили в Сарае⁶. Двойственной была политика городецких и (позднее) нижегородско-суздальских удельных князей⁷.

Высшее православное духовенство в своей большей части также находило способ обеспечить себе приемлемое «сосуществование» с правителями Золотой Орды. Епископы (архиереи) водой и сушей спешили в Сарай и платили деньги за ярлыки, дававшие им право на управление тем или иным церковным округом (епархией)⁸. Получая немалые средства от продажи ярлыков, ханы освобождали духовенство от уплаты обычных для остального населения татарских даней⁹. Такими привилегиями обеспечивалась если не поддержка, то пассивная лояльность по отношению к захватчикам со стороны купленных льготными (иммунитетными) ярлыками церковных иерархов. В 1261 г. в Сарае образовалась особая русская православная епископия вместо закрывавшейся в разоренном Переяславле Южном. Уже первые сарайские архиереи Митрофан и Феогност стали доверенными лицами золотоордынцев, кочевали вместе с ними летом по степи, выполняли их ответственные дипломатические поручения в Византии, посредничали, блюдя интересы ордынских владык, между православной

¹ Первым женился в Орде в 1257 г. Глеб Василькович (Летопись по Лаврентьевскому списку... С. 451). Его примеру последовали другие члены семьи и родственники. Особенно «повезло» Федору Ростиславичу, правившему Ярославским уделом Ростовского княжества. Хан Менгу-Тимур отдал ему в жены свою дочь.

² Во время этого похода татары и их подручные пограбили много русских городов, в частности Курск.

³ В походе на ясов участвовали Глеб Василькович и его сыновья Михаил и Константин, Федор Ростиславич и др.

⁴ В 1293–1294 гг. рать темника «Дюдения» захватила Ярославль и водворила на княжеский стол Федора Ростиславича. - Летопись по Лаврентьевскому списку... С. 499.

⁵ В «Житии» Федора Ростиславича говорится, что он «всегда у царя предсташе и чашюподаваше ему».

⁶ Подробнее о судьбах ростовских князей. – Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Т. II. СПб., 1911. С. 78, 79, 82 и др.

⁷ В походе на Кавказ (1278) участвовал, к примеру, сын Александра Невского Андрей Городецкий.

⁸ После завоевания русских земель православные иерархи получали двойное утверждение - от константинопольского патриарха (на правоведения церковных служб) и золотоордынского хана (на право владения имуществом церкви).

⁹ Лучший анализ ярлыков был дан В. Григорьевым (О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842) и М. Д. Приселковым (Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград, 1916.).

церковью и константинопольским патриархом. Такой же политики придерживались их преемники в конце XIII – первые годы XIV вв.¹

Сближение «князей» и «княжат» из дома Рюриковичей, церковных иерархов с кочевой монгольско-тюркской знатю – явление, грозившее гибелью русскому народу, его культуре и государственности. «О, злее зла честь татарская», - напишет летописец, повторяя слова одного из православных епископов. О «томлении и муке» народа свидетельствуют современники той нерадостной поры в разных концах русской земли.

Однако, если, приглушив эмоции, попытаться трезво проанализировать факты, характеризующие историю русских земель от Батыева погрома до победы на Куликовском поле, то окажется, что судьба ее разобщенных «земель», «княжеств» за эти сто сорок лет была далеко не одинакова. В то время как Владимирское, Рязанское княжества, некоторые южнорусские земли страдали только от татарских даней и набегов, западные и юго-западные русские территории - Галиция, Волынь, Полоцко-Минское княжества, области, принадлежащие Новгороду и Пскову, оказались в более трудном положении. Они стали тем европейским регионом, где «ветер с востока» татарско-монгольской агрессии сталкивался с внешне не столь грозным, но, пожалуй, более планомерным и настойчивым наступлением с Запада, которое вели под руководством римских пап различные по рангу и положению католические государи Западной Европы, ополчения рыцарей-крестоносцев.

Наступление на Восток руководимых папством западноевропейских феодалов велось широким фронтом. В 1204 г., после двухлетней осады, крестоносцы овладели Константинополем, большинством греческих областей Балканского полуострова и попытались проникнуть на север в болгарские земли, но были разбиты болгарским царем Калояном при Адрианополе (1205г.). Начиная с 1200 г. активизировались крестоносцы и на землях Восточной Прибалтики. В 1201 г. был создан военно-монашеский орден «Братья Христова воинства» (меченосцы). В 1210, 1212 гг. меченосцы, продвинувшись на восток, атакуют Полоцкое княжество, в 1219 – псковские, в 1221 – новгородские

¹ А. Н. Насонов справедливо указывает: «Исключительным положением, в которое была поставлены Сарайская епископская кафедра, таким образом создавался как бы новый центр русской митрополии» (Монголы и Русь... С. 47).

земли. В 1226 г. произошла переброска Тевтонского ордена из Палестины в Пруссию, началось истребление пруссов. К 1219 г. относится подчинение ряда эстонских земель датскими феодалами. Тогда же по инициативе шведских феодалов было положено начало христианизации финнов и захвату их земель. После гибели в 1205 г. галицко-волынского князя Романа Мстиславича венгерские феодалы предприняли целый ряд политических и военных акций, чтобы отторгнуть Галицию. Венгерские войска неоднократно занимали Галич и некоторые другие ключевые пункты Галицкой земли (1208, 1209, 1211, 1219, 1232 гг.)¹.

Ослабление русских княжеств в результате ордынского нашествия активизировало крестоносцев католической церкви². Натиск был отбит с позором для интервентов: в 1240 г. на берегу реки Невы Александр Ярославич уничтожил шведскую рать, в 1242 г. он же на льду Чудского озера разгромил орденское войско, в 1245 г. Даниил Галицкий одержал верх над польско-венгерскими дружинами под г. Ярославлем, на берегу реки Сан³, однако борьба не прекратилась. И если на северо-востоке рубежи новгородской и псковской земель оставались во вторую половину XIII – первую половину XIV вв. под надежной охраной⁴, то на западе происходили иные процессы.

После победы у Ярославля Даниил Романович Галицкий стал правителем всей западной Руси вплоть до Днепра, включая разоренный Киев. Претендуя на верховенство среди русских князей⁵, Даниил выдвинул программу активного противоборства с золотоордынскими феодалами и опоры на военно-политическую мощь европейского Запада. Он ведет сложную политическую игру при папском дворе, надеется путем женитьбы приобрести для своего сына Романа Австрийское герцогство и т.д. В 1255 г. (или годом раньше) послы римского папы вручат ему королевскую корону (он получает титул – «rex Rus-

¹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси... С. 194, 196, 201, 206, 211 и др.

² Об организующей роли римских пап в подготовке крестоносно-католической агрессии на восток см.: Рамм В. Я. Папство и Русь в X- XV вв. М.-Л., 1959. С. 100, 109, 112, 124, 130, 138-139, 145.

³ Сражение произошло 17 августа 1245 г. Против Даниила Галицкого сражалась коалиция, в которую входили венгерский король Бела IV и его зятя - правитель Кракова и Малой Польши Болеслав Стыдливый (женат на дочери Бела IV Кинге) и Ростислав Михайлович (в прошлом черниговский князь, укрепившийся в Перемышле, женат на другой дочери Бела IV - Анне). Даниилу помогал половецкий отряд. После поражения Ростислав ушел из Галиции навсегда, поселившись на юге Венгрии. – Пашуто В. Т. Очерки... С. 230-232.

⁴ О причинах этого речь будет впереди.

⁵ Подробнее об этом см.: Пашуто В. Т. Очерки... С. 251 и след. Из старых работ заслуживает внимания Шараневич И. История Галицко-Володимирской Руси от наидревнейших времен до року 1453. Львов, 1863. С. 92, 97 и др.

siae illustris»¹). Как показало время, эта политическая программа оказалась ошибочной. Даниил не получил ни военной, ни денежной помощи. И если предводительствуемые галицко-волынским князем дружины еще как-то оборонялись от набегов расположившейся в приднепровских степях орды темника Куремсы², то поход рати одного из лучших золотоордынских полководцев Бурундая 1258-1259 гг. потряс основы созданной «королем» Даниилом политической системы. Во второй половине XIII в. наступает резкое ослабление галицко-волынской державы, которое используют и соседствующие на юге ордынские ханы, и северные соседи – «кунигасы» вновь образовавшегося Литовского княжества. Первые захватывают под свои кочевья «низовые» земли на Пруте, по Днестру, Бугу, превращают Приднестровье в арену междоусобных войн³. Вторые после Бурундаева погрому подчиняют себе без борьбы Новгородок (Новгород малый, Новогрудок), Берестье, Хмельник, Сурож, Белски-Бански. Руководивший литовскими войсками в этом походе Радивил стал называть себя так: «Жмойтской и Литовской земли дедичный пан, перший великий князь русский Новгородский»⁴. К 1279 г. под контролем Литвы оказывается вся «Черная Русь» со Слонимом, позднее – земли Полесья и распавшегося Полоцкого княжества. В XIV в. Гедиминас (1316–1341) и Ольгерд (Альгирдас) переносят свои действия на территорию Волыни и Киевской земли. Здесь с ними соперничают, наряду с ордынцами, король вновь окрепшего польского государства Казимир Великий, а также (в меньшей степени) венгерские феодалы. В 1352 г. Казимир и Альгирдас разделили основные области бывшего русского королевства. Волынь получили литовцы, Польше досталась Западная Галиция со Львовом. Галицко-Волынское княжество перестало существовать⁵, и его самостоятельная история прекращается навсегда.

Агрессия Польши и литовских кунигасов сопровождалась, а иногда облегчалась довольно интенсивной миграцией в опустевшие после татарских набегов, княжеских междоусобиц, войн с венгерскими, польскими феодалами и литовцами города и села торговцев, ремесленников, крестьян из Западной и Южной Европы⁶ – немцев, ев-

¹ Шараневич И. История.... С. 97.

² Иногда как местопребывание Куремсы указывается район Переяславля Южного.

³ Имеются в виду войны конца XIII – начала XIV вв. между Ногаем и Тохтой.

⁴ ПСРЛ. Т.32. С. 19.

⁵ Этому обстоятельству способствовало и прекращение великокняжеского рода галицких Рюриковичей со смертью Юрия II (около 1323 г.).

⁶ Начало миграции было положено Даниемом в середине XIII в., который начал приглашать «немцы и Русь,

реев, армян¹, караимов², в меньшей степени – поляков и литовцев (преимущественно пруссов), что не могло не вызвать изменения структуры социальных связей и отношений, в первую очередь – в западнорусских городах.

Если попытаться из сложных перипетий политических конфликтов и составлявших их основу социально-экономических процессов, происходивших в западных областях русской земли во второй половине XIII – XIV вв., выделить главную тенденцию, то нельзя не признать ею формирование обширного двуэтнического литовско-русского государства. В его состав вошли среднее Поднепровье с Киевом (1362 г.), еще ранее – Полоцк (1307), Смоленск (1339), Брянск (1356), Мстиславль (1358) и другие земли на восток от Днепра. Вступление в состав «Великого княжества Литовского и Русского» освобождало от ордынской дани. Поддержку со стороны русских феодалов и городов находила веротерпимость литовских «язычников» к православию. Политические союзы крепились межнациональными браками. Часть языческой знати с этой же целью принимала христианство.

К концу XIV в. злободневным стал вопрос о полном политическом подчинении восточнославянских земель литовской феодальной верхушкой. В 70 гг. XIV в. ориентацию на такое объединение взяли правящие круги константинопольской православной патриархии. Митрополит Киприан, поставленный «на Русь» патриархом, хотя и с колебаниями, пытался проводить церковную политику, направленную к этому. В 1398 г. Великий кунигас Витовт (Витаутас, 1392-1440 гг.) даже согласился принять от изгнанного из ордынских степей хана Тохтамыша, при согласии митрополита Киприана, ярлык на владение «Северщиною, Великим Новым городом и Псковом и немцы, всеми великими княжениями Русскими»³. Витаутас, несомненно, был выдающимся политиком и талантливым полководцем, но история не признала его мандат на управление всеми русскими землями. События конца XIV в. и в первую очередь Куликовское сражение свиде-

иноязычники и ляхи». Много немцев и поляков было приглашено им во вновь основанный Львов. – Пашуто В. Т. Очерки... С. 164; сравни: Шараневич И. История... С. 92.

¹ Армяне расселились во Львове, Галиче, Снятыне и др. В XIV в. была образована епископия Армянской церкви с центром во Львове.

² Древние привилегии Литовско-Волынских караимов, извлеченные из замка Луцкого. – «Временник МОИДР». Кн. XVI. М., 1853.

³ Подробнее см.: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV – XV вв.). М., 1975. С. 224 и след.

тельство, что за прошедшее после Батыева нашествия полтора столетия баланс политических сил в Восточной Европе складывался в пользу выросшего под сенью великого Владимирского княжества молодого Московского государства.

Как удалось «порабощенной Руси» (А. С. Пушкин) выжить и не только выжить, но и поднять на угнетателя победоносно разящий меч? Где корни Куликовской победы? Заметим сразу, что основные факторы, вызвавшие такую метаморфозу, нельзя обнаружить в быстро менявшейся конъюнктуре. Они лежат глубже...

Политика ордынских ханов на русских землях, как и в других подвластных регионах, это не «политика» волка, ворвавшегося в овчарню и стремящегося как можно скорее перегрызть всех находящихся в ней овец, а «политика» пастуха овечьего стада, который заинтересован стричь овец дочиста, но боится вместе с шерстью снять и шкуру. Паразитирующая на дани с подвластных народов феодальная знать «дикого поля», понимая всю опасность, грозящую ей от улучшения хозяйственного положения русского и других народов, тем не менее ради удовлетворения своей жажды к преумножению богатства мирилась с расширением их производства. Следует иметь в виду и другое обстоятельство: после военной добычи и дани, так сказать, «третью» статью в доходах правящей верхушки Золотой Орды составляли торговые пошлины и прибыли от непосредственного участия в коммерческих операциях на великих караванных путях, соединявших Восточную Азию (Китай, Вьетнам, Корею, Японию) со странами, расположенными на берегах Средиземного моря и в Западной Европе¹. Отсюда политика поощрения торговых операций купцов различных племен и народов², в том числе - и русских. И еще одно: в отличие от других частей древней Руси, Владимирское княжество и интегрировавшаяся с ним Великоновгородская республика территориально превосходили совокупность всех других русских «земель» и располагали на севере и северо-востоке обширной пригодной для сельскохозяйственной и промысловой колонизации территорией, практически недоступной для иноземных захватчиков. Имеются в ви-

¹ О высоком уровне развития торговли в Золотой Орде свидетельствуют раскопки столичных городов этого государства – Старого Сарая (Сарая Бату) и Сарая аль-Джедид, ставшего ханской резиденцией во второй четверти XIV в. (при хане Узбеке). См., например: Греков Б. и Якубовский А. Золотая Орда... С. 113, 116;

² В XIII–XIV вв. во всех монгольских государствах купцам, особенно членам крупных торговых домов или артелей, было отведено почетное место. Многие купцы и целые торговые компании были близки к ханской власти. – Греков Б. и Якубовский А. Золотая Орда... С. 116.

ду земли Онежского и особенно Северодвинского бассейнов, Карелии, Приуралья, побережья холодных («дышючих») морей Северного Ледовитого океана. Недаром гениальный Пушкин заметил, что «невообразимые равнины России поглотили силу монголов»¹.

Эти объективные обстоятельства действовали не фатально. Только в напряженной борьбе «выя народная»² могла воспользоваться ими. Сколь ни скудны исторические сведения, дошедшие до нас от той глухой поры, они с большой долей определенности свидетельствуют, что татаро-монгольское иго не убило трудовую активность русских людей. Основа основ экономики восточного славянства – земледелие – быстро справилось с кризисом, вызванным разрухой в наиболее развитых сельскохозяйственных районах. Крестьяне уходили из доступной степной коннице лесостепной зоны и так называемых «ополий»³ в лесные районы. Вызванный набегами ордынцев, начался процесс освоения хотя и менее плодородных, но, тем не менее, пригодных для земледелия лесных чащоб («внутренняя колонизация»)⁴, появился набор сельскохозяйственных орудий, пригодных для обработки засоренных пнями и корягами, плохо выровненных, имевших тонкий плодоносный слой лесных почв, в частности – «кодовые» и «перовые» двузубые сохи⁵, лесная борона («смыка», «смык», «смыг»)⁶. Царицей лесной целины стала более урожайная, чем пшеница, озимая рожь. В глубине лесов появляются поселения – «зимницы»⁷, «починки», «деревни» и т.д.⁸

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. VII. М., 1949. С. 307.

² Из В. Н. Брюсова. Избр. соч. Т. I. С. 447.

³ «Ополье» – это более или менее обширная поляна (система полей) в глубине лесов, оставшаяся от существовавшей здесь ранее степи. Таково, например, Владимиро-Суздальское ополье – житница тогдашнего русского севера.

⁴ Освоение лесных зон было явлением, свойственным не только нашей стране. В Западной Европе монашеский орден цистерцианцев приступил к расчистке лесов во второй четверти XII в. К цистерцианцам присоединились феодалы, свободные крестьянские общины. Однако леса Западной Европы, даже самые большие – Арденнский лес, Богемский лес – не могут сравниться с лесными просторами Восточной Европы.

⁵ Именно во второй половине XIII в. сохи этих типов стали «наиболее распространенным орудием» (Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян северо-восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 45, 46). «В русской письменности термин «соха» в значении, позволяющем связать его с названием земледельческого орудия, встречается во второй половине XIII в.» (Там же, с. 44). Несколько позднее появилась соха с перекидной полицей (Там же, с. 41). «При более вертикальном положении рассохи (и, следовательно, сошников) у древнерусских двузубых «коловых» сох пахарю... легче было маневрировать сохой на лесной, изобилующей корнями почве (а тем более - при поднятии нови на расчищенном от леса месте), например, приподнимать или даже вытаскивать из земли соху, чтобы миновать встретившийся корень». - Очерки по истории русской деревни X–XIV вв. С. 29.

⁶ Эти орудия применялись, правда, эпизодически, в наших нижегородских северных районах вплоть до коллективизации.

⁷ В судебном списке 1529 г. приводятся слова свидетелей, что на земле Гороховской волости «исстари» были «зимницы Раменских деревень на убежища от татар». – Горский А. Д. Очерки... С. 258, прим. 1.

⁸ Подробнее – Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв. М.-Л. 1936.

Наряду с «внутренней», имела место и «внешняя» колонизация. Она охватила обширные пространства от верхней Волги до Белого моря, от Онежского и Белого озер – до Уральского хребта. Начался довольно быстрый подъем сельского хозяйства в Кубенской области, в Подвинье, Обонежье. Экономическую активность крестьянства на этих землях стимулировали не только безопасность от хищников Дикого Поля, но и отсутствие здесь владений русских феодалов. Это были «черные» земли общинного землепользования¹, обрабатывавшие их были людьми свободными, во всяком случае более свободными, чем крестьяне других областей. Русские крестьяне-землепроходцы двигались и дальше – на севере они обжили берега Белого моря, появились сначала на Терском (южном)², а позднее Мурманском (северном) берегах Кольского полуострова³, вышли к Ботническому заливу («Каяноморе»)⁴, на восток – осваивали верховья Камы⁵, бассейн р. Печоры («Югру»)⁶, достигли Северного Урала и перешли его⁷. Освоение северных земель делалось не ради выращивания хлебных нив. Отсюда в Новгород Великий, Владимир, Москву поступали такие ценные товары, как пушнина высшего качества, соль с побережья Белого моря, продукты лесных и морских промыслов, серебро Уральских гор⁸, охотничьи птицы⁹. Приток серебра и пушнины был особенно важен, потому что в то время, как и прежде, они служили у славян средством обмена. Серебряная «гривна», весившая обычно около 200 граммов, являлась «крупной» де-

¹ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. М. 1976. С. 130, 131. 134 и др.

² «Новгородская летопись» под 1216 г. сообщает о сборе дани на Терском берегу. См. подробнее: Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М. 1961. С. 7

³ Около 1251 г. Александр Невский подписал с норвежским королем Хаконом «Разграничительную грамоту», по которой Кольский полуостров и Печенгский край были признаны территорией, платившей новгородцам дань. – Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки», № 14. 1945. С. 56.

⁴ В 1323 г. Юрий Данилович, великий князь Владимирский и князь Великого Новгорода, заключил со Швецией мирный договор (Ореховецкий договор), по которому граница владений Великого Новгорода была отодвинута до северных берегов Ботнического залива. – См. подробнее: Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 64.

⁵ Об освоении пермского края и обращении в христианство местных племен в XIV в. рассказывает «Житие Св. Стефана Пермского». – См. подробнее: Соловьев С. М. История России... С. 561. Известно, что князь – Юрий Данилович отправился в Орду через Устюг – Усть-Вымь-Вычегду и по Каме до Волги, это было в 1324 году.

⁶ Под 1194 г. Новгородская летопись сообщает о походе воеводы Ядрея на Югру. Судя по тексту, это был не первый поход в этот край (НПЛ. С. 40, 232).

⁷ Горский А. Д. Очерки... С. 93. В 1363 г. в Новгород приехала рать с воеводами Александром Абакуновичем и Степаном Ляною, воевавшая по реке Оби «до моря». ПСРЛ. Т. IV. С. 65.

⁸ Жители Югры пытались помешать походу новгородцев в 1194 г., сообщали им, что «копим серебро...» для уплаты «своей дани» (НПЛ, с. 40). В 1332 г. Иван Калита «приде из Орды и возверже гнев на Новгород, прося у них серебра закамьского». – Подробнее: Насонов А. Н. Монголы и Русь... С. 19, прим. 6.

⁹ На Печору московские сокольники ходили еще при Иване Калите, а позже при Дмитрии укрепляются в Усть-Выме.

нежной единицей¹, мелкой разменной служили шкурки куниц, белок и т.д. Наличие средств обращения стимулировало внутренний рынок, создавало возможность сбыта продукции крестьянского хозяйства², развития промыслов и ремесел, городских и сельских.

Батыево нашествие и последовавшие за ним военные набеги и «мирный» грабеж ордынских чиновников были направлены в первую очередь на русские города - крупнейшие средоточия народного богатства и культуры. Многие из них были уничтожены, другие утратили большую часть населения. Прекратили существование многие ремесла по причине гибели или угона в рабство специалистов: зернь, чернь, перегородчатая эмаль, полихромная поливная керамика, скань – некоторые надолго, другие навсегда³. Пришли в упадок на длительный срок зодчество, живопись... Однако упадок городской жизни был не повсеместным. «Эстафету» от южнорусских приняли северные города, расположенные в стороне от обычных путей кочевников. «Процесс развития производительных сил в Новгородской феодальной республике не был прерван, и во второй половине XIII в. они продолжали развиваться по восходящей линии. Своего расцвета, как экономического, так и политического, Новгород достиг в XIV в.». Крепли и другие торгово-ремесленные центры (Псков, Галич, Великий Устюг, Белоозеро, Вологда и др.). Особенно большого подъема достигло в них железообрабатывающее производство, базировавшееся на местном сырье, – железо на севере в то время добывалось из болотной и луговой руды⁴, – обработка кож, выделка стеклянных украшений и т.д.

Продолжали после некоторой «заминки» развиваться и традиционные для лесной полосы сельские промыслы: соледобыча и солеварение⁵, сбора воска и меда⁶, изготовление льняных изделий.

¹ Подвигина Н. А. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого... С. 70-71.

² «О развитии местных рынков, «крестьянской торговли» на Руси XIV–XV вв. см.: Горский А. Д. Очерки... С. 107, 108.

³ «Зернь» и «чернь» стали изготавливать лишь в XVI в., перегородчатая эмаль исчезла навсегда. – Подвигина Н. А. Очерки... С. 50.

⁴ Подробно этот вопрос рассмотрен Б. А. Колчиным (См. Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси, МИА, № 32, (1953); Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология), МИА, № 65, (1959).

⁵ Добыча соли и солеварение имели место в Галиче Мерянском, Соли Галицкой, Вологде, Костроме, Нерехте, Переяславле Залесском, Ростове, на месте будущей Балахны. – Рыбаков Б. Д. Ремесло Древней Руси... С. 540-545.

⁶ В XIV в. возникло пасечное пчеловодство, что резко увеличило товарную массу меда и воска на рынках.

Русские товары находили сбыт на внешних рынках. Пушнина, воск, мед, лен, льняные ткани пользовались спросом и в Западной Европе, и на азиатских рынках, и в странах, расположенных на берегах Средиземного моря. Ожилились торговые пути из Новгорода Великого через Волхов и Ладожское озеро, далее по Неве на Балтику, по Волге через Городец и Нижний Новгород в Сарай и дальше на восток, из Москвы и Рязани по Дону¹ в венецианскую колонию Тану (в устье Дона) или генуэзские в Кафе и Судак². К середине XIV в. была восстановлена русская торговая фактория в Константинополе³. В конце XIII в. натуральные повинности в пользу Золотой Орды оказались замененными платежами серебром. Факт денежной дани (по полугривне с сохи) зафиксирован источниками под 1275 г. Столетием позже после похода Тохтамыша Дмитрий Донской собрал по «полтине» с каждой деревни⁴. В начале XV в. одна Москва отправляла в Орду 5000 руб. денег⁵. Факт указывает на накопление этого благородного металла, в том числе у податного, трудящегося населения – накопление, которое могло произойти через рынок посредством сбыта товаров собственного производства, причем первичными его источниками следует назвать не только уже упоминавшееся «закамьское серебро» или серебро из холмов Донецкого хребта (кряжа)⁶, но и серебро, полученное на внешнем рынке в обмен на пушнину и некоторые другие товары. Об увеличении роли серебра на рынках свидетельствует и введение в конце XIII в. в Новгороде Великом более мелкого, чем гривна (96 золотников серебра), средства обмена из серебра – рубля (равен половине гривны)⁷. Несколько позднее в Москве стали чеканить «полтину» или «московский рубль» (меньше 24 золотников), а во второй половине XIV в. – «деньгу», составляющую

¹ Донской торговый путь был кратчайшим и экономически наиболее выгодным; он позволял иметь непосредственные торговые связи с большим числом государств, в первую очередь - с итальянскими торговыми городами. Вот как описывает этот путь один из современников, сопровождавший будущего митрополита Пимена в Константинополь (1389 г.): «из Москвы до Рязани водой, в Рязани три струга и насад были поставлены на колеса и привезены к берегу Дона и водой по Дону до Азовского моря и далее в Константинополь». – Соловьев С. М. История России... Т. 3-4. С. 463.

² К XIV в. в Москве образовалась группа купцов-сурожан, державших в своих руках донской путь.

³ Тихомиров М. Н. Византия и Московская Русь. – Исторический журнал, 1945, № 1-2. С. 9-10.

⁴ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Петроград, 1918. С. 329.

⁵ Близкую сумму давала Новгородская земля. Тверские земли – 2000, Нижегородско-Суздальские – 1500.

⁶ О том, что в XIV в. на холмистых склонах Донецкого хребта «рыжие русы» добывали серебро, написал великий арабский путешественник Батута (или – ибн Батута), прошедший во главе каравана северным берегом Азовского моря в середине XIV в.

⁷ Древнейшее упоминание рубля содержит берестяная грамота, датированная концом XIII в. – Подвигина Н. А. Очерки... С. 72.

1/100 московского рубля¹. Важно подчеркнуть, что Русь копила серебро благодаря превышению экспорта над ввозом (положительный внешнеторговый баланс). К концу XIV в. серебряные монеты чеканили уже Суздаль, Городец и другие города. Экономическая устойчивость в первый период татаро-монгольского ига и прогрессирующий подъем в этой сфере общественной деятельности позднее во многом были обусловлены сохранением таких форм народной организации, как сельские земледельческие общины и городские вечевые собрания. Это были основные структурные единицы русского общественного устройства той поры, обеспечивавшие его упорядоченное функционирование. Они же организовывали народную борьбу против татаро-монгольских угнетателей, обеспечивали княжеской власти помощь в организации предприятий по защите русских земель². На западных землях сельская община сохранялась, но города, наполнившиеся мигрантами из других стран, потеряли прежде им принадлежавшее общественное значение.

Именно «простые люди» из народа вынесли главную тяжесть противоборства со степными хищниками. Вот краткая и, конечно, неполная хроника народных выступлений против феодалов Дикого Поля и их приспешников: с 1257 по 1260 гг. горожане Великого Новгорода сопротивлялись налоговой переписи и уплате дани Золотой Орде; в 1262 г. восстание охватило Ростов, Ярославль, Кострому, Суздаль, Владимир, Великий Устюг «и по всем городам Русским» - оно было направлено против откупщиков-иноземцев³; в 1289 г. в Ростове «граждане створиша вече и изганаша» татарских сборщиков налогов, в 1293 г. ханский прислужник Федор Ростиславович только с помощью ордынской военной силы («Дюденева рать») смог сломить сопротивление горожан Ярославля и сесть там на принадлежащий ему удельно-княжеский «стол»⁴, в 1293 г., во время похода Дюденовой рати, в

¹ Федоров Г. Б. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия (1359–1425) – «Материалы и исследования по археологии Москвы». Т. 2. М. 1979; Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века: - «Записки нумизматического отделения Русского Археологического общества». Т. II. Вып. 1-2. СПб., 1910.

² Мы имеем в виду «посошное ополчение», «посоху», само название которого указывает нам на его происхождение в XIII в., когда соха стала податной единицей. В трудные моменты в посоху брали одного от трёх или двух от трех мужчин-работников в доме. Чернов А. В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. М., 1964. С. 27.

³ Вот текст из Устюжского летописного свода: «...бысть вече (вече) на бессермены на всем градам русским, и побита татар везде, не терпяше насилия от них...». - Устюжский летописный свод (Архангельский летописец). М.-Л., 1950. С. 47.

⁴ См. подробнее: Соловьев С. М. История России... С. 196-197; Насонов А. Н. Монголы и Русь... С. 61.

Твери «...целовали крест бояре к черным людям такоже и черные люди к боярам, что стати с единого битися с татары...»¹; в 1304 г., когда умер великий Владимирский (ранее – Городецкий) князь Андрей Александрович, усердный прислужник золотоордынцев и притеснитель народа, вечевые собрания Костромы и Нижнего Новгорода осудили и казнили некоторых его бояр². В 20-х гг. XIV в. восстания вспыхнули в Ростове (1320)³, Твери (1327) и других городах⁴. Особенно крупным считается восстание 1327 г. в Твери, где был истреблен в уличной битве большой татарский отряд⁵.

Приведенные здесь летописные рассказы о городских мятежах свидетельствуют о твердости и непримиримости народа. Они дали практические политические результаты: после восстаний 20-х гг. XIV в. степные владыки стали поручать сбор даней князьям, убрав с Руси большую часть «бесермен-откупщиков», с конца XIII в. стали покидать Русь баскаческие отряды⁶ – последние из них были расформированы после восстаний 20-х гг. XIV в.⁷ Тем самым благодаря решительным действиям «простых» и «черных» русских людей были сделаны первые, пусть еще небольшие, шаги к освобождению Родины от иноземного засилья.

¹ Насонов А. Н. Монголы и Русь... С. 68.

² Соловьев С. М. История России... С. 225: «в Нижнем Новгороде избиша чернь бояръ Ондреевыхъ; и пришедъ князь Михайло их Орды и изби вечниковъ».

³ «Быша зли татарове в Ростове; и собравшиися люди, изгони их из града». – Насонов А. Н. Цит. соч. С. 57.

⁴ Зимин А. А. Народные движения 20-х гг. XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси. – «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии». Т. IX. № 1. 1952. С. 61-65.

⁵ Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1980. С. 24.

⁶ Определенную роль здесь сыграла политика Ногай, правившего самостоятельно западной частью Золотой Орды почти 20 лет (до 1299 г.), который был склонен в обмен на поддержку против хана Сарая дать некоторые послабления дальним от его кочевий княжествам русского Севера и Северо-Востока. Вероятно, именно Ногай пошел на «коммутацию» части натуральной формы дани в денежную. Во всяком случае, раньше всего баскаческие отряды исчезли из Москвы, Твери, Переяславля, находившихся под контролем Ногай.

⁷ Зимин А. А. Народные движения... С. 61–63.

ГЛАВА 3. РУССКИЙ СЕВЕР В XIII ВЕКЕ И ПОЗДНЕЕ¹

Мощные опустошительные валы нашествия кочевых орд на юго-восточные земли заставили многие русские семьи оставить свои обжитые, но разоренные земли и уйти в глухие леса европейского Севера, вплоть до Белого моря, куда не проникали конные отряды ордынцев.

Основными путями передвижения русских переселенцев традиционно служили реки. Поднимаясь на ладьях (или ушкуях) по рекам, которые впадали в Волгу с севера: от Нижнего Новгорода, Городца и Юрьевца шли по реке Унже, от Костромы и Ярославля – по реке Кострома русские землепашцы, переволакиваясь через многочисленные водоразделы, попадали в реки, которые уже текли на Север. С Унжи, например, к реке Юг, а с реки Кострома к реке Сухона, а по этой реке – в Северную Двину. На р. Сухону можно было «пройти» от Верхней Волги по Шексне через Белое озеро волоками к о. Кубенскому, из которого Сухона вытекает. Здесь необходимо заметить, что в X–XIII вв. Белоозеро находилось «вне пределов Новгородской земли», «тяготело к Ростову»².

Этими дорогами водными (летом) или ледовыми (зимой) двигались крестьяне из Волго-Клязьминского междуречья и из сел и городов верхневолжского Правобережья (ил. 1.).

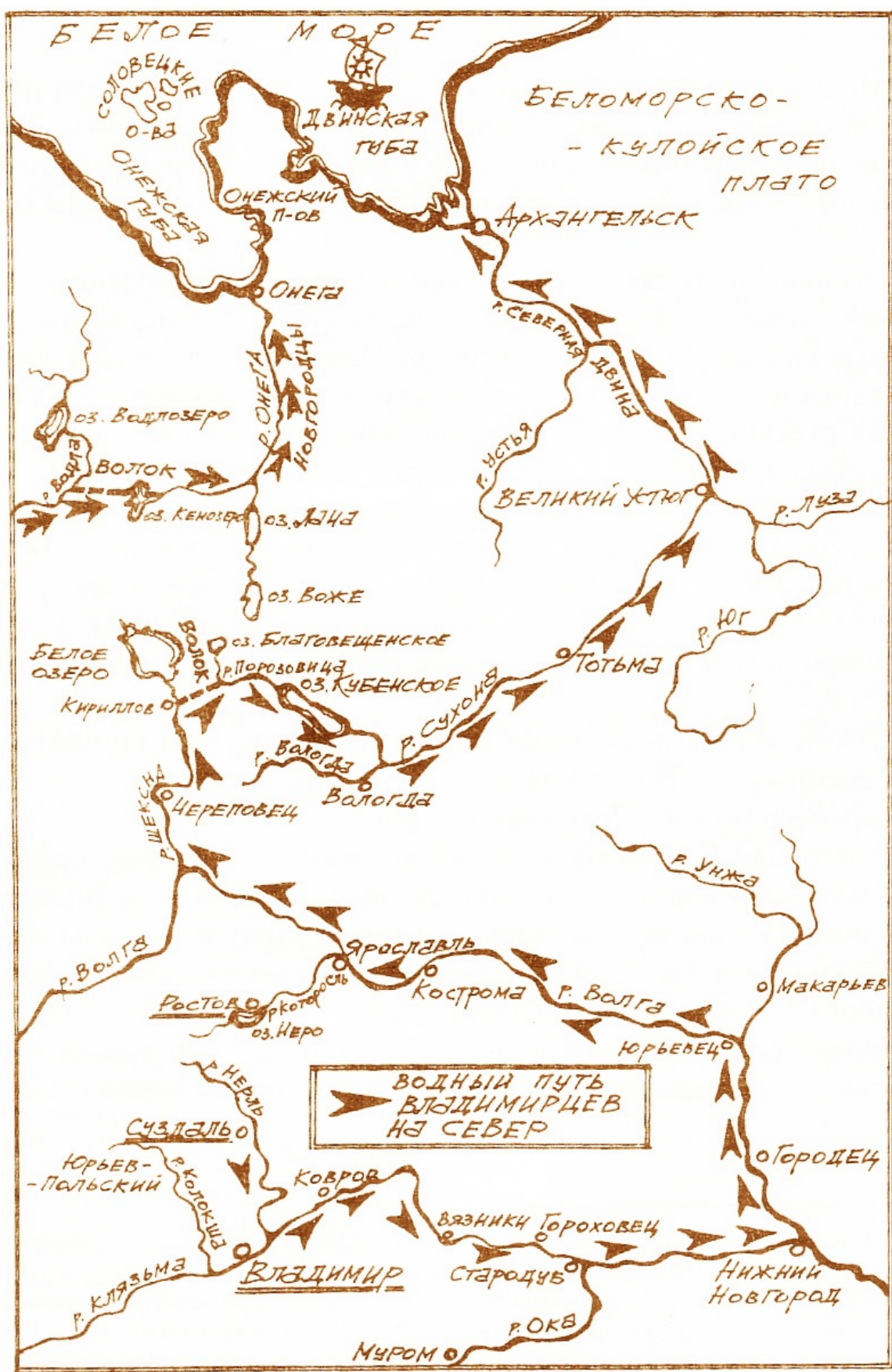
Новгородцы, владевшие берегами Онежского «моря», передвигались через ряд коротких, но полноводных рек бассейна Водлоозера, выходили к Кено-озеру и далее по речному стоку из Кено на верхний плес реки Онеги³ (ил. 2). Был и дополнительный ход для новгородцев: из района современного г. Тихвина через трудные волоки на северо-восточный берег Белоозера и оттуда по р. Ухтоге до волока в речку Модлону, впадавшую в о. Воже. Далее по р. Свидь в о. Лача, далее в верховья Онеги⁴. Вот район этих озер (Белое, Кено, Лача, Кубена), к которым следует приплюсовать о. Воже (между о. Лача на севере и Кубенским о. на юге), и мелких рек, в них впадающих, стал важным звеном в северорусской колонизации.

¹ Глава написана совместно с А. С. Петряшиным. Иллюстрации также выполнил Петряшин.

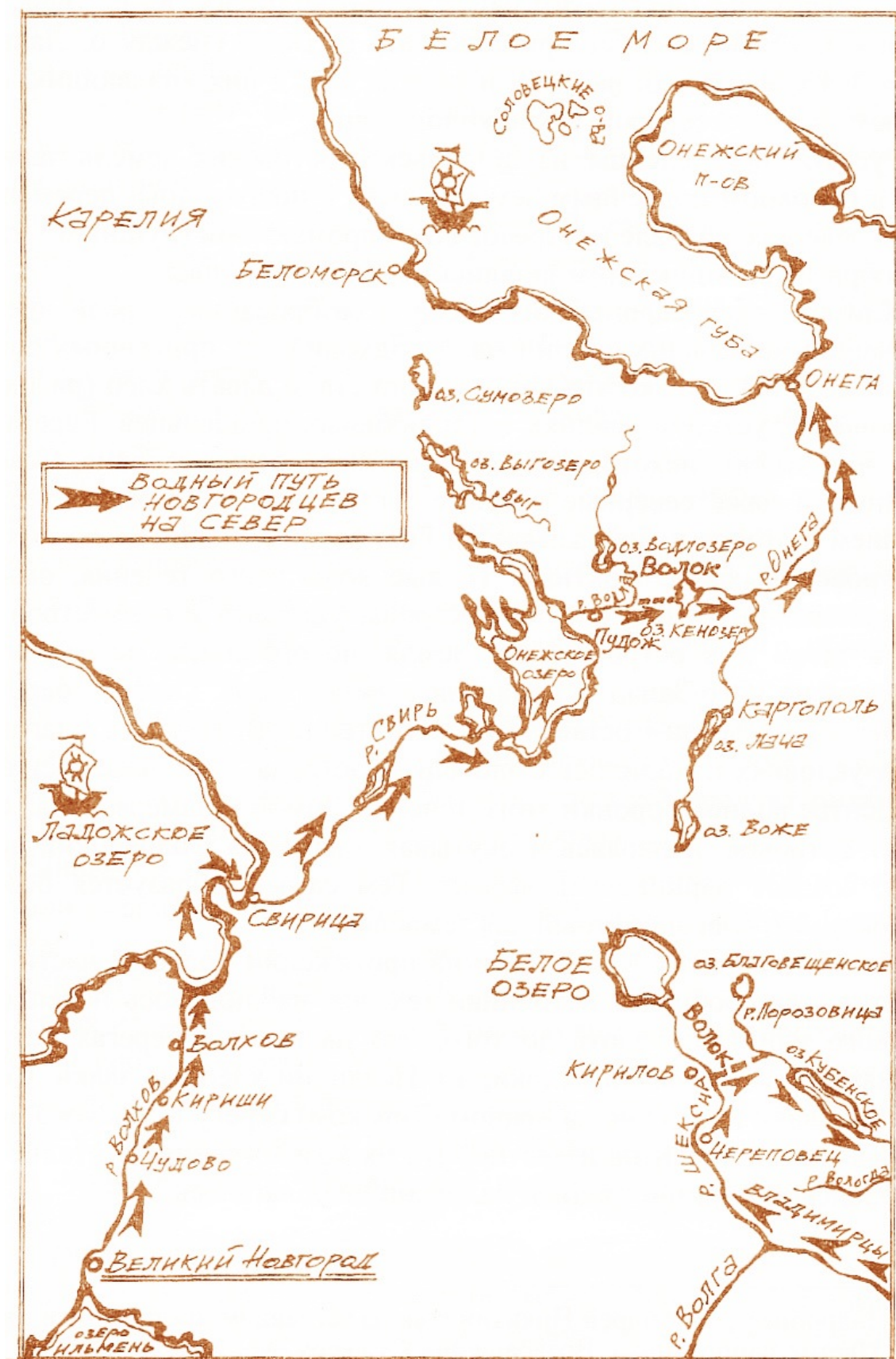
² Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) – Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. П., 1986. С. 15.

³ Обращаем внимание на зеркальность гидронимов – «Онего-море» и р. Онега. Такое словоупотребление подразумевает реальную (транспортную) связь обозначаемых объектов.

⁴ Подробнее см.: Никитин А. Цветок папоротника. Возвращение к Северу. М.: Мысль, 1972. С. 74 и др.

Ил. 1. Водный путь владимирцев на север

Ил. 2. Водный путь новгородцев на север

Русские переселенцы из суздальско-ростовских земель занимались в основном подсечным земледелием, а новгородцы, перемещавшиеся севернее, вначале интересовались промыслами (пушным – главным образом) и лишь затем занялись обработкой почвы.

Климат североевропейских лесов и разбросанных среди древесных чащоб небольших ополей мало подходил для привычных способов земледелия, однако эти худые земли стали давать хлеб (ржаной – в основном), уступив усилиям трудолюбивых пришельцев. Берега Белого моря имеют некоторые особые климатические условия. Северо-западные и даже северные ветры с Атлантики, подогретые теплым течением, которое ныне называется Гольфстрим, значительно смягчали суровое дыхание Арктики. Теплые воды этого течения, омывая Скандинавский и Кольский полуострова, упираясь в полуостров Канин, а затем и в остров Новая Земля, поворачивали через пролив («горло») на Юго-Запад и попадали в Белое море. Омывая берега и острова, Гольфстрим оставлял им свое тепло. В наиболее благоприятных условиях находились Соловецкие острова. Они оказались в самом центре водной воронки этого течения. Зимой незамерзающая вода вокруг островов, испаряясь и окутывая «дымкой» Соловецкий архипелаг, создает парниковый эффект. Тем самым образуется особый микроклимат, благоприятный для земледелия.

Кроме того, в IX–XIII вв. и на протяжении большей части XIV столетия, как сообщают источники тех лет, наблюдалось потепление мирового климата, вплоть до того, что на южных берегах острова Гренландия выращивали яблоки, а в Исландии хлебные злаки. Сеяли хлебные злаки и русские на южном (Терском) берегу Кольского полуострова¹. Из документов известно, что их хозяйственная деятельность новгородской администрацией налогами не облагалась.

Обездоленные русские земледельцы, оставив далеко позади и хищников степей, и отечественных обирал, уходили на суровые вольные берега северных рек и озер Онежского и Двинского бассейна и далее на север – к Беломорью, в северную Карелию, к тундровым просторам полярного Приуралья. Часто пробирались на далекие земли семейными группами и даже поодиночке. До сих пор остались старые названия поселений, красноречиво говорящие об именах тех переселенцев. Например: на карельском берегу Белого моря – изба

¹ Терский берег – северный берег Белого моря. Земледелие прекратилось на этих землях к концу XV века, когда наступило общее похолодание в Северной Европе.

Морозова, изба Викулина; на Онежском полуострове – изба Ильина, изба Котова, изба Тимофеева; восточнее, на Беломорско-Кулойском плато, – изба Никольская, изба Светлая, изба Сивкова, изба Лемехова и др.; вблизи р. Мезени – изба Савватей. Многие другие названия поселков начинались со слов «изба», «избы». Само слово «изба», вообще не встречающееся в средней полосе России, говорит о том, что некий Викула или Савватей, каждый со своей семьей, пришел и поселился на этом месте. Со временем рядом с первым поселенцем построили дома другие русские мужики, сохранив название населенного пункта по имени первого главы семейства, обосновавшегося здесь.

Русские землепашцы, обживаясь на новых местах, в первое время поддерживали свою жизнь охотой, рыболовством, сбором грибов и ягод. Однако всегда стремились создать основной продукт питания – хлеб. Природная тяга хлеборобов к земле брала свое. Постепенно приспособляясь к новым условиям, земледельцы путем проб и ошибок начинали осваивать ближайшие лесные поляны, а позднее (немного позднее!) приступили к раскорчевке девственных лесов. Перед ними стояло несколько трудноразрешимых задач.

Первая из них – как в условиях короткого и прохладного лета вырастить и собрать урожай. Здесь следует учесть то, что в северных широтах лето становится долгим полярным днем и солнце порой вообще не уходит за горизонт, вращаясь по небосклону. Поэтому солнечной энергии вполне хватает для вызревания хлебных злаковых культур.

Вторая задача – какое зерно посеять в верхний прогреваемый слой почвы. Для этих целей лучше всего подходили зерна ржи. Неприхотливая к суровым погодным условиям – заморозкам и прохладным ветрам – рожь успевала созревать в таком климате.

Третья, самая трудная задача – каким образом можно было заложить зерна в разрыхленный очень тонкий питательный слой почвы, не повредив его, среди камней, корней огромных деревьев, в лесной чаще? Однако и с этой задачей опытные русские земледельцы справились. Они применили для обработки земли давно известную им соху, усовершенствовав ее применительно к новым условиям и усложнившимся задачам.

Еще одна задача – обеспечить соху (соответственно – борону) тягловой силой. Здесь русских землепроходцев выручили местные породы коней, с древнейших времен разводимых здесь финскими эт-

носами (эстами, карелой, весью и др.). На обширных приречных и приозерных землях, занятых заливными лугами, ими разводились табуны лошадей, так сказать двойного назначения: как транспорт и как средство пропитания¹. На землях североевропейской равнины в раннесредневековое время сложился своеобразный хозяйственно-этнический комплекс, основанный на разделении труда. Славяне занимались земледелием и обменивали продукты своего труда на продукты коневодства и самих лошадей с живущими рядом финнами-конекормцами².

Земледельцу, прежде всего, необходимо было подготовить будущее хлебное поле под посев. Хотя русские люди давно были знакомы с подсечной (подсека: диалектные названия – сеча, лядо, лядина, пал и др.)³ системой земледелия, все-таки северные леса отличались от лиственных и смешанных лесных массивов южнее реки Волги. Земледельцы южных и средних областей выбирали для своих хлебных полей большие лесные поляны, «суходолы» или припойменные луга, такие как, например, Владимирско-Суздальское ополье или ростовское приозерье на берегах о. Неро. На севере же иное дело – тайга с огромными вековыми деревьями, буреломом; сопки с каменистой почвой, изрезанной большими и малыми реками и болотами.

В самом начале, определенный под хлебное поле, относительно ровный участок (чаще на южном склоне)⁴ очищали от больших и малых камней. Зимой, обычно в январе – феврале, когда мороз испарит влагу из древесины, отбирали на отведенном участке наиболее ценные для строительства стволы деревьев, оставляя ветки с хвоей и небольшие деревья. Подсеку начинали делать во время наиболее интенсивного роста деревьев и кустарников – в начале лета. Деревья подсекали топором как можно ближе к земле, почти без пеньков. Поваленный лес должен был покрыть ровным слоем весь участок, при этом корни травы, оказавшейся под поваленным лесом, за лето подгнивали. Высохший лесоповал сжигали иногда осенью того же года,

¹ Летопись свидетельствует: ...чудь (эсты – авт.), меря, весь (вепсы – авт.), мурома, черемисы, мордва, печера, ямь (емь, финское племя – авт.) для русских исконные «данники» и «конекормцы». – Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1891. С. 2. Известный историк Ю. А. Кизилев отмечал, что «... привязанностью финно-угров к животноводческо-промысловому хозяйству...» во многом обусловлена их миграция в бассейны северных рек, часто параллельно со славянами. – Кизилев Ю. А. Земли и народы России в XIII–XV вв. М., 1984. С. 38 и след.

² Вспомним древнюю русскую пословицу: «С боярами знаться честно, с попами свято, [а] с мордвой (язычниками – авт.); хоть и грех, да лучше всех». – Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях (хрестоматия). Ред. Е. В. Кузнецов. М.: ГИУС, 1992. С. 110.

³ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 37.

⁴ Такие удобные участки (ровные и на «солнцепоке») находились нечасто и были небольшие по своей площади.

но чаще всего в конце зимы или ранней весной следующего¹. При этом старались пережечь и дерн, и корни травы, и оставшиеся пни. Для этого тлеющие кучи хвороста и бревна (валы, валки) перекатывали по всему участку с помощью длинных деревянных вил. Работа эта была тяжелая и опасная. Как очевидно, подготовительный цикл занимал целый год или даже немного более года – январь одного – март следующего – неоптимальный цикл.

Подготовленная таким образом почва на свежей подсеке в некоторых случаях не требует дальнейшей обработки сохой, бороной и удобрением. После этого «лядина» готова к принятию зерна, которое после сева заделывают бороной. Иногда свежую подсеку приходилось перед сошной пахотой обрабатывать вручную – мотыгой, которую северорусские люди называли тяпка, цапка, копаница, копыло и т.д. Мотыгой подрубались и измельчались длинные несгоревшие корни. На подготовленном таким образом участке увеличивалась толщина питательного слоя, достаточного для роста и созревания культурных растений с мочковатой корневой системой. Оставшиеся от больших деревьев пни, хотя и мешали при вспашке, но, пока не превратятся в труху, тоже выполняли полезную функцию: они поднимали своими корнями (как своеобразными насосами) влагу из нижних слоев к пахотному слою, что совсем не лишнее при интенсивном солнечном подогреве в летнюю пору.

Землю подсеки приходилось обрабатывать осторожно, не повреждая верхнего тонкого питательного слоя земли. В сравнении с южными и средними областями Восточноевропейской равнины, где слой гумуса был значительным, и его обрабатывали плугом, переворачивая пласт земли на 180 градусов, на северных землях такой способ вспашки земли был совершенно недопустим. Кроме того плуг, который делал ровные борозды и один отвал земли, засыпал бороздку другого отвала, предыдущего, при наличии большого количества оставшихся пней и корней, и не смог бы беспрепятственно пройти поле. Плуг не подходил для обработки пашни на северной кочковатой земле с подзолистой почвой. Для подготовки почвы к посеву в северных широтах требовалось разрыхлить землю, «процарапывая» ее поверхность, обходя препятствия. Для этой цели как нельзя лучше подходи-

¹ Поздней весной, когда земля подсохла, поджог сухостоя мог при сильном ветре (порыве ветра) или небрежности вызвать большой лесной пожар. Они, наверное, случались тогда, хотя не столь часто как в современной Сибири, когда жгут сухостой – траву, кустарники и др.

ло такое землеобрабатывающее орудие как соха. Соха имела в те давние времена совсем примитивное устройство: суковатое бревнышко, у которого были обрублены все ветви, кроме одного или двух наиболее крепких и удлиненных. Это орудие часто изготовлялось из вершины сосны или ели. Поэтому оно называлось «вершалина» (ил. 3). К толстому концу вершалины приделывались оглобли.

Наиболее простая борона также мастерилась из вершины ели или сосны. Ствол расщепляли на доски, обтесывая их с одной стороны и оставляя сучья длиной 35-80 см с другой стороны. Затем эти доски привязывали к поперечинам зубьями вниз по 3-8 шт. в ряд. Крайние тесины были длиннее средних и служили оглоблями (ил. 4). Северорусская борона из сучьев – суковатка. Такая борона с гибкими заостренными сучьями позволяла рыхлить почву и заделывать в нее зерна, проходя через препятствия, или огибая их.

Эти мобильные орудия позволяли обрабатывать ниву, среди которой торчали многочисленные пни, маневрируя между ними. Движение пахаря и лошади при этом осуществлялось не столько в двух параллельных направлениях с одной стороны поля к другой (вперед и назад) как в южных областях при вспашке плугом, а в основном с угла на угол. Такой способ позволял обрабатывать почву вокруг пней со всех четырех сторон, не оставляя длинные огрехи. При этом бороздки на земле располагались под углом, образуя ромб (ил. 5).

Очевидно, такой рисунок бороздок пашни при подсечной системе земледелия и послужил основой древнего славянского орнамента, обозначающего вспаханное поле – ромб с точкой внутри. Этот элемент является основным символом земледелия и наиболее часто встречается в орнаментальном украшении мужской и женской одежды северорусских жителей.

В XIII–XIV веках русские переселенцы, уже опытные земледельцы, были знакомы с более совершенными конструкциями сохи, чем примитивная «вершалина», и, нередко, меняя местожительство, перевозили с собой эти легкие орудия. Позднее устройство сохи стало совершенствоваться. Северорусская «черкуша» с одним сошником, как и более древнее рало¹, не разрезает почву и не отваливает пласт, а царапает, рвет землю, дробит и тем самым рыхлит ее. Полицы у нее нет. Название «черкуша» связано с глаголом «черкать», по-

¹ Рало – наиболее древнее пахотное орудие у славян. Археологи находят фрагменты этого орудия уже в древних культурах Восточной Европы.

тому что черкуша не пашет землю, а черкает, царапает ее, прокладывая тонкие и узкие борозды»¹. До XX века «дожила» так называемая «белорусская» сошка с металлическим наконечником, но она уже и оборудована отогнутыми полицами, которые отваливали землю на стороны (ил. 6).

Обработка одним ральником даже небольшого участка земли занимала много времени, пахарю приходилось проделывать с сохой и лошадьё немалый путь – 1 га около 60 верст, эти версты проходили по несколько раз, дабы разрыхлить почву. Поэтому для ускорения дела к одному сошнику прибавили второй, а затем и третий (ил. 7)².

Позднее стала применяться на северных землях так называемая «русская соха», широко распространившаяся в средней полосе в конце XIV–XV вв. (ил. 8).

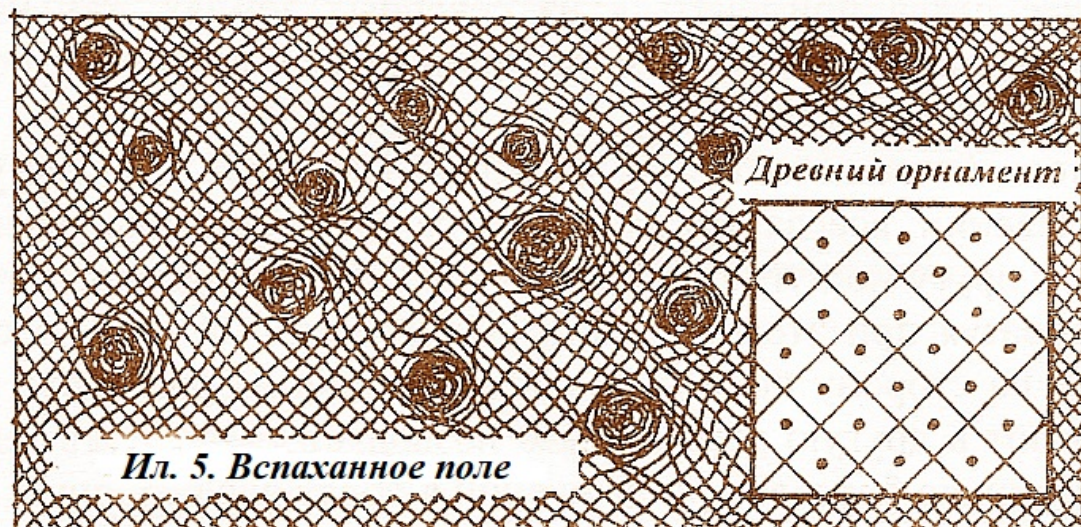
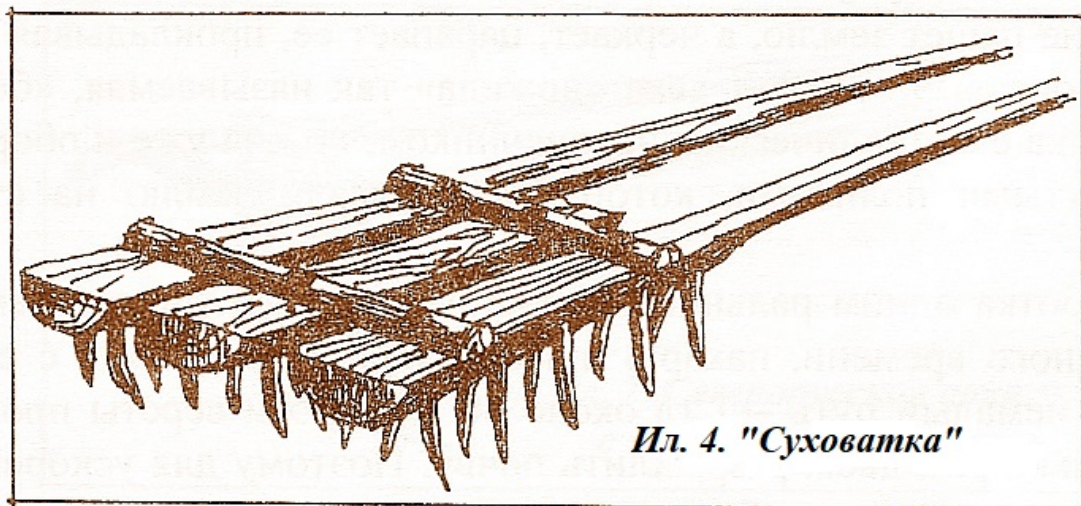
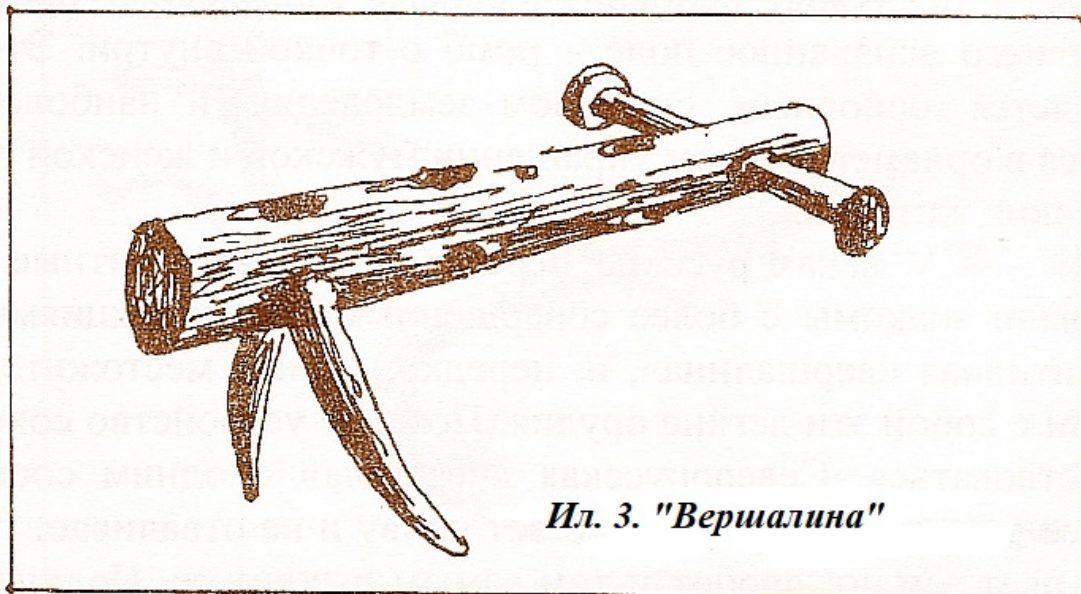
У «русской» сохи «нового» времени (XIX–XX вв.), как установил Д. К. Зеленин, всегда два железных ральника, которые располагаются друг к другу под углом. Поэтому ральники подрезают почву желобком, образуя при этом земляной валик, который в свою очередь отваливает на сторону полица. В конце участка на развороте полицу поворачивают в другую сторону, что позволяет укладывать земляной валик в прежнюю борозду при движении в обратную сторону.

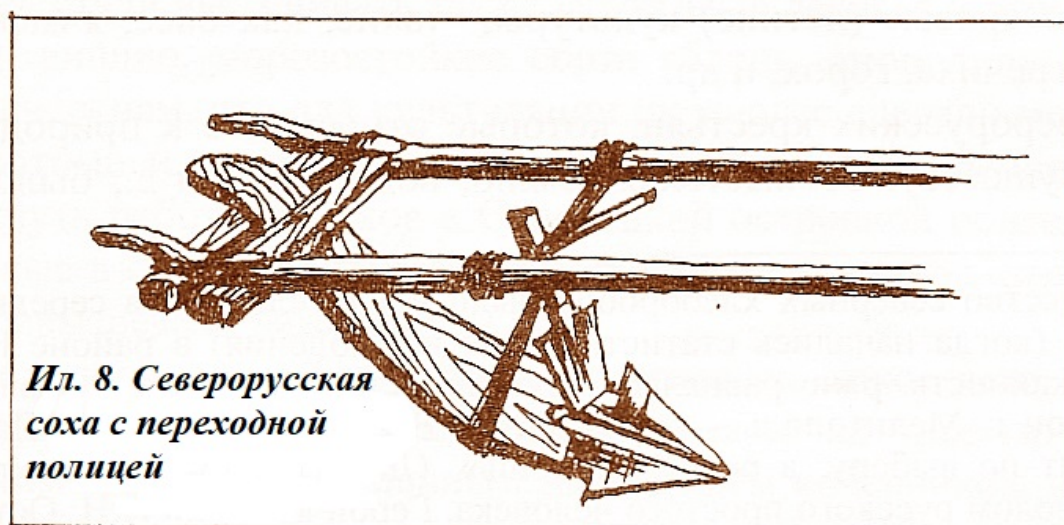
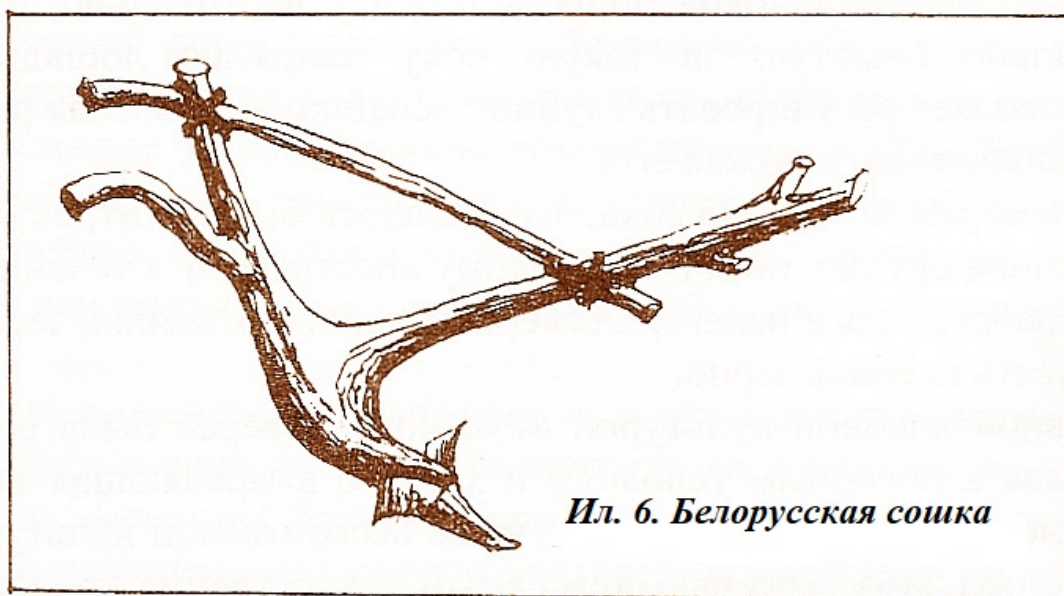
Обычно сохой пашут, наклоняя ее то вправо, то влево. При этом один из перовых ральников подрезает почву вертикально, а другой горизонтально. Зачастую в такую соху запрягают лошадь без дуги, что позволяет регулировать глубину вспашки – поднимая ральники через седельник или опуская его.

Таким образом, именно соха, это, казалось бы, нехитрое сельскохозяйственное орудие, помогло русскому крестьянину в течение XIII–XX вв. обрабатывать в нелегких северных условиях землю, засеивать ее и выращивать хлебное зерно.

¹Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 40.

²Там же. С. 49.

Основной хлебной культурой «Русского Севера» была рожь, неприхотливая к погодным условиям и хорошо вызревающая за короткое северное лето¹. Выращивали ее чаще всего озимой культурой, засеяв поле под зиму – осенью, тем самым искусственно продлевая вегетационный период и освобождая себе время весной для других сельскохозяйственных работ. Собирая урожай, северорусские крестьяне использовали богатый исторический опыт предков. Рожь жали серпом и косили северорусской короткой косой-горбушей. Ставили снопы, а если они были влажными, то сушили их на специальных высоких и широких лестницах, поставленных вертикально. В дождливое время снопы перед обмолотом сушили в овинах или ригах, с помощью теплого воздуха от костра. Обмолот зерна производили на токах цепями. Обмолоченное и провеянное зерно везли на мельницу и мололи в муку.

Кроме ржи, северорусские крестьяне выращивали и другие полевые, часто яровые (летние) культуры, такие, как овес, ячмень, лен, конопля, гречиха, горох и др.

У северорусских крестьян, которые относились к природе как к живому существу, обожествляя землю, воду, лес и т.д., было много поверий и обычаев. Еще сильные языческие верования, вместе с христианскими, сформировали ритуалы, которые предваряли и сопровождали каждый период сельскохозяйственной работы. Так, например, бросая первые горсти зерна в пашню, русский крестьянин крестился и кланялся на все четыре стороны, говоря при этом: «Дай, Боже, урожай всем православным христианам». Начинать сев необходимо было в чистой рубахе и обязательно натошак, чтобы уродилось побольше хлеба. А лен принято было сеять голым: «Уродись, ленок, мне на одежду».

Кроме выращенных кормовых культур для домашнего скота, таких как овес и вика, в северных широтах на заливных лугах, лесных полянах и высохших болотах бурно произрастало высокое, сочное и душистое разнотравье. Сенокос считался не особенно трудной, радостной работой; на сенокос ехали в чистых нарядных одеждах, с пес-

¹ Искусство северных хлеборобов было удивительным: в середине XIX века (когда начались статистические наблюдения) в районе Вологды урожайность ржи равнялась урожайности пшеницы в Новороссии (район г. Мелитополь – в частности). В народе говорили: «Пшеничка парит по выбору, а рожь – сплошь» (Даль В. И.). Ржаной хлеб стал символом русского простого человека. Герой комедии А. Н. Островского, отставной солдат-сторож, говорит своей хозяйке: «Ты, барыня, пшеничная (слабая – в смысле), а я ржаной (твердый, сильный)». В северных деревнях Нижегородчины еще в период НЭПа (20-е гг. XX века) на свадьбе молодым подносили ржаной каравай, так как это – наш «русский хлеб».

нями. Сена заготавливали в достаточном количестве, не особенно напрягаясь. Луговые угодья стали базой для разведения крупного рогатого скота, овец...

Рядом с домом, или недалеко от него, северяне для выращивания овощей устраивали огород. Возделав землю лопатой и мотыгой, они сажали в огородах репу, тыкву, морковь, брюкву, огурцы, лук, чеснок и капусту. Многие эти овощи давали неплохой урожай и их заготавливали впрок на долгую зиму: солили капусту и огурцы в дубовых и липовых бочках, хранили в погребах корнеплоды.

С XVI в. используя опыт монастырских хозяйств, северорусские крестьяне стали выращивать также фруктовые деревья и ягодные кустарники: вишню, морозостойкие сорта яблонь, смородину, крыжовник. Подчеркнем, что для культивации их многое сделали монастыри, их грамотные и опытные по жизни подвижники, особенно следует подчеркнуть работу монахов в Соловецкой островной обители, которые первые в своем регионе создали крупное тепличное хозяйство. В теплицах вызревали даже арбузы.

Север, воля, снега без границ, короткое, но яркое лето, потепление климата в XIII–XIV веках, плодородная почва – все это позволило русским людям, обездоленным нашествием кочевников, не только выжить в труднодоступных местах, но и удобно обустроиться. Обжившись в непривычных условиях на новой земле, русские мужики со своими семьями построили великолепные храмы, крепкие просторные избы, развели скотину, подняли и засеяли землю, растили детей.

На столе у хозяйственного мужика было все, что только душа пожелает: ржаной хлеб, домашняя птица, яйца, мясо домашних животных, а также продукты охоты и рыбалки; молоко, масло животное и растительное. Немалым подспорьем служили разнообразные меха, добытые на охоте – их продавали заезжим торговцам, отвозили на местные ярмарки, рынки и др.

Окрепнув и прочно «став на ноги», северорусские крестьяне стали вести торговлю в центре Руси, в Москве – в частности, тем самым помогая ей укрепнуть в экономическом отношении. Огромные караваны с пушниной, рыбой, кричным железом и медом шли в Москву. В северных реках мыли золото, в больших количествах добывали речной «скатный» жемчуг¹. Скалы Карелии давали в изобилии по-

¹ Жемчуг давали речные моллюски. Его было так много, что в Москву добытый жемчуг везли в бочках. В 1612 г. поляки вместо железной картечи заряжали свои ружья жемчужными зернами. Конечно, ради пьяной забавы...

лудрагоценные камни. Где-то в бассейне рек Печеры и Камы находили серебро (см. этот текст выше). Ловчие птицы из северорусских земель считались лучшими как в Европе (южной), так и в Передней Азии (у арабской знати – особенно).

Москва являлась перевалочным пунктом – ярмаркой для Европы и Азии. Именно за счет севера Иван Данилович Калита, обогащаясь, сумел экономически присоединить к Москве многие русские княжества. Тем самым соха и умение русского человека приспособливаться к любым жизненным условиям помогли освоить Север, что явилось экономической базой возрождения от татаро-монгольского нашествия всей Русской земли.

ГЛАВА 4. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ОРДЫНСКОГО ИГА

Судьбы народов определяют не только (порой – не столько) материальные достижения, но и развитие (совершенствование) их духовных ценностей. Успехи в духовном просвещении русских людей со стороны православного духовенства стали едва ли не важнейшим компонентом возрождения русско-национальной государственности. Именно в годы ордынских насилий произошел решающий перелом в русском народном сознании: язычество отодвинулось далеко на его периферию, православные убеждения, христианские церковные ритуалы стали определять не только каждодневный бытовой режим русских людей, но их коренные нравственные и государственно ориентированные устремления.

В том, что так случилось, заслуга большого количества православных священников нескольких поколений. Среди них можно встретить громкие имена, окруженные уважением порой даже поклонением современников, но еще больше рядовых священнослужителей, оставшихся безвестными грядущим поколениям, но благодаря повседневным, кропотливым заботам и трудам которых выжил русский народ, поднялся с колен и встал в один ряд с самыми знатными этносами Евразии. Больше того, русский народ создал величайшее государство – Русское государство, Россию...

Как крупная политическая единица, Русское государство заявило о себе в конце XV века. Однако процесс народного и государственного строительства начался за два века до этого, в темные годы господства ордынских ханов и бесконечных распрей среди княжеской верхушки общества. И следует четко определить наш главный тезис: именно церковная иерархия во всех ее звеньях – от митрополитов до рядовых священников – начала дело народного возрождения и сумела обеспечить этому возрождению первые, на поверхностный взгляд – скромные, успехи. И эти успехи следует искать не в политической сфере, а в области нравственного (морального) существования большой массы населения в городах и аграрных селениях будущей России.

Православное духовенство создало этническую доктрину, используя новозаветные заповеди и духовные достижения православных подвижников – византийских, болгарских, сербских и др. Но – подчеркнем – не столько умные мысли, сколько глубокое духовное

переживание (сопереживание) происходящих вокруг и подле бед и несправедливости послужило основой для православной программы нравственного воспитания народа. Нравственное воспитание – это, в первую очередь, создание идеалов («идеальных» моделей поведения) и внедрения их в социальную жизнь (практику общественных отношений). Сочетать эти две позиции: идеал и его практическое претворение – можно было единственным путем: через литературные произведения и церковную проповедь, черпавшую свои образы и идеи в этой литературе.

Заметим, что литературные произведения XIII–XIV вв. писались образованными людьми, т.е. почти исключительно членами русской православной церкви. Дошедшие до нас литературные произведения XIII века немногословны, но они отличаются яркостью стиля, высоким духовным настроением и, что самое замечательное, общностью идейных установок. Нам известно достаточно хорошо одно имя – Серапион Владимирский. В начале взрослой жизни монах Киево-Печерского монастыря, он затем становится архимандритом этой монашеской обители в древнейшем русском городе. Последние годы жизни (1274–1275) Серапион – епископ Владимирский. Им было написано несколько «Слов», вошедших в сборник «Златая цепь». Сборник этот стал образцом для церковной православной проповеди, особенно после решений церковного собора 1273 года, состоявшегося во Владимире и собравшего значительную часть сановитых и авторитетных православных епископов, игуменов, настоятелей соборных церквей и др. Именно в 1273 году были приняты «Правила Кюрила» (Кирилла)¹, которые определили деятельность православной церкви на ближайшие несколько десятков лет². Серапион в своих проповедях выступает как убежденный православный христианин, уверенный, что божья милость и помощь только временно покинули русский народ. «Се уже и 40 лет приближаеть томление и мука. Кто же ны до сего доведе?»³...» И Серапион отвечает: «Наша безаконье и наши греси

¹ Кирилл – «митрополит Киевский и всея Руси» с 1250 г. Друг Даниила Галицкого, он после сближения Даниила с римским папой и императором германским (1255 – Даниил был сделан королем) активно сотрудничал с Александром Невским. В частности, именно митрополит Кирилл благословил войско Александра на поход в Финляндию (1256 г.).

² На соборе 1273 г. первенствовали «христороубцы» – священники и миряне. По их инициативе были приняты решения по искоренению языческих пережитков и укреплению православных устоев, в особенности по совершенствованию богослужения и проповеди. См.: Печников М. В. Новгородско-псковское движение стригольников XIV–XV вв. Автореферат кандидатской диссертации. М., 2001. С. 19.

³ Иначе: кто же виноват? Не был ли Серапион в русской истории первым, кто сформулировал традиционный и роковой для России вопрос?

(грехи – авт.), наша неслушанье, наша непокояние»¹. Причины побед недругов и несчастий русских людей лежали в сфере нравственного несовершенства соотечественников – таково мнение Серапиона. Но положение отнюдь не безнадежно: «Лучши, братья престанемъ (отойдем – авт.) от зла, лишимся всехъ дел злыхъ...». Перечень того, что мешает, чего следует «лишиться», весьма обширен. Он содержит четырнадцать пунктов бытового и социального характера. Здесь и ростовщичество («резоименье»), лживые показания в суде («лживые послушства»), обиды слабым со стороны сильных, «грабленье» простых людей... К этому Серапион присоединяет «лихвы», «обиды», включая «татьбу», «грабленье», «разбой», ложь и клевету. К числу общественно значимых нарушений нравственности проповедник относит также «пьянства», «прелюбодейства», «скупость» и т.п.

Мысли Серапиона перекликаются с идеями неизвестного нам автора «Повести о разорении Рязани». Вот как рисует рязанский писатель идеальный облик русских князей (дается в адаптированном виде): «...Мужественный ум имели, в правде–истине пребывали, чистоту душевную и телесную без порока соблюдали... С чистой совестью, и крепостью, и разумом держали свое земное царство... Плоти своей не угождали... И многие труды и победы по правой вере показали. А с погаными половцами часто бились за святые церкви и православную веру, а отчизну свою от врагов безленостно оберегали. И милостыню неоскудную давали и ласкою своею многия из неверных царей, детей их и братьев к себе привлекали и к вере истиной обращали». Автор «Повести...», пожалуй, даже больше, чем епископ, подчеркивает религиозную (православную) основу морального совершенствования. Идеальные правители – это те, кто «от самых пеленок Бога возлюбили... О церквах Божьих усердно пеклись... Святые дни святого поста четко хранили и во все посты причащались святых пречистых и бессмертных таинств...».

Следует сказать, что идеал русского князя и православного человека был воплощен писателями XIII в. в реальном лице – в Александре Ярославиче Невском. Специалисты установили, что биографический материал стал собираться еще при жизни святого князя. К сбору материала был причастен некий Тимофей (пономарь – одно время), входивший в ближайшее окружение князя и присутствовав-

¹ Петухов Е. Серапион Владимирский – русский проповедник XIII в. СПб., 1888. С. 5 и след.

ший при его последних днях. Скорбь Тимофея по поводу кончины Александра поражает силой и искренностью: «... горе тебе, бедный человеке. Как опишешь ты кончину господина своего? Как не выпадут у тебя зеницы вместе со слезами? Как от тоски не разорвется твое сердце? Оставить отца человек может, а доброго господина нельзя оставить, с ним и в гроб бы лег, если бы можно было...» и т.п. Со слов самого Александра автор рассказывает о Невской битве и ее героях, он кладет в основу своего сообщения о Ледовом побоище также рассказы «самовидца»... Облик князя рисуется без обычных стилевых фигур, которые использовали монахи – авторы «житийных» текстов. Александр, в его описании, смахивает на древнего героя: ростом заметно выше других, голос его – труба Иерихонская, лицом Иосиф Прекрасный, сила его половина Самсоновой (!), зато у него «премудрость Соломона», храбрость Веспасиана (римского императора)...¹

Установлено, что тексты Тимофея дорабатывались при участии митрополита Кирилла, который хоронил Александра и фиксировал чудеса «во гробе» неевского героя². Следовательно, образ князя уже в XIII веке был принят для прославления в православных церквях, стал эталоном князя-защитника Руси. В «житиях» Александра в XV в. появляется рассказ о подвиге его во время Куликовского сражения в рядах русских воинов. Вместе с ними князь рубил неприятелей.

Одной из черт литературных произведений XIII века стали такие высокие нравственные принципы, как верность любви, дружбе, родной земле. Верность эта (может быть лучше описать такое духовное состояние как «честь») ставилась выше самой жизни. Гибнут ради защиты родной земли рязанские князья; до смертного конца сражается с врагами Евпатий Коловрат, не помышляя о примирении с врагами; гибнет вместе с малым сыном рязанская княгиня Евпраксия; избирает смерть, не поддавшись на «лесть» и «посулы» врагов, ростовский князь Василько Константинович... Вот как говорит об этом один из героев «Повести...» «великий князь» рязанский Юрий Ингваревич: «Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за

¹ Текст Тимофея (и его соавторов XIII в.) не был канонизирован церковью. Были по заказу церковных иерархов написаны новые чисто «житийные» по стилистике произведения (XVI в.), хотя авторы этих житийных текстов широко использовали факты, собранные первыми биографами Александра Невского.

² Об этом первым написал М. И. Хитров. В одной древней рукописи жизнеописания Александра им были найдены такие слова: «Се же слышано бысть всемъ от господина митрополита». В другой рукописи Хитров обнаружил другое пояснение «на полях»: «От Кирилла митрополита...» Ук. соч. С. 276, прим. 1.

святые божии церкви и за веру христианскую, и за отчизну отца нашего великого князя Ингваря Святославича...»¹.

Несмотря на фатальность княжеских слов, его речь отнюдь не лишена оптимизма: «О, государи мои и братья, если из рук Господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?...»². Думается, что эти слова выражают основной эмоциональный настрой и рассудочный рефрен большинства активной части русского населения того времени. Важно подчеркнуть такую мысль князя Рязанского, объединившую в неразрывную цепь три понятия: вера (христианская), церковь (православная) и отчина (отчизна), (если, наверное, не бояться некоторой модернизации в трактовке княжеских слов) – вот без чего невозможна жизнь русского человека, вот что для него свято. Призыв к самопожертвованию во имя того, что свято для русского (должно быть свято...) вплоть до сознательного отказа от жизни («испить смертную чашу») – это другая особенность русской литературы XIII в. Не менее важна также уверенность в кратковременности бедствий русской земли, русских людей – поэтому надо «потерпеть», «перетерпеть»...³

Особенно ярка эта убежденность в том, что православнорусские ценности не доступны насилию чужеземцев, проявилось в «Сказании о граде Китеже». Не могли иноземные захватчики войти в «святой» и «великий» («большой») град Китеж, так как божественная сила укрыла его в недоступных глубинах светлых вод волшебного озера Светлояр среди цветущих лесов Нижегородского Заволжья. Сейчас часто пишут, опираясь на более поздние варианты «Сказания...», о социальном (социально-утопическом) характере этого произведения⁴, однако, ранний текст о Большом Китеже – это не социальная, а национальная утопия, если хотите – «античужеземная» утопия, которая выразила глубокую веру угнетенных и униженных русских людей в вечность своей прекрасной Родины, ее обычаев, ее веры ...

¹ Цитаты взяты из издания: Древнерусская литература. Книга для чтения. Сост. Е. Рогачевская. М., 1993. С. 154, 160, 161 и др.

² Там же. С. 154.

³ Приведенные здесь цитаты ясно свидетельствуют, что до появления византийского исихазма, идеи самопожертвования ради сохранения святой веры и защиты святой отеческой земли уже владели умами лучшей части русских людей.

⁴ Думается, что утопия была социализирована под влиянием проповедников старой веры, в своих творениях отразивших народный протест против торжествующего феодализма и самодовольства вставшей на его защиту большей части «верхних» иерархов российской церкви.

Выдающимся патриотическим произведением XIII столетия стал текст «Слова о погибели земли Русской». Лучше бы убрать из этого заглавия слово «погибель» и поставить вместо него другое – «красота» (вечная красота), потому что именно о красоте, точнее – о величавой красоте Родины, в этом «Слове...» идет речь. Впрочем, пусть о тексте судит сам читатель:

О светло светлая и украсно украшена

Земля Русьская!

И многими красотами удивлена еси:

Озеры многими, удивлена еси,

Реками и кладязьми месточестными,

Горами крутыми,

Холми высокими,

Дубравами частыми,

Полями дивными,

Зверьми разноличными,

Птицами бесчисленными,

Города великими,

Селы дивными,

Винограды обителными,

Домы церковными

И князьями грозными,

Бояры честными,

Вельможи многими –

Всего еси исполнена земля русьская,

О правоверная вера хрестияньская!¹

Этот маленький отрывок волновал многие поколения русских людей. Подсчитано, что только подробных комментариев создано более 150...! Не повторяясь и не обсуждая наших предшественников, подчеркнем, что не может погибнуть или быть порабощенной такая «свято светлая» земля, украшенная и живой природой, и живущими здесь трудолюбивыми людьми. Но читатель должен знать, что основой русской жизни является «вера христианская». Тем самым, неизвестный автор «поэмы» как бы перекликается с другим анонимным автором рязанской «Повести...».

¹ Источник цитировался много раз. Это фрагмент более пространныго текста. Фрагмент сохранился в рукописном сборнике, как введение к «Повести о житии Александра Невского».

Если сейчас остановиться и попытаться обобщить все то, что было написано в «Словах...», «Сказании...», «Повести...», «Житии...» и проповедях Серапиона Владимирского, то станет очевидной величие духа людей, писавших эти произведения и – без большого риска согрешить против истины добавим – благодарных и внимательных читателей, да и слушателей этих текстов. Можно высказать и другую мысль: налицо исторический парадокс великого исторического смысла – разбитый на поле боя народ заявил явственно и твердо о своем духовном превосходстве над торжествовавшим врагом, о своей несокрушимой духовной силе.

Но любые идеи, самые высокие, самые святые, нуждаются в воплощении, в реализации. Эта реализация произошла в XIV веке. И выразился этот процесс преимущественно во взаимодействии князей московских и православных митрополитов. Начальный этап этого взаимодействия совпадает с первыми шестьюдесятью годами XIV века – образно говоря, от Петра-митрополита и Ивана Калиты до Алексея-митрополита и Дмитрия Донского.

Прологом тесных отношений православной и московской власти стал отъезд (1299 г.) митрополита Максима после очередного татарского погрома из древнерусской столицы¹: «не терпя насилья татарского...» За главой церкви последовал его «двор», оставив в Киеве «митрополичьего наместника». В 1300 году Максим «... седевь Володимери и со всем Клиромъ своимъ»...² Здесь, во Владимире, Максим и умер в декабре 1305 г. Тверской князь Михаил Ярославич решил закрепить за Владимиром, который он тогда контролировал, общерусский церковный центр и послал в Константинополь игумена Геронтия для поставления в сан митрополита. Однако, внук знаменитого Даниила Галицкого, галицкий князь Юрий Львович, выступил со своей кандидатурой, тоже игумена, однако, из львовских монастырей³ – Петра, и константинопольский патриарх Афанасий именно на Петре из Галиции остановил свой выбор.

Петр, ознакомившись с ситуацией, не счел возможным оставаться в Киеве (вопреки надежде Юрия Галицкого) и отбыл в уже обжитую его предшественником резиденцию во Владимире. Это произош-

¹ Нападение на Киев произошло в «рамках» борьбы двух претендентов на сарайский трон – Тохты и Ногая.

² Дорогу во Владимир киевским духовным лицам освящала «чудотворная икона Богородицы», получившая название «Максимовской».

³ Монастырь Петра был расположен в окрестностях г. Львова.

ло в 1308 году, но его приезд в северорусскую столицу встретил решительный отпор со стороны тверских князей: не прошло и года, как Михаил Тверской и епископ Твери Андрей направили донос в Константинополь, обвиняя Петра в различных проступках и грехах. Как полагает А. С. Хорошев¹, главным здесь явилось обвинение в симонии². Константинопольский патриарх отправил для разбора «доноса» специального представителя, который оказался вынужденным прибегнуть к созыву специального собора. Собор состоялся в Переяславле-Залесском либо в 1310 г. (конец), либо в 1311 г. (начало – ?)³. То, что собор был созван в Переяславле, вошедшим в состав владений Юрия Даниловича Московского, наводит на мысль о договоренности «гонимого» митрополита с московским княжеским двором. Победа Петра над своими обвинителями также объясняется поддержкой московских духовных лиц и бояр, прибывших на собор. Специалисты отмечают активность на соборе светских лиц, в особенности – из окружения Юрия Московского, а также священнослужителей низших звеньев церковной иерархии. И те, и другие выступали за «очищение» церкви, увеличение ее авторитета среди мирян. Не исключено, что «православное возрождение» сделало свой первый шаг именно здесь, в Переяславле-Залесском. И возможно именно Петра следует признать первым из реформаторов русского православия. Нам известно, что он активно выступал против княжеских усобиц (в 1311 г. отказался благословить поход тверичей на Новгород Великий), стремился обновить церковную проповедь (с этой целью писал «нравочения» священникам), лично «рисовал» иконы и др.

Если отношения Петра и Юрия Московского нельзя дать четкой оценки, то «доброжелательство» Петра к Ивану Даниловичу Калите едва ли может быть поставлено под сомнение. Петр не только переехал из Владимира в Москву, но и дал деньги из митрополичьей казны на строительство в московском кремле Успенского собора⁴.

¹ См.: Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: МГУ, 1986. С. 93. См. также: Борисов М. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков... С. 86.

² «Симония» – плата за «поставление» на ту или иную церковную должность. Собор 1273 (1274) г. пошел по пути установления твердой нормы – 7 гривен за рукоположение в священники или дьяконы («от поповства и от дьяконства от обоего»).

³ 1309 г., который указал М. В. Печников, кажется нам нереальным по чисто техническим причинам: уложить в один год такие события, как рассмотрение жалобы в Константинополе, приезд патриаршего посла, съезд представителей в Переяславль, едва ли возможно.

⁴ Строительство собора было начато 4 августа 1326 года. Через год строительство завершилось. В Москве появилась невиданной красоты каменная церковь – «первая церковь камня на Москве». Собор был перестроен в

Больше того, согласно завещанию, он был похоронен в этом соборе, еще не оконченном строительством (декабрь 1326 год). Иван Данилович Калита сохранил память о Петре, добившись от патриарха его канонизации в качестве святого – первого московского святого и, можно сказать, первого в пантеоне российских святых, поскольку киевские святыни, связанные с именами Бориса и Глеба, княгини Ольги находились как бы за рубежом, да и к тому же в страшном небрежении со стороны киевских властей (со второй половины XIV–до конца XVII вв., когда Киевом правили сначала язычники-литовцы, позднее католики-поляки). В хлопотах перед константинопольским патриархом активно участвовал прибывший на место умершего «галичанина» Петра митрополит «из греков» (этнический грек) Феогност¹. Приезд нового митрополита совпал с решающей победой Ивана Калиты над тверскими соперниками². Естественно, что Феогност свое управление митрополией организовал с учетом гегемонистской позиции Москвы.

О политических событиях XIV века в Восточной Европе написали достаточно много... Отметим лишь, что сила Москвы росла и при участии митрополии. Сказанное следует отнести и к политике. Вряд ли бы без поддержки церкви сохранился знаменитый в истории сорокалеть «мир Ивана Калиты» со степными ханами (1327–1367), и (в большей мере) увеличился престиж Москвы и ее князей. Говоря о престиже, мы имеем в виду выдающиеся строительные работы, осуществленные в Москве. За четыре года – 1329–1333 – здесь было сооружено четыре каменных храма – «Спаса» (Спасителя Христа), Михаила Архангела, Иоанна Лествичника и «первого» апостола Петра. Н. С. Борисов заметил по этому поводу: «В результате этих необычайно крупных для своего времени строительных работ Москва не только обогнала Тверь по количеству каменных храмов — важнейшему в то время показателю экономического потенциала княжества,

конце XV в. Аристотелем Фиорованти и до недавнего времени считался главным православным собором в России.

¹ В 1339 г., после длительных хлопот и, следует сказать, немалых денежных и иного рода затрат, в которых Иван Калита и Феогност действовали рука об руку, «вселенский» патриарх Константинополя документально подтвердил святость Петра в общерусском масштабе.

² Знаменитое тверское восстание, началось поголовным истреблением татар в городе 19 августа 1327 г. Зимой 1327–1328 гг. против Твери выступила рать из пяти «туманов» (50000 человек). Татарам помогал (вынужден был помогать) Иван Калита, получивший за содействие ярлык на великое Владимирское княжение.

но и получила возможность претендовать на роль религиозного центра всей Северо-Восточной Руси»¹.

Крепки и надежны были связи Феогноста с княжеской семьей в Москве, в частности он активно участвовал в делах Семеона Ивановича (сына Ивана Калиты)². Особенно важным с политической точки зрения в деятельности Феогноста стало выдвижение на митрополию в качестве своего преемника русского монаха Алексея. В 1354 г. после смерти Феогноста, Алексей получил от «вселенской» патриархии в Константинополе «настольную грамоту» на управление церковью «всея Руси»³.

Утвердиться на митрополичьей кафедре Алексею удастся с немалыми осложнениями, включая заточение по воле литовского князя Ольгерда (Альгирдаса) в киевской темнице на целых два года (1358–1360).

После смерти Ивана Ивановича (сына Калиты) в 1359 году (13 ноября) на московском столе оказался девятилетний Дмитрий (будущий герой сражения на поле Куликовом). Правительство возглавил после возвращения (побега) из литовского плена (из Киева) Алексей и в течение без малого пятнадцать лет возглавлял княжеское правительство в Москве.

Политика правительства Алексея была успешной. Он идеологически и практически подготовил смелую попытку Дмитрия Ивановича порвать с зависимостью от ордынских ханов.

Одним из важных направлений деятельности Алексея стала реформа русских монастырей. В своих усилиях он нашел могучего союзника в лице игумена Сергия Радонежского, основавшего в конце 30–начале 40-х гг. XIV века (1339–1343) на лесистом холме, в одном

¹ Цитата взята из известной работы Н. С. Борисова «Московские князья и русские митрополиты XIV века». См. также другую его статью «К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков» / История СССР. 1983. № 4. С. 124 и след.

² Феогност, как и княжеская семья Семена Гордого, старшего сына Ивана Калиты, стал жертвой чумной эпидемии. Он умер 11 марта 1353 года. Жертвами эпидемии стали все мужские члены великокняжеской семьи сам Семен и его сыновья (трое или четверо), причем двое из них, Семен и Иван, погибли от чумы на одной неделе с Феогностом. Сам великий князь Семен умер 26 апреля. 6 июня – его преемник младший брат Андрей // Борисов Н. С. «И свеча бы не угасла». М.: Молодая гвардия, 1990. С. 98–99.

³ Алексей из боярского дома Федора Бяконта, переселившегося в Москву из Чернигова в первые года XIV века. Его крестным отцом был сам Иван Калита, который способствовал как образованию своего крестника, так и его продвижению по церковной иерархической лестнице. В 1340 г. (6. IX) Феогност произвел Алексея в свои «заместители» по административному управлению митрополией. Перед своей смертью Феогност рекомендовал патриаршему двору в Константинополе утвердить Алексея в звании митрополита, что и случилось в 1354 году.

из живописных мест Подмосковья¹, монашескую общину «пустын-ножителей» (пустынников) - Маковецкую² монашескую общину³.

Монастырская реформа была начата под влиянием чумной эпидемии, которая привела к существенным потерям в скученно живущем населении Москвы и окрестных мест, а также ослабила экономику и управленческий аппарат Владимирского княжества. Формальным поводом послужило письмо константинопольского патриарха Филофея к Сергию (1354 г. или начало 1355). Послание это было вручено маковецкому игумену специальной делегацией: «Греки от Коньстянтиня града, от патриарха послани...». В патриаршем письме содержались рекомендации по перестройке монашеской жизни в Маковецкой обители. Речь шла о замене афонских уставных принципов на более древние, резко отличавшиеся от них уставы, которые связаны с именами отцов монашества из Египта (Пахомий) и Малой Азии (Василий Великий). Монахи Афонской горы жили «особняком» друг от друга, соединяясь при литургиях или иных требовавших групповых действий службах. Жили они в отдельных кельях. Питался каждый наособицу от других – тем, что добыл сам или привезли родственники (либо покровители)⁴. В сущности этот «особняк» (таково просторечие) был общежитием анахоретов (пустынников). Такую общину создал на заре монашеского движения египетский (из «сто-вратых» Фив) подвижник Антоний (III в.). Позднее Пахомий, бывший в молодости римским солдатом, не принял за идеальную Антониеву модель монашеского быта и ввел в своем синайском монастыре прямо-таки воинские порядки. В конце жизни Пахомий основал недалеко от современного Каира новый монастырь (Бафуа, Фуа – таково название места его расположения). Согласно пахомиеву уставу монахи должны были трудиться совместно, жить в больших «общих» поме-

¹ Позднее здесь образовался Троице-Сергиевский монастырь, остающийся до сегодняшнего дня центром православия.

² Холм, где были отстроены кельи пустынников, звался Маковец.

³ О Сергии Радонежском написано огромное число текстов разной формы с XIV в. до нашего времени. Сын ростовского боярина, переселившегося в захолустный Радонеж по воле Ивана Калиты, Варфоломей (таково крестное имя Сергия) с детства стремился к уединенной, спокойной жизни христианина-отшельника. Его отличала большая физическая сила – биографы пишут о том, что он был вдвое сильнее рядового мужика того времени. Могучим был и его интеллект. Но главное в его облике, отличавшее от окружающих, была высота духа, способного воспринимать и воспроизводить мистические образы и знаки. Основные даты жизненного пути: родился 3 мая 1314 г., основал Маковец в 1336–1337 гг. С 1344 г. – игумен монашеской общины. Сан священства был получен в 1353 (или 1354). Умер 25 сентября 1392 г. Датировка по Н. С. Борисову (Ук. соч. С. 12-14, 79, 283 и др.). Важно отметить, что Сергей 48 лет возглавлял обитель Святой Троицы на Маковце.

⁴ Вот характерная деталь келейного быта на Маковце: однажды, в зимнюю пору, голодавший много дней Сергей построил «сени» у дверей своего состоятельного соседа, за что получил горсть черствых заплесневелых сухарей.

щениях, где для их ночных отдохновений были установлены двухъярусные нары. Монахи вместе трапезовали, используя совместно заработанные средства. Местность Бафуа была богата лотосом – поэтому изделия из лотоса (от «бумаги» до циновок и корзин) стали «фирменной» продукцией монахов, живших под предводительством Пахомия и его продолжателей.

Василий Великий (330–379) – уроженец Капподокии (центральная область Малоазийского полуострова). Он учился на родине, в г. Кесарии, и Афинах, посетив монастыри «пахомиева» устава в Палестине и Египте, инициировал монашеское движение в Малой Азии. Его устав был более совершенным, чем последователей Пахомия, и посему стал основой многих монастырских установлений, был принят во многих монашеских общинах. В основе монастырей, устроенных по уставу Василия, лежал совместный труд, совместное потребление произведенного, строгая дисциплина и многое другое. Другом¹ Василия был сверстник – Григорий Богослов (или Назианзин – по месту рождения). Григорий (330–350) остался приверженцем созерцательной, самоуглубленной жизни отшельника (пустынника), его труды имели широкое распространение, в том числе у русского духовенства.

Здесь следует остановиться и написать главное: в устроениях молодого Варфоломея-Сергия было много близкого к известным рассуждениям Григория Назианзина о благости пустынножительства. Знал он и другую идейно-эмоциональную позицию своего великого предшественника: «жалость к людям», «жалость к седине», «жалость к скорби». Все это было ничем иным как «благословенным чувством нашей души...». Православные богословы нашего времени нашли причину этой близости двух замечательных деятелей православия, хотя жизнь их протекала в разных исторических «временах», отделенных одно от другого промежутком в 1000 лет. Варфоломей, оказывается, какое-то время учился в греческом монастыре Ростова, носившем характерное название «Григорьев Затвор»². Как писал в одном из своих сочинений митрополит Питирим, «15-летний Варфоломей не случайно принес из Ростова рукопись «Слова Григория Бо-

¹ Известно, что Василий не раз звал Григория к себе в монастырь, расположенный в живописной местности Капподокии, на берегу р. Ирисы. Традиция свидетельствует, что Григорий посетил монастырь своего друга, но не остался там.

² Учебное заведение «Григорьева Затвора» закончили Стефан Пермский (1340–1395), друг Сергия, его ученик и биограф Епифаний Премудрый. Позднее ростовским епископом стал племянник Сергия Феодор.

гослова на Пасху», с которой потом на Маковце, в Обители Живона-
чальной Троицы (Троице-Сергиевском монастыре – авт.), близ Радонежа, было сделано 14 списков» (копий – авт.). Это количество выявляет отношение Сергия Радонежского к «Григорьеву Затвору» – как средоточию византийской культуры на родной земле, а также к литературному наследию Византии, бережно хранимому в Ростове Великом. Приведенные митрополитом Пителимом (Нечаевым) факты дают основания говорить, что Сергей к середине 50 гг. XIV в. был теоретически подготовлен к изменению жизни руководимой им монашеской общины на основе древних монашеских уставов. Был у него к этому времени и многолетний опыт практической работы с весьма разнородной монашеской братией. В частности, он, вероятно, осознавал, что Афонский устав хорош на изолированной от внешнего мира Святой горе, но мало подходит к русской монашеской жизни, которая была отнюдь не ограждена от взаимодействия с окружающими людьми, с существовавшими тогда социальными и политическими институтами. Бытовые условия жизни каждого монаха при «особняке» способствовали порой отнюдь не монашеским поступкам, имущественная рознь между монастырскими насельниками также плодила разнообразные конфликты внутри самой общины. Сергей решительно стал заменять мало дисциплинированный монашеский «особняк» на строго регламентированный «общаг». Общежительные монастыри на русской почве в XIV в., как и раньше в Византии, стали называться «киновиями», и первой российской киновией стала Маковецкая община Сергия Радонежского.

Говоря о практической деятельности Сергия по строительству киновии на Маковце, следует выделить ряд системообразующих действий и формоорганизующих институций¹. Как пишет Н.С. Борисов, в основе монастырской организации «лежали три принципа: равенство, послушание и четкое распределение обязанностей»². Равенство в общежительных монастырях обеспечивалось передачей каждым монахом личного имущества в пользу всей монастырской общины (конкретно – передача этого имущества монастырским начальникам)³.

¹ Данные о деталях деятельности Сергия Радонежского см.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I, вторая половина тома. М., 1881; Т. II, первая половина тома. М., 1967, Борисов Н. С. Ук. соч. С. 108 и след.

² Отметим, что эти принципы общежительного устава в свою очередь основывались на традиционных монашеских принципах: отказа от семьи, отказа от собственности (имущества) и уединенного обитания.

³ Здесь Сергей и его предшественники опирались на известные новозаветные тексты, в первую очередь – на «Деяния святых апостолов».

Оно предполагало также всеобщую трудовую обязанность, ежедневную совместную трапезу и регламентацию одежды, разного рода молитвенных и бытовых действий. Добиться этого можно было только посредством жесткого дисциплинарного режима, безоговорочного послушания по отношению к старшим со стороны монастырской молодежи. Эффективность труда в киновии обеспечивалась четким распределением (регламентацией) обязанностей, трудовых действий, конечных результатов всех этих действий (усилий)¹.

Внутренне дисциплинированные, привыкшие к труду монахи Троице-Сергиевой общины стали первопроходцами в хозяйственном освоении «пустых» (диких, заросших лесом, болотистых и т.п.) мест. «Пустынское» движение развивалось сначала на центральных землях тогдашнего Московского государства², но вскоре перекинулось на северные и северо-восточные земли. Благодаря пустынскому монастырскому движению вырос втрое³ фонд хозяйственно-продуктивных земель, укрепились военные, а с ними и политические позиции Москвы в самых глухих и далеких уголках русского Севера и Северо-Востока⁴.

Кроме того, велико влияние Сергия и его учеников на усиление центростремительных (консолидирующих) процессов среди русских князей, о чем речь на следующих страницах.

¹ Об организации монастырского труда и быта см. хотя бы уже упоминавшиеся работы Н. С. Борисова.

² Известен, в частности, монастырь под Серпуховым – «Высоцкий», первым настоятелем которым был один из любимых учеников Сергия Радонежского – Афанасий Высоцкий

³ Цифра – приблизительная.

⁴ Достаточно познакомиться с «житием» Стефана Пермского, одного из самых выдающихся подвижников Преподобного Сергия.

ГЛАВА 5. ОБЪЕДИНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА МОСКВЫ. «КУЛИКОВО ПОЛЕ»

Для русского общества конца XIII–XIV вв. характерны центро-стремительные тенденции. Они определялись сохранением на северо-востоке существовавшего до Батыева нашествия Древнерусского государства единого экономического, религиозного (религиозно-культурного) и политико-правового (одна княжеская семья) пространства. В русском народе росло и крепло сознание необходимости единения ради сохранения (выживания) под чужеземным игом.

В условиях феодальной раздробленности и сознательной политики поддержания этой раздробленности со стороны сарайских ханов центростремительное движение развивалось медленно и трудно.

Следует оговориться, что формально общерусский центр здесь существовал, и его власть признавалась от Днепра до Уральских гор, от Беломорья до донских верховьев – это Владимир. Более того, к 1300 г. его политический авторитет возрос еще сильнее благодаря умелой политике князя Александра Невского (1252–1263 гг.). Его преемника, Ярослава Ярославича, величали «князь великий Владимирский и Новгородский»¹. Когда после очередного татарского погрома (1299) «весь Киев разбежался», глава русской православной церкви, митрополит Максим, со своими службами и двором ушел на север во Владимир². После его смерти новый митрополит Петр, получив из Константинополя утверждение, лишь проездом побывал в Киеве и поспешил во Владимир³. В «Слове о погибели земли Русской» четко фиксируется представление о Владимире как центре всех русских земель: «Отселе (т.е. от Владимира)⁴ до угор (венгров) и до ляхов, от чехов до ятвязи (литовское племя) и от ятвязи до немцев, от немцев до корелы, от корелы до Устьяга, и от Устьяга до моря, от моря до болгарь, от болгарь до боуртась, от боуртась до чермись, от чермись до морьдвы: то все покорено (подчинено – авт.) было... великому князю Всеволоду (Владимирскому)».

Однако фактически город Владимир не смог восстановиться после погрома, учиненного ему Батыем в феврале 1238 г. Реальными

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XV. С. 33.

² Летопись по Лаврентьевскому списку... С. 461. Подробнее о запустении Киева в XIII в.: Середонин С. М. Историческая география. Петроград, 1916. С. 193–195.

³ Оценка этих фактов С. М. Соловьевым: «Максим сделал решительный, окончательный шаг, которым ясно засвидетельствовал, что жизненные силы окончательно отлили с юга на север...» (История России... Т. 3–4. С. 364.).

⁴ В круглых скобках – авторские пояснения.

центрами объединения стали Тверь¹, группа «нижневолжских» городов – Кострома, Городец, Нижний Новгород², Москва и тесно с ней связанный Переяславль-Залесский³. Но утвердить свое первенство любой князь мог, только получив от ханов Сарая Владимирское великое княжение и относящиеся к нему земли. Отсюда непрекращавшаяся на протяжении второй половины XIII–XIV вв. борьба за «первопрестольный» Владимир. Однако к середине XIV века равновесие среди соперничавших удельных князей оказалось нарушенным в пользу Московского (точнее сказать Московско-Переяславского) княжества. При знакомстве с историческими источниками той поры бросаются в глаза две цепочки фактов. Первая из них содержит информацию о перемещении центра русской православной церкви (митрополии) в Москву. Упомянувшийся на этих страницах митрополит Петр (1305–1326) первым из глав русской церкви облюбывал себе в качестве места жительства Москву, здесь умер и, согласно его завещанию, похоронен⁴. Следующий митрополит Феогност, приехав из родного Константинополя⁵, разместился со своей свитой также на

¹ Тверское княжество возникло в результате раздела, произведенного Ярославом Всеволодовичем, братом убитого на р. Сить (1238) Юрия Всеволодовича, земель великого Владимирского княжения между своими сыновьями. Тверь досталась Ярославу Ярославичу, который после смерти старших братьев Александра Невского (1263) и Андрея (1264) стал великим Владимирским князем (1264–1272). В конце XIII – первой четверти XIV вв. Тверское княжество становится едва ли не сильнейшим среди русских княжеств. На его территории собрались беженцы как из центра Владимирского княжества, больше всех пострадавшие от насилия татар, так и западнорусских земель, разоряемых литовскими набегами // Кучкин В. А. Формирование княжеств северо-восточной Руси в послемонгольский период до конца XIII в. // Вопросы географии. № 83. 1970. С. 106, прим. 2. В 1293 г. большое татарское войско Дюденя не решилось атаковать Тверь. Наибольшей мощи достигла Тверь при Михаиле Ярославиче, Великом князе 1304–1319 гг. Он был убит в Орде в 1319 г. В 1327 г. тверичи истребили дружину татарского «посла» Чолхана (Щелкана) и убили его самого. В 1327 г. хан Золотой Орды двинул против города пятидесятитысячную рать, вместе с отрядами Московского и Суздальского князей, разгромившую город и его окрестности. После погрома 1327 г. Тверь лишилась навсегда первенствующей роли среди северо-восточных русских земель.

² Костромское княжество образовалось одновременно с Тверским. Оно досталось Василию Ярославичу. В 1274 г. костромичи в сражении на берегу Святого озера разбили сильный татарский отряд. Василий, соперничая с Тверью, приобрел Великое Владимирское княжение (1272–1276). Городецкое княжество было основано Александром Невским для сына Андрея. Андрей после смерти бездетного Василия Костромского получил ярлык из Орды на Кострому // Соловьев С.М. История России... С. 193. В течение многих лет Андрей Городецкий упорно боролся за владимирский стол и, в конце концов, добился своего. В бытность великим князем (1294–1304), ему удалось укрепиться в Н. Новгороде, который к этому времени стал одним из крупнейших городов Северо-Восточной Руси. В 1273 г. при поставлении суздальского епископа Серапиона Нижний назван в числе трех наиболее важных центров епархии // Кучкин В.А. Формирование княжеств... С. 109. После смерти Андрея Кострома и Нижний вернулись в состав Великого княжения Владимирского.

³ Переяславль был дан Александром Невским сыну Дмитрию, а Москва самому младшему из сыновей Даниилу. Братья были дружны и помогали друг другу в соперничестве с Тверью и Андреем Городецким. Дмитрий 18 лет держал великокняжеский стол (1276–1294). После его смерти Иван, его сын, поддерживал Даниила и, умирая (1302), завещал Переяславль, вопреки обычаю, не старшему дяде Андрею, а младшему Даниилу, что увеличило территорию Московского княжества почти вдвое.

⁴ Его гробница стала местом всерусских народных паломничеств. Он стал первым московским «святным».

⁵ По традиции, возникшей в XIII в., на русскую митрополию поочередно поставлялись уроженцы Византии и русские // Соловьев С. М. История России... Т. 3-4. С. 567.

московском «подворье», построенным Петром. Его преемник Алексей (1358–1377), коренной москвич¹, добился от константинопольской патриархии документального оформления разрешения жить в Москве, считать официальной резиденцией Владимир, а именоваться по-прежнему митрополитом Киевским². При всей противоречивости сложившееся положение ясно отражает историческую тенденцию нарастания политической мощи Москвы.

Другой ряд фактов не менее интересен. Следом за Петром потянулись с юга княжеские и боярские роды: из Киева – Родион Нестерович с 1700 человек родичей и дворовых³, Плещеевы из Чернигова, Дмитрий Боброк Волынский. Что вело их в Москву? Нежелание служить язычникам – литовским князьям? Или родственные связи с князьями из дома Рюриковичей? Это еще предстоит выяснить историкам. Но не только с юга стекались, пользуясь древним правом свободного перехода, бояре. Многие новгородские бояре, когда-то юные сподвижники великого Александра, избрали местом службы двор его младшего сына. Невольно возникает вопрос, не от них ли купцы-сурожане, захватившие в свои руки донской торговый путь? В 1304 г., после смерти Андрея Городецкого, большая часть его бояр уехала из Костромы и Городца в Москву, уже не к Даниилу (тот умер в 1303 г.), а к его сыну Юрию⁴. Говоря о переездах бояр, надо иметь в виду, что их отчинные земли в других княжествах оставались за ними (во всяком случае – как правило), а следовательно, земельный фонд, подконтрольный московскими князьями, увеличивался⁵. Следует твердо помнить, что Москва стала крепнуть «боярством», «популярностью» Даниила и его матери-княгини среди бояр первоначально, а затем положение было усугублено стараниями семьи Ивана Калиты. Приезжавшие в Москву бояре отстраивали хоромы, собирали вокруг себя родню, холопов, свободных слуг и др. Так шла консолидация вокруг Москвы основных групп русского феодального класса, боярства и православного духовенства.

¹ Его отец Федор Плещеев приехал в Москву из Чернигова в первое десятилетие XIV в.

² Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.-Л., 1962. С. 11.

³ См.: Соловьев С. М. История России... Т. 3–4. С. 212.

⁴ Некоторые летописцы утверждают, что в Москву уехали все бояре Андрея Городецкого.

⁵ Договор 1389 г. между Василием Дмитриевичем (сыном Дмитрия Донского) и его дядей Владимиром Андреевичем, князем Серпуховским, содержит особый пункт о боярах, которые служат у одного князя, а живут (и имеют владения) на землях другого. Таких бояр предполагалось «блюсти» как своих // Пресняков А. Е. Образование... С. 100, прим. 1.

Опираясь на растущую поддержку этих сил, на ресурсы объединившегося в 1302 г. с Москвой Переяславльского княжества, Юрий Данилович, первым из московских князей, выступил в Орде претендентом на великое княжение и получил его в жестоком соперничестве с тверским князем Михаилом в 1320 году.

Однако стихийно начавшееся центростремительное движение приобрело продуманные формы политической программы при брате Юрия, московском князе Иване Даниловиче (1325–1341), получившим у отечественных летописцев почетное звание первого «собира-теля» земель русских. Он продолжал поощрять «съезд» бояр в Москву¹, не скупился на деньги, выкупая тысячи русских рабов и пленников у степных феодалов², скупал в Орде ярлыки на владения бедных князей или «перекупал» эти документы, платя большие деньги, у состоятельных³. Подчеркивая заботу о народе, внук Александра Невского искоренил в тех землях, на которые простиралась его власть, «татьбу»⁴, всегда носил на поясе кошель (калиту)⁵, чтобы одаривать нуждающихся и нищих, но кропотливо собирал сокровища, грабя подчиненных ему князей и города. Он помог татарам в 1327 г. сокрушить поднявшую знамя противорудынского восстания Тверь⁶. Но зато в течение долгой цепи последующих лет татарские кони не топтали русские пажити⁷. Практику Ивана Калиты по «собира-нию» и «накоплению» людских и материальных ресурсов продолжили его дети Семен (1340–1353) и Иван (1354–1359) Иванович, внук Дмитрий Иванович⁸. Недаром такой тонкий наблюдатель, как В.О. Ключевский, подчеркивая общность их политической линии,

¹ При нем в Москву приехали многие ростовские бояре, в частности – семья крупного государственного деятеля времени Дмитрия Донского Сергия Радонежского.

² Снегирев Б. Московские слободы. М., 1947. Эти действия Ивана Даниловича нашли подражателей. Среди них был и нижегородский гость Тарасий, поселивший выкупленных из ордынской неволи людей на берегах рек Кудьмы и Сундовика. Поселки были в 1377–1378 гг. уничтожены татарами.

³ Так были куплены ярлыки на расположенные на север от Волги богатые Белозерское и Галицкое (Галич Мещанский) княжества // Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей Московского княжеского дома в XIV в. / Исторические записки. Т. 94. М., 1971. С. 377, 378 и др.

⁴ О сорокалетней «тишине» в русских землях во время правления Калиты и его детей свидетельствуют летописи.

⁵ Соловьев С. М. История России. Т. 3–4. С. 341, прим. 415.

⁶ Д. С. Лихачев замечает: «... после погрома Твери татарами в 1327 г. Москва одна утверждает свою объединяющую власть на северо-востоке Руси и вскоре, подобно древнему Риму, передает свое имя стране» (Культура Руси... С. 6).

⁷ Мир на территории земель великого Владимирского княжения продолжался 40 лет – с 1327 г. по 1367 г. В 1367 г. московско-нижегородское войско разбило болгарского правителя Пулад-Темира. В 1368 г. поход на Москву совершил литовский князь Альгирдас.

⁸ Дмитрий Донской завещал: «бояр своих любите, честь им достойную воздавайте против их службы, без воли их ничего не делайте» // Соловьев С. М. История России. Т. 3–4. С. 308.

сказал студентам в одной из своих лекций, что «...все московские князья до Ивана III, как две капли воды похожи друг на друга...».¹

Стремление золотоордынцев в середине XIV века противопоставить Москве князей нижегородско-суздальских², равно как и их попытки гальванизировать разгромленную Тверь, успеха не имели. Начиная с 1328 г. великое княжение в московских руках, если не *de jure*, то *de facto*³. Народные массы шли за Москвой, за той политической программой, которую проводили московские князья и которая находила талантливых пропагандистов в лице крупнейших деятелей православной церкви того времени и послушного их воле клира не одной тысячи церквей, разбросанных по городам и малым селениям русской земли. Когда незадолго до Куликовского сражения Мамай вручил ярлык на великое княжение Владимирское тверскому князю Михаилу, это решение не имело результата. Тверской летописец вынужден признать: «... а ко князю къ великому къ Михаилу, так и не начали люди изъ городов передаваться»⁴. Они остались верны Москве. Консолидация народных сил вокруг Москвы сопровождалась пробуждением и быстрым развитием «русской национальной культуры»⁵ и народного самосознания, выразителями которого чаще всего было духовенство, единственный образованный слой того времени⁶.

Золотая Орда достигла расцвета в первой половине XIV века. Затем наступает ее ослабление и распад на феодальные «улусы», смертельно враждовавшие друг с другом за обладание Сараем и хан-

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. II. 1957. С. 49.

² В 1328 г. после сокрушения непокорной Твери, хан Узбек, оставив формально Владимирское княжение за Иваном Калитой, разделил его земли между ним и Александром Васильевичем Суздальским. Последний получил в числе других земель Владимир и Н. Новгород, Калита – Новгород и Кострому. Александр умер в 1332 г. Калита стал править Владимиром и Нижним как частью великокняжеского удела. В 1341 г., после смерти Калиты, Золотая Орда вновь пожаловала Н. Новгород брату Александра Константину Васильевичу. Так образовалось Нижегородско-Суздальское княжество. Константин пытался упорно, но тщетно отнять великое княжение у Москвы // Соловьев С. М. История России... Т. 3–4. С. 260. Его сын Дмитрий был более счастлив, после смерти Ивана Ивановича Московского он получил в 1360 г. великое княжение Владимирское. Однако удерживать великое княжение ему удалось лишь около двух лет до начала 1363 г., а затем он оказался вынужденным просить помощи у перекупивших в Сарае великое княжение для своего малолетнего князя Дмитрия Ивановича московских бояр против не пускавшего его в Нижний брата Бориса. С 1364 г. Дмитрий Константинович в Н. Новгороде, но на положении вассала Москвы // Насонов А. Н. Монголы и Русь... С. 96, 97, 118, 120, 121.

³ Лишь в 1360–1363 гг. Золотая Орда пробовала сделать великим князем Дмитрия Нижегородского, но не удачно. В 1375 г. – Михаила Тверского, но московские войска даже не позволили ему приблизиться к Владимиру.

⁴ Насонов А. М. Монголы и Русь... С. 129–130.

⁵ Лихачев Д. С. Культура Руси... С. 13.

⁶ Это явление получило название «русского Предвозрождения» или «русского церковно-православного возрождения» // Лихачев Д. С. Культура Руси... С. 12; Прохоров Г. М. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы. В кн.: Куликовская битва и подъем национального самосознания. АН СССР, Ин-т рус. лит-ры., Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXXIV. С. 9.

скими регалиями¹. За 24 года (1357–1381) 25 ханов сменилось на троне золотоордынского владыки². Распри между потомками Чингиза открывали дорогу к власти честолюбивым представителям менее знатных феодальных родов. Наибольшее значение среди последних приобрел темник Мамай³. Пользуясь ослаблением военно-политической мощи ордынского государства, соседи и подчиненные ему народы усиливают борьбу против кочевых феодалов. В 50-х гг. XIV в. войсками Венгрии и Литвы ордынцы были выбиты с территории Молдавии, чем создались условия для ее колонизации и образования молдавского государства. В 1362 г. Альгирдас, разбив татар в сражении у Синих вод (р. Синюха) близ Киева, становится хозяином «понизовых» земель по берегам Южного Буга, Днестра и Днепра и открывает дорогу к Черному морю.

В 1365 г. рязанские князья разбили правившего в мордовских землях (у Мокши) князя Тогая. Через два года (1367) нижегородские дружины разбили болгарского правителя Пулад-Темира. Русские начинают колонизацию земель по нижнему течению реки Суры (в 1372 г. основывается крепость Курмыш⁴) и за рекой Пьяной, проникают на территории, расположенные в низовьях рек Цны и Мокши⁵. Впервые нижегородские и московские рати включаются в борьбу за контроль над волжской водной дорогой: в 1370 г. нижегородцы совершают успешный поход на Биляр, в 1376 г. московско-нижегородское войско, которое возглавил Дмитрий Михайлович Боброк, вошло в Казань.

Здесь было взято пять тысяч рублей в качестве выкупа за город и посажены свои сборщики податей и таможенных пошлин. Опираясь на эти успехи, в 1374 г. Дмитрий Московский прервал дипломатические отношения с Золотой Ордой⁶ и прекратил выплату дани. В том же году в Н.Новгороде восставший народ побил «пословъ Мамаевыхъ, с ними Татаръ с тысящу...». Глава посольства «Сарайка» был убит... Это означало объявление войны! Мамай оказался в трудном

¹ После смерти хана Джанибека в 1357 году началась «в Орде замятня велика» // ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. С. 62.

² Греков И. Б. Восточная Европа... С. 50.

³ Мамай, темник, владел землями к западу от Дона и в Крыму, он не принадлежал к потомкам Чингиз-хана, а потому не мог стать ханом. Он сажал на ханский трон марионеток и правил от их имени.

⁴ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1965. С. 583.

⁵ Татарские и мордовские места здесь «отоимал» у ордынцев Дмитрий Донской. В 1380 (или 1381 г.) над ними было установлено нечто вроде кондоминиума московского и рязанского князей // Насонов А. Н. Монголы и Русь... С. 132; История Мордовской ЛСССР. Т. 1. Саранск, 1974. С. 43.

⁶ Соловьев С. М. История России... Т. 3–4. С. 282.

положении. Впервые правитель Орды не был уверен в собственных силах и стал искать союзников. В 1375 г., дав ярлык на великое княжение тверскому князю Михаилу Александровичу, Мамай попытался заручиться его помощью, но московские дружины быстрее оказались под стенами Твери, чем тверской князь получил помощь из степи, и заставили Михаила капитулировать. Тот обещал отказаться от ярлыка на великое княжение, не брать его впредь и помогать Москве в войне с Мамаем¹. Однако оставался литовско-русский великий князь Ягайло, сын Альгирдаса. Опираясь на союз с Литвой, Мамай стал готовить поход на Москву. В 1378 г. в пробный набег повел конницу один из командиров Мамаево войска мирза Бегич. 11 августа 1378 г. на реке Воже московские рати разбили его наголову.

И вот наступило лето 1380 г. Пришла в движение степь от Волги до крымской яйлы, от мокшанских лесов до гор Кавказа. Тысячи ратников стекались на берега Дона и Воронежа, чтобы под предводительством Мамаево войска повторить Батыево погром Руси. Из-за верховьев Днепра двигался к Дону Ягайло, литовский князь. Шли генуэзские наемники из Кафы. Но не та уже была Русь. В Коломну под знамена Дмитрия собралась «вящая сила»: едва ли меньше 100000 бойцов – князей и бояр, их дружинников, посошные ополчения и добровольцы со всей Русской Земли – от берегов Днепра до Двинских погостов и Нижегородского Поволжья. Впервые русские не защищались пассивно, а вышли за Дон на границу степи. Впервые, наконец, Дмитрий вел на поле брани войско, не уступавшее «Мамаеву полчищу» по численности, но превосходившее его боевым настроением, народной (можно сказать – национальной) сплоченностью, дисциплиной. Поэтому победа русских над многоязычными, разобщенными отрядами Мамаево войска 8 сентября 1380 г. (по Юлианскому календарю) не была чудом, она была закономерностью. Правда, помог и случай. Литовский великий князь Ягайло, полки которого могли склонить победу на сторону Мамаево войска, опоздал и был вынужден ограничиться только мародерскими наскоками на обозы возвращавшейся в Москву армии Дмитрия (теперь уже Донского)².

¹ Насонов А. Н. Монголы и Русь... С. 139.

² Греков И. Б. Восточная Европа... С. 132, прим. 35.

ЭПИЛОГ

Возможно ли приуменьшить значение Куликовской победы, низвести ее до второстепенного в широкой исторической перспективе, локально-русского инцидента? Немногие приверженцы этой точки зрения ссылаются на то, что через два года после Куликовской битвы (1382) Тохтамыш взял Москву и истребил чуть ли не 24000 русских людей, что после похода Тохтамыша были вынуждены и Дмитрий, и его сын Василий, и его внук Василий платить Орде дань, покупать ярлыки, что были еще десятки татарских набегов и десятки тысяч русских людей убиты или угнаны в полон. Да, все это зафиксировано историческими источниками. Верно, что еще сто лет, до знаменитого «стояния» на реке Угре (1480), довлело иго ордынских феодалов над Русской землей. Но существуют другие факты. В 1382 г. Дмитрий сдал Москву, но сохранил свою дружину, уведя ее в Кострому. Больше того, под Волоком Ламским его двоюродный брат Владимир Андреевич разбил сильный отряд Тохтамыша. А последний не только не поспешил отомстить, но поторопился собрать свою армию воедино и начать движение в степь. О преследовании ордынцами самого Дмитрия не было и речи. И тот же Тохтамыш был вынужден сохранить за Дмитрием великое Владимирское княжение, позднее, в 1393 г., продать его сыну Василию ярлык на Нижегородское княжество¹. А разве случайно, что первый русский князь, названный современниками царем, был Дмитрий (хотя официально такой титул принял лишь Иван Грозный в 1547 г.)²? Нельзя не оценить и другого: умирая в 1389 г., Дмитрий завещал великое княжение Владимирское как свое наследственное владение сыну Василию, и с этого времени Москва юридически стала столицей страны³, более того – политической метрополией всего восточного славянства, так как литовские кунигасы, страшась наступления Москвы, пошли на союз с польскими магнатами. Подписав в 1385 г. Кревскую унию, Ягайло женился на наследнице польского трона Ядвиге, ввел в Литве католичество. Тем самым Литва была оторвана от подчиненных ей русских областей. Между западнорусским (украинским и белорусским) трудовым населением и окатоличивавшимися, ополячивавшимися литовскими феодалами возникла и стала все больше и больше углубляться пропасть отчуж-

¹ Соловьев С. М. История России... Т. 3-4. С. 353.

² Лихачев Д. С. Культура... С. 7.

³ Соловьев С. М. История России... С. 307.

денности и враждебности. И если кунигас Витовт (Витаутас Великий) еще мог в конце XIV в. на переговорах в Киеве планировать с ханом Тохтамышем и бежавшим из Москвы митрополитом Киприаном присоединение восточно-русских земель к своим владениям, то немного спустя такие прожекты у любого политического деятеля могли вызвать лишь саркастическую усмешку. Наконец, как не припомнить такое обстоятельство: впервые в 1382 г. со стен каменного Московского Кремля грянул по степной коннице пусть слабый, но все-таки артиллерийский залп. Москвичи научились изготавливать пушки, тогда еще примитивные (звали их тюфяками)¹. Но эти пушки уж точно были прабабушками тех 150 орудий, которые в 1552 г. разбили стены Казанского Кремля, окончательно решив в пользу русских их военный спор с конными ратями кочевников евроазиатских степей... Можно найти и другие факты... Они противоречивы. Следует попытаться разглядеть за их хитросплетенным узором основу исторической жизни. После Куликовской победы Московское государство крепло и экономически, и в социально-политическом отношении от десятилетия к десятилетию, и наоборот, все более и более слабела, «дичала» Степь. Следовательно, Куликовская битва - поворотный момент в истории народов Восточной Европы и северной части Азии.

¹ Артиллерия вышла на поля сражений в 20–30 гг. XIV в. в Западной Европе, быстро распространилась по странам Ближнего и Среднего Востока. Стали возникать разные виды пушек (бронзовые, железносварные) различных калибров. В Казани в 1376 г. нижегородская рать захватила эти самые «тюфяки», которые, возможно, стали образцом для московских (или приглашенных в Москву) мастеров.

Фото на обложке

Слева направо: Виктор Сергеевич Павлов, Станислав Иванович Сухих, Всеволод Иванович Золотов, Евгений Васильевич Кузнецов, А. Миронов, Надежда Николаевна Толстова, В. Локтев. Март 1978 г.

Научное издание

Историки об учителе.

Научно-биографический сборник к 90-летию профессора Евгения Васильевича Кузнецова

Технический редактор С.П. Никонов

Верстка, оформление и вывод оригинала макета А. Р. Панов

Подписано в печать 30.09.2021. Формат 60х84/16.

Усл. печ. л. 11,2 п.л. Тираж 300 экз. Заказ № 567

Издательство Арзамасского филиала ННГУ

607220, г. Арзамас Нижегородской области, ул. К. Маркса, 36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии

Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37